ПИОНЕР

АПРЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год. 4

Делегатом XII съезда ВЛКСМ от комсомольцев города Торжка была пионервожатая Мария Андреевна Фролова. На снимке: Мария Андреевна помогает пионерам подготовить выставку к сбору о дружбе.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 4 апрель 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СТАРШАЯ СЕСТРА

Повесть Л. Воронковой **Рисунки М. Клячко.**

ВЕТКА ДУБА

Зина шла по лесу, взволнованная каким-то нежным раздумьем, и молча любовалась деревьями, тронутыми красками сентября. Конец лета был дождливым и холодным, поэтому не пожухли еловые лапы и отава на лесных полянках зеленела свежо и ярко. И от этой яркой зелени ещё жарче пылали красные осинки и ещё желтее казались листья берёз, а белые стволы их с тёмными чечевичками словно светились под солнцем. Если бы Зина была художником, она бы непременно зарисовала вот эту семейку тоненьких плакучих берёзок с золотой россыпью листьев у подножия, на зелёной траве!

Девочки разбрелись по лесу, и всюду среди кустов и деревьев мелькали их цветные шапочки и платки, отовсюду слышались голоса, которые в прозрачной тишине звучали особенно звонко.

Белая ровная дорожка вела к станции. Учительница Елена Петровна вышла на эту дорожку и, приподняв свой круглый, крутой подбородок, приставила руки ко рту, делая вид, что трубит в трубу:

— Ту-ру-ру! Собирайтесь ко двору!

— Идём! — отозвались со всех сторон голоса.

Солнце ложилось тёплым румянцем на запрокинутое смеющееся лицо учительницы и золотило каштановую прядку волос около уха.

— Та-ра-рам!.. — опять затрубила Елена Петровна.

И множество задорных голосов дружно подхватило:

— Собирайтесь ко дворам! Собирайтесь ко дворам!

Девочки развеселились: так играла с ними Елена Петровна, когда они были ещё маленькими.

Оживлённые, посвежевшие после дня, проведённого в лесу, девочки возвращались на станцию. У каждой была охапка красных и жёлтых листьев. Говор не умолкал: одна нашла опёнок, другая видела белку, а третья слышала шорох и шум в кустах, наверно, там пробежала лисица.

К Зине подошла её подружка Фатьма Рахимова.

— Посмотри, какую я ветку нашла, дубовую, с желудями!

Зина потрогала пальцем блестящие светлые жёлуди.

— Какие хорошенькие! Маша, Маша! — позвала она. — Поди сюда, посмотри...

Маша Репкина, крепкая, энергичная, с маленьким носом и крупным ртом, быстро подошла к подругам. Она едва взглянула на жёлуди и отстранила ветку, которую протянула ей Фатьма.

— Девочки, — сказала Маша непривычно мягким голосом, — давайте тихонько попрощаемся с лесом!..

Зина поглядела на неё, улыбнулась и ласково обняла за плечи. Староста класса Маша Репкина, всегда такая сдержанная и немножко суровая, здесь, в лесу, вдруг дала волю своим чувствам.

— Прощай, лес! До свиданья, берёзы! — сказала Зина.

— До свиданья, красные осинки! — подхватила Фатьма.

И Маша добавила:

— До свиданья!..

Они все три тесно шли рядом, касаясь плечами друг друга, и, притихшие, нежно взволнованные, прощались с деревьями, с полянками, с лесной тишиной. Это была одна из тех глубоких минут, когда у человека раскрывается сердце.

— Девочки, — сказала Маша, — давайте всегда дружить, а? Вот так — крепко дружить, помогать друг другу во всём... И в уроках. И в жизни.

— И в жизни,— повторила Зина,— да, и в жизни.

— А как узнаешь, что будет в жизни? — задумчиво, будто глядя куда-то в своё будущее, сказала Фатьма. — Сейчас я вас очень люблю, девочки. А что будет дальше... Когда мы вырастем? Я не знаю... Не знаю.

— Значит, ты не обещаешь всегда дружить с нами? — огорчённо спросила Зина. — Да? Ну так и скажи: не обещаю.

Фатьма нерешительно повторила:

— Не знаю. Сейчас очень вас люблю. А пока буду любить, до тех пор и дружить буду.

— А я обещаю,— сказала Зина. — Ведь мы шестой год вместе — в одной школе, в одном классе... И не можем обещать?

— И я обещаю,— сказала Маша.

— Я обещаю тоже! — раздался вдруг сзади голос Тамары Белокуровой.

Девочки удивлённо оглянулись, а Тамара, разняв руки Зины и Фатьмы, втиснулась в середину.

— Я всё слышала,—сказала она,—всё! И я хочу тоже быть с вами.

Зина и Маша переглянулись. Тамара жила недалеко от Зины, в одном переулке. Белокуровы приехали недавно. Тамара первый год училась в их классе, и девочки ещё очень мало знали её.

Зине не очень нравилась Тамара — смелая в обращении с людьми, немножко развязная не только с подругами, но и со взрослыми. Чувство недоверия мелькнуло в душе, но Зина тотчас отогнала это чувство: не отталкивать же человека из-за пустяков, если этот человек обещает тебе быть другом на всю жизнь!

— Девочки, вы принимаете меня? — спросила Тамара, глядя по очереди на подруг своими яркими золотисто-карими глазами.

— Конечно, принимаем! — живо отозвалась Маша. — Мы очень рады! Конечно!

— Мы рады... — тихо повторила Зина. И подумала: «Такая, видно, хорошая девочка... понимает настоящую дружбу. А я всё чего-то к ней придираюсь, дура!»

— Конечно, мы рады!—сказала и Фатьма.

Елена Петровна была уже далеко впереди, и девочки, весь шестой класс, гурьбой спешили за ней. Отстали эти четверо. По сторонам белой дорожки поднимались неподвижные деревья, среди их стволов уже сгущался зелёный сумрак, и казалось, что лес примолк и внимательно прислушивается к тому, что говорят девочки.

Тамара взяла из рук Фатьмы дубовую ветку и отломила четыре сучка.

— Как крепко это дерево — дуб, так крепка будет наша дружба! — торжественно произнесла она, раздала всем по сучку и один оставила себе: — Девочки, дайте руки!

Все взялись за руки.

— Перед лицом неба и леса обещаем дружить и помогать друг другу всю жизнь!

Фатьма тихо отняла свою руку. Подруги обернулись к ней.

— Ты всё-таки не обещаешь? — нахмурилась Зина.

— Нет,— покачала головой Фатьма и опустила свои густые изогнутые ресницы.

Между Фатьмой и её тремя подругами прошёл холодок. Ни Маша, ни Зина ничего не сказали. Но Тамара сказала:

— Хорошо. Не дружи. А мы трое будем. Мы обещали — и будем крепко дружить. На всю жизнь. Правда, девочки?

— Правда,— в один голос отозвались Зина и Маша.

И они все трое до самой станции шли, держась за руки. А Фатьма шла с ними рядом и думала: «Правильно ли я поступила?» И отвечала сама себе: «Да, правильно. А вдруг я не смогу с кем-нибудь дружить всю жизнь? Надо поступать честно». Но хоть и почувствовала Фатьма, что поступила честно, на душе у неё оставался какой-то горьковатый осадок. Она украдкой поглядывала на свою любимую подругу Зину и знала, что такую же горечь доставила и ей.

Около самой станции, когда откуда-то из-за леса уже доносился гудок электрички, Зина вдруг спросила негромко:

— Где у тебя твой дубовый сучок?

Фатьма показала:

— Вот он.

Зина взяла сучок у неё из рук и бросила в кусты. Фатьма вспыхнула, хотела закричать, толкнуть Зину и неизвестно ещё что сделать. Но сжала губы и ничего не сказала. Стерпела. Ей и так всё время говорят, что у неё нет выдержки.

ДОМА

«Хорошо, если бы все были дома»,— думала Зина, поднимаясь по лестнице через две ступеньки. Ей казалось, что она очень давно отсутствовала, так давно, что даже немножко соскучилась.

У двери сидел светлосерый кот Барсик. Он увидел Зину, встал и мяукнул, глядя ей в глаза своими круглыми светящимися, как виноградины, глазами.

— А! Домой хочешь? — сказала Зина. — Я тоже хочу!

Зина позвонила, дверь открылась, и они вместе с Барсиком вошли в квартиру.

— Ух, целый веник принесла! — закричал открывший двери Антон. — А мне чего-нибудь дашь?

Из комнаты уже сыпались, как горох, отчётливые маленькие шажки — бежала Изюмка. По-настоящему Изюмку звали Катей, но мама уверяла, что у Кати чёрные глазки, как изюминки в белой булочке, да так и прозвала её Изюмкой. Изюмка, не замедляя хода, подбежала к Зине и схватилась за её пальто, чтобы не потерять равновесия.

— И мне! — ещё громче, чем Антон, закричала она. — И мне листиков!

— Вот налетели на меня! — засмеялась Зина. — Всем дам, не кричите только... Антон, а мама дома?

Мама уже стояла в дверях комнаты в своём фланелевом домашнем халатике. Добрые серые глаза её улыбались, и на щеке светилась розовая продолговатая ямочка.

— Долго вы как! — сказала она. — Я уж думала, не случилось ли чего... Ух, сколько свежести ты принесла из леса! Садись скорее за стол, сейчас соберу поесть.

— Уж ты всегда думаешь, что что-нибудь случилось! — весело возразила Зина. — А папа дома?

— И папа дома,— отозвался из комнаты отец,— все дома. Как погуляли?

— Ой, хорошо, хорошо!

Зина разделась и вошла. Как хорошо, все дома! И даже Барсик дома!

— Мама, я не буду есть, я потерплю до ужина,— сказала она. — Ведь до ужина недолго. Зачем ещё лишний раз возиться!

— Да ведь проголодалась же!

Зина, и правда, очень проголодалась, но всё-таки повторила своё:

— Да нет, мама, нет! Я не люблю, когда не со всеми!

В комнате было тепло. Лампа из-под большого жёлтого абажура проливала на стол широкий круг света. Зина улыбнулась: взгляни на стол — и сразу увидишь, кто чем был занят. На одном краю лежат тетради и букварь — Антон делал уроки. Чуть подальше красный клубок шерсти с начатым вязаньем — мама вязала тёплые носки Изюмке. На другом краю стола раскрытая книга, общая тетрадь и в ней карандаш — папа готовился к политзанятиям. А Изюмка? Что делала Изюмка? На диване пёстрые лоскутки и полуодетая кукла — Изюмка одевала куклу!

— Ну, хорошо, со всеми, так со всеми,— сказала мама и снова взялась за вязанье. А папа прошёлся раза два по комнате, спросил, как там дела, в лесу, и поспела ли рябина, и снова уселся за книгу.

Но Антон и Изюмка уже не могли вернуться к своим занятиям: они растаскивали зинин букет, ссорились, спорили. Изюмка хотела непременно взять именно то, что хотел взять Антон.

— Эту ветку мне!

— Нет, мне!

— Ну, тогда мне шишку!

— Нет, мне шишку!

— Ребята, идите-ка все в ту комнату или в кухню,— сказала мама,— отцу заниматься не даёте.

Зина немедленно собрала свой пёстрый шумящий ворох листвы и веток:

— Ребята, в кухню!

Но отец вдруг захлопнул книгу и сказал:

— Хватит. Голова больше не соображает. Да ведь и воскресенье всё-таки сегодня! Должен я отдохнуть или нет? А?!

— Должен! — хором ответили ребята.

И мама поддержала их:

— Конечно, должен!

— Ну, показывай своё богатство,— потирая свои большие, красивые, с загрубевшими ладонями руки, сказал отец. — Посмотрим!.. Ну-ка, скатерть долой! Вали всё это на стол! Давайте сюда клей. Картонки, какие есть! Лучинки!

Изюмка, визжа от радости, бросилась за клеем, а потом в кухню за лучинкой. Вот-то игра сейчас начнётся! Антон тоже побежал и за клеем и за лучинкой, но Изюмка всюду опережала его. Однако и Антон не растерялся,— он откуда-то из-за шкафа достал старую папку и хлопнул её на стол.

— Это что такое, шишка? — начал отец. — Ну-ка, иди сюда, еловая шишка, сейчас ты у нас превратишься... Ребята, в кого?

— В гуся! — громко крикнула Изюмка.

— В человечка! — ещё громче крикнул Антон.

— Ну, пусть в человечка,— сказал отец. — Вот из этого листика — юбка, а из этого цветка — шляпка, а из этих лучинок — ножки... Ножки! А башмаки из чего? Глина есть?

— Ай, какой человечек!— радовалась Изюмка.

Только мама сидела тихо и глядела на всех тёплыми, ясными серыми глазами...

— Нету.
— Тогда несите хлеба.
И снова Антон и Изюмка бросились наперегонки в кухню за хлебом. Отец отщипнул кусок мякиша, смял его и слепил человечку башмаки.
— Ай, какой человечек! — радостно вопила Изюмка. — Ай, мама, смотри-ка! На ножках!
— Я тоже такого сделаю,— заявил Антон. — Дайте мне шишку!
— И я — человечка,— решила Изюмка.
— Нет, мы с тобой сделаем собачку,— сказала Зина,—давай мне сюда пробку, давай спички...
Вот и начали появляться на столе человечки из шишек и листьев, собачки из пробок, птички из желудей, корзиночки из тонких веточек... Потом оказалось, что хлеб пропал: Зина не заметила, как съела этот материал, пришлось принести ещё кусок. Сколько было смеху за столом, сколько говору!
Только мама сидела тихо, глядела на них тёплыми, ясными серыми глазами, и ямочка светилась у неё на округлой щеке.
Зина случайно взглянула на неё — и вдруг вскочила со своего места, подбежала к ней и обняла за шею.
— Ой, мамочка, какая ты красивая!.. А я и не знала!
Мама засмеялась и шепнула ей в ухо:
— Я не красивая, а счастливая... Потому что я всех вас очень крепко люблю!
И тут же, вздохнув, добавила:
— Ах, только бы вы все были здоровы!
— Вот у нас мама всегда так,— сказала Зина, возвращаясь на своё место. — Всегда чего-то боится!
Отец быстро взглянул на маму и пропел:
— А нам не страшен серый волк, серый волк! А?
— Не страшен серый волк! — подхватила Изюмка.
А Антон объявил:
— Я даже атомной бомбы и то не боюсь!
Все засмеялись. А отец посмотрел на него и сказал:
— Эй, Антон, полегче хвастай!
Вдруг Зина закричала:
— Эй, храбрец, не бери эту ветку! Дай-ка её сюда! Давай, давай!
— Мне нужен жёлудь...—начал Антон.
Но Зина решительно отобрала у него дубовый сучок с тройкой зелёных желудей и унесла на свой столик.
— Этот сучок трогать нельзя. Мне его беречь надо.
И, бережно уложив ветку в ящик, сказала самой себе:
— На всю жизнь.

ДРУГУ НАДО ПОМОГАТЬ

Зина всегда слышала утренние гудки. И сегодня она наполовину проснулась от привычного напевного голоса гудка.
«Завод будит папу, велит вставать...» — подумала она сквозь сладкую дрёму.
И папа встал. Он тихо, стараясь не очень топать своими тяжёлыми ботинками, которые надевал на работу, прошёл в кухню, к умывальнику. Потом возвратился к столу.
Мама уже тем временем поставила на стол горячий чайник и тарелку с разогретым супом: отец любил завтракать так, чтобы или суп или щи были.
— Так покрепче,— говорил он.
Чуть-чуть звякает посуда, едва слышно разговаривают мама и отец... И вот снова наплывает сон, и не поймёшь, то ли шёпот голосов слышится, то ли шелест клёна за окном, который заглядывает в открытую форточку. Вот и второй гудок пропел. Чуть слышно хлопнула дверь. Отец ушёл на работу. И ещё раз хлопнула дверь: ушла на работу соседка тётя Груша. Они с отцом работают на одном заводе. Зина знает, что скоро и ей вставать, и спешит поглубже зарыться в подушку, поскорей уйти в тёплые, весёлые сны... Из темно-зелёной травы поднимаются жёлтые рыжики всё выше и выше. И уже не рыжики это, а жёлтые цветы качаются на высоких стеблях...
И вдруг, сразу обрывая сон, оглушительно, будто гром, обрушивается музыка.
Зина вскочила. В комнате на полную мощность гремело радио.
— Антон! — крикнула Зина. — Ты с ума сошёл, наверно!
А из кухни уже бежала мама. Она повернула рычажок — и музыка зажурчала, как чистая, прекрасная река, нежная и далёкая...
— Ну вот,—недовольно пробурчал Антон,— не дают марш послушать!
— Ты что, глухой разве? — спросила мама. — Разве тебе так не слышно?
— А пусть всем слышно.
— А ты за всех не решай. Кому захочется, тот сам себе включит. Тебе хочется сейчас музыку слушать, а кому-нибудь не хочется. Соседка Анна Кузьминична дежурила сегодня—так ей поспать надо. А вот напротив студент Володя живёт — ему, может быть, надо заниматься. Мы с тобой, дружок, не в

чистом поле живём, а среди людей. А раз мы живём среди людей, так надо о них думать, надо с ними считаться. Понял ты?

— А почему же Петушок из пятого номера всегда запускает? — сказал Антон.

— А потому, что твой Петушок — несознательный человек, некультурный. Ты тоже хочешь быть несознательным и некультурным?

— Нет, — решительно ответил Антон и слез со стула, на котором стоял, командуя приёмником.

— Ступай умывайся, сынок. Скоро в школу, — сказала мама, накрывая на стол, — а я пока завтрак соберу. Зина, ты как?

— Встала! — отозвалась Зина.

Зина вышла из спальни и быстрым шагом направилась на кухню. Антон, сообразив, что она сейчас займёт кран, бросился бегом занимать место. Но сообразил поздно: Зина уже отвернула кран.

— Я вперёд встал! — Антон пыхтел и отталкивал Зину. — Я вперёд!..

— Антошка, перестань!

У раковины началась возня.

— Я первый! — твердил Антон. — Пусти!

— Умоюсь, тогда пущу! — не сдавалась Зина, намыливая лицо.

Антон, увидев, что не может справиться, зажал пальцем отверстие крана, и вода радужным веером обрызгала всё вокруг — и стены, и полку с посудой, и Зину, и маму, которая только что вошла.

— Ой-ой, — не повышая голоса, сказала мама, — какие умные и какие дружные у меня дети! Ах, как хороши!

Зине вдруг стало совестно, что она взялась сражаться с Антоном — это с первоклассником-то! И она отступила, хотя мыло так и щипало глаза.

Антон умылся, как всегда, неторопливо, обстоятельно. Долго вертел в пухлых руках кусок мыла, тёр и уши, и щёки, и лоб, как учила мама...

— Ну скорей, скорей, ты! — торопила его Зина, нетерпеливо топая ногой.

Но Антон отошёл от раковины только тогда, когда сделал всё, как учила мама. Зина в отместку брызнула ему вслед водой прямо за шиворот. Антон покрутил головой и засмеялся. Зина засмеялась тоже. И в это утро они такими же дружными, как всегда, а может, ещё и дружнее, вышли из дома в школу. Но школы их были в разных сторонах. И Антон пошёл в одну сторону, а Зина — в другую.

В соседнем дворе, в зелёном деревянном домике, жила Фатьма Рахимова. Обычно Зина, проходя мимо, стукала пальцем в окошко, и Фатьма тотчас кричала: «Иду!» — и выбегала на улицу. Но сегодня Зина прошла мимо зелёного домика и не постучала в окно. Зина так любила Фатьму: они выросли вместе, вместе пошли в школу и все годы, ни разу не поссорившись, просидели на одной парте! «Это мой самый верный друг, — говорила сама себе Зина, — самый верный!» И вдруг оказалось, что Фатьма никакой не верный друг! Сама вчера сказала, что не обещает быть другом! Вот как можно обманываться в людях! Маша Репкина всегда казалась такой суровой и даже чёрствой, всегда говорила только об уроках да о делах, будто только и есть у неё всякие деловые мысли, а чувств никаких нет. А вот, однако, как поглядела на лесную красоту, как побегала под деревьями, так и оказалась совсем другим человеком. Тамара тоже не была такой подругой, как Зине хотелось бы: она казалась и заносчивой, и чересчур развязной, и небрежной к людям. Но вот и у Тамары оказалось верное сердце. Как она сказала красиво:

— Перед лицом неба и леса обещаю!..

Очень красиво! И тоже обещала «на всю жизнь». А Фатьма!..

Зина шла одна по улице, рассуждала обо всём этом и старалась убедить себя, что ей совсем всё равно, что Фатьма сегодня не идёт с ней рядом.

Быстрый-быстрый топот чьих-то шагов послышался издалека — это Фатьма бежала, догоняя Зину. Она догнала её вся красная, запыхавшаяся, вязаная шапочка её сбилась на ухо, чёрные глаза горячо блестели.

— Что же ты? — спросила Фатьма удивлённо. — Почему не постучала? А я сижу и жду... Так и в школу могла бы опоздать!

— Но у вас же есть часы, — возразила Зина, не глядя на Фатьму.

Фатьма заглянула ей в лицо:

— Ты из-за чего сердишься? Скажи. Я ведь не знаю.

— Я не сержусь. — Зина поджала свои маленькие губы, и лицо её приняло замкнутое выражение.

— Нет, ты не поджимайся! — вспыхнула Фатьма. — Ты скажи!

Зина пожала плечами:

— А что тебе говорить? Сейчас мы с тобой подруги. А завтра ты, может быть, сделаешься мне врагом. Разве тебе можно верить?

— Можно, — твёрдо возразила Фатьма, — я пионерка, и ты пионерка. Я не могу сделаться твоим врагом. Но, конечно... Если ты меня теперь не любишь... То, конечно...

Зине захотелось взять Фатьму под руку, засмеяться и сказать: ой, да забудем все эти глупости! Но Зина сдержалась, а добрая минута ушла, ускользнула... И Фатьма с мрачным лицом, больше не оглядываясь на Зину, вошла в ворота школы.

«Ну и ладно, — опять поджимая губы, подумала Зина, — у меня Маша есть, Тамара...»

В школе уже звенел звонок. Зина торопливо раздевалась, когда сверху, с площадки лестницы, её окликнула Маша.

— Зина, Тамару не видела?

— Нет, — оглядываясь, ответила Зина.

Маша повела бровями:

— Неужели опять опоздает?

Девочки поспешно становились на линейку. Тамары не было.

— Опять, опять опоздала... — озабоченно вздохнула Маша.

— А что, трудно быть старостой? — подразнила Машу Сима Агатова, председатель совета отряда. — Смотри, на совете спросим, почему у тебя ученицы опаздывают.

Тамара Белокурова вбежала в класс вслед за учительницей и вихрем промчалась на своё место. Волосы у неё были небрежно завязаны измятой синей лентой, галстук съехал куда-то на плечо. Зато на шее красовались бусы из тёмного гранёного янтаря.

Учительница истории Вера Ивановна, высокая, прямая, с бледным лицом и большими бледносерыми холодными глазами, подошла

к столу, односложно ответила на приветствие девочек и обернулась к Тамаре:

— Опоздала?

— Вера Ивановна, у меня мама... — торопясь, начала Тамара.

Вера Ивановна, не слушая дальше, что-то отметила у себя в журнале:

— В следующий раз попрошу быть аккуратнее.

— Но у меня мама заболела! — протестующе возразила Тамара.

— А сейчас изволь выйти из класса,— продолжала Вера Ивановна, будто не слыша,— причешись, приведи себя в порядок — и тогда только можешь сесть за парту. — И, обращаясь ко всему классу, будто Тамары уже нет, сказала: — Начнём наш урок. В прошлый раз мы остановились...

Зина с тревогой и сочувствием оглянулась на Тамару. В какое неприятное положение попала её подруга, ей теперь, наверно, просто сквозь пол провалиться хочется!

Но Тамара, ничуть не смущаясь, окинула класс спокойным и даже весёлым взглядом, ровным шагом вышла из класса и довольно громко закрыла за собой дверь.

Обратно она явилась почти в самом конце урока. Волосы её были причёсаны и примочены водой, а концы галстука спрятаны под грудкой фартука. Вера Ивановна словно не заметила её прихода, но Зина знала, да и весь класс знал, что эта учительница всё видит и всё помнит.

В перемену Маша и Зина, словно пчёлы, жужжали Тамаре с двух сторон.

— Может, тебе помочь нужно? — заботливо спрашивала Зина. — Мама очень больна? Что с ней?

— Ты больше не должна опаздывать,— твёрдо повторяла Маша,— ты уже третий раз опаздываешь, а ещё и сентябрь не прошёл!

— Маша, как тебе не стыдно? — остановила её Зина. — У Тамары мама заболела, а ты... Мы помочь ей должны!

— Будет отставать в уроках, так и поможем,— упрямо ответила Маша. — Прикрепим Симу Агатову, она первая ученица у нас...

— Как это Симу? — удивилась Зина. — Это мы должны. Ты или я. Мы же вчера обещали друг другу!..

— Я не отказываюсь,— пожала плечами Маша,— но только говорю одно: не опаздывай. Я староста класса, и нечего меня подводить!

Тамара, наконец, подала голос. Она насмешливо усмехнулась:

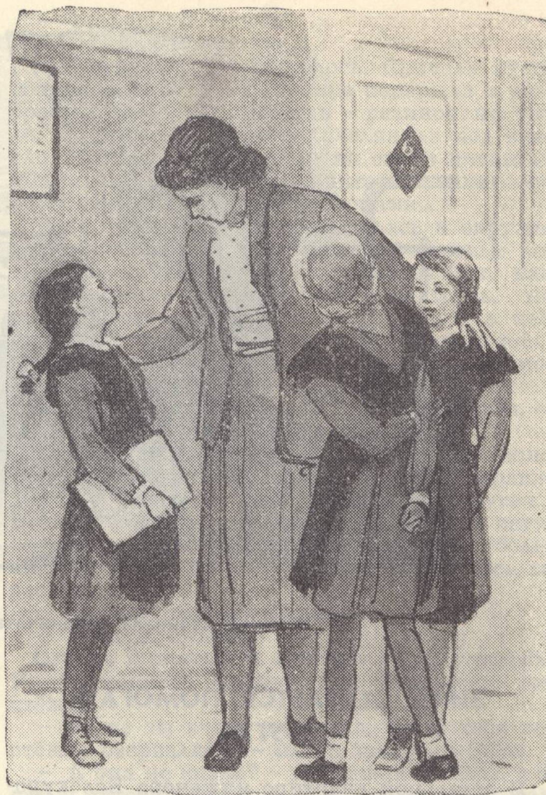
— А я и не знала, что все должны во-время приходить, только чтобы не подводить старосту!

Маша самолюбиво покраснела, у неё загорелись уши.

— Я не то хотела... — начала она. Но больше так и не знала, что сказать.

— Тамара, ты не смейся! — горячо и огорчённо вступилась Зина. — Мы ведь тоже должны и о Маше думать. Она же староста. Ну, а если тебе трудно приходить во-время, может, ты не просыпаешься... то хочешь, я буду за тобой заходить? Девочки, ведь мы же дали слово друг другу... крепкое, как дерево дуб!

К ним подошла их классная руководительница Елена Петровна и, шутя, обняла всех троих за плечи.

К девочкам подошла их классная руководительница Елена Петровна.

— Какой-то митинг здесь,— сказала она, лукаво поглядывая на девочек по очереди,— и какое-то слово «крепкое, как дуб».

Зина и Маша смутились. Но Тамара глядела в глаза учительницы прямо и спокойно. Все трое молчали. Елена Петровна сделала серьёзное лицо:

— Значит, тайна? Ну, не могу врываться. Тайны, конечно, полагается хранить. Будьте покойны, девочки, я совершенно ничего не знаю и ни о каком «крепком дубе» не слыхала.

И она, дружелюбно кивнув головой, отошла.

— Может, скажем ей? — нерешительно произнесла Зина.

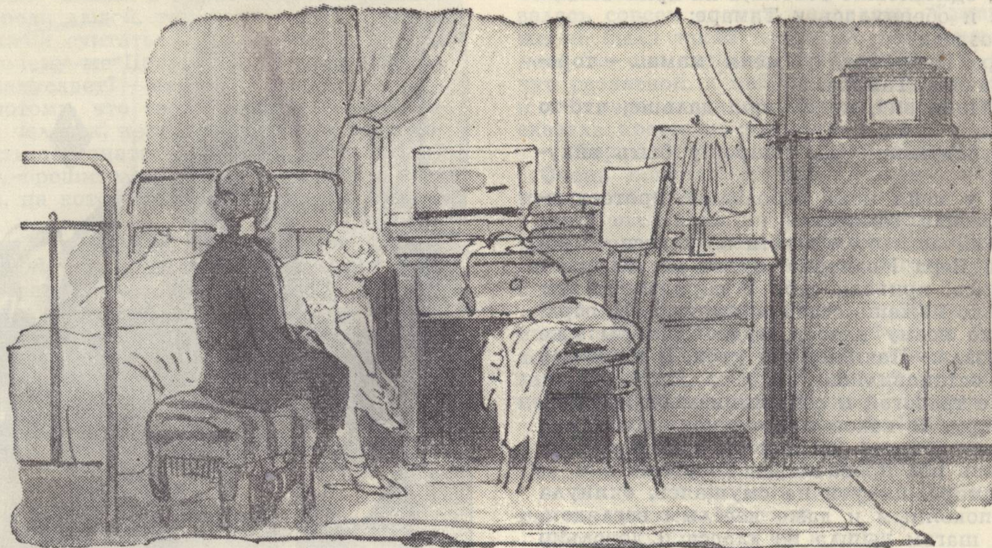
— Зачем? — прервала её Тамара. — Чтобы она всякие нотации стала читать? А раз мы произнесли наше обещание...

— Да! Перед лицом леса и неба! — вставила Зина.

— ...то должны его помнить и хранить. И всегда, во всякой беде помогать друг другу,— докончила Тамара.

У неё вышло это так красиво, будто она декламировала стихи. Зато голос Маши прозвучал совсем прозаически.

— Вот ты, Зина, и заходи за ней каждое утро,— сказала она, будто гвоздями приколачивая каждое слово. — И чтобы ты, Тамара, больше не опаздывала. Помогать, так помогать!

Зина начинала нервничать: — Тамара, мы опаздываем!..

ЗИНА СТАРАЕТСЯ ПОМОГАТЬ ДРУГУ

В отдельной квартире инженера Белокурова почти не слышно заводского гудка. Николая Сергеевича поднимает будильник, маленький, круглый, с нежным звоном будильник, который он ставит около своей постели. А чтобы этот будильник никого не тревожил в квартире, Николай Сергеевич спит у себя в кабинете за плотно закрытой дверью.

Никто не слышит, как утром встаёт и уходит на работу Николай Сергеевич: ни жена его Антонина Андроновна, ни дочка его Тамара, ни работница Ирина. Зачем их тревожить? Позавтракать можно и в заводском буфете, а утренние часы, если придти пораньше, так хороши для работы!

Николай Сергеевич привычным движением приглушил будильник, быстро оделся, отдёрнул тяжёлую зелёную штору. С улицы глянуло серенькое утро, прелестное, задумчивое, и оранжевый кленовый лист медленно пролетел мимо окна. Но Николай Сергеевич ничего этого не видел, он просто посмотрел, не идёт ли дождик и не надо ли взять прорезиненный плащ. В неясном свете осеннего утра его продолговатое лицо казалось ещё бледнее, ещё темнее казались тени вокруг глубоко сидящих глаз. Нечаянно заглянув в зеркало, он удивился, почему у него такое лицо, лицо больного человека? Устаёт он слишком, что ли?

Недавно директор остановил его с этим же самым вопросом.

— Не знаю. По-моему, не болен, — ответил, улыбаясь, Николай Сергеевич.

— Не знаете! — с упрёком возразил директор. — И никому, видно, ни вам, ни домашним вашим, до этого дела нет! Балуете вы их, домашних-то своих, Николай Сергеевич! Думаете, никому не известно, что вы даже на работу приходите без завтрака?

— Пусть живут! — добродушно отмахнулся тогда Николай Сергеевич.

Но разговор этот оставил на душе чувство неясной горечи. Сейчас эта горечь шевельнулась снова. В самом деле, почему это о нём никто не заботится, никто не беспокоится? Почему бы, в самом деле, Ирине не приготовить ему завтрак?

Стараясь ступать неслышно, чтоб не скрипел паркет, он прошёл в кухню. Ирина, позёвывая, расчёсывала перед зеркалом косу.

— Ирина, — обратился к ней Николай Сергеевич, — вот дело-то какое...

— Какое? — удивилась Ирина, раскрыв свои круглые блестящие глаза.

— Да вот... — Николай Сергеевич усмехнулся и пожал плечами, — нет ли у тебя чего-нибудь поесть?

— Поесть? — Ирина ещё шире открыла глаза. — Как это поесть?.. Чего поесть?

— Ну, чего-нибудь. Позавтракать.

Ирина откинула за спину косу и, в свою очередь, пожала плечами:

— Вы бы, Николай Сергеевич, с вечера говорили. А сейчас что же? Тут есть колбаса, но ведь это Тамаре. Бутерброд в школу. А грудинка Антонине Андроновне на завтрак. Давайте сейчас сбегаю на рынок, куплю чего-нибудь...

— Что? На рынок? — испугался Николай Сергеевич. — Ну, нет, матушка! Мне ждать некогда. Впрочем, не беда. Позавтракаю в буфете.

— Конечно! — весело согласилась Ирина. — А то тут пока принесёшь, да пока приготовишь...

Николай Сергеевич, надевая шляпу, ещё раз заглянул в зеркало.

— Ну что особенного? Ничего особенного! Просто там занавески зелёные. Вот и показалось.

И, прислушавшись на мгновенье к сонной тишине своей квартиры, сказал:

— Пускай живут.

И вышел, неслышно прикрыв дверь.

«Что это сегодня с хозяином? — недоумевала Ирина, укладывая косу на голове. — Вдруг завтракать запросил!..»

В прихожей раздался несмелый звонок. Ирина побежала открывать.

— О, уж не вернулся ли?

Но Николай Сергеевич не вернулся. А на пороге стояла тоненькая светлоглазая девочка в синей вязаной шапочке со школьной сумкой в руках.

— Здравствуйте, я к Тамаре,— сказала она.

— Ай, батюшки! — Ирина всплеснула руками. — А я и забыла, что Тамару будить пора!

И Ирина, легко ступая, на цыпочках убежала в комнату.

— Спит?

Зина Стрешнева, как и обещала, зашла за Тамарой, чтобы Тамара не опоздала и сегодня. Уже восемь, а она ещё спит! Но вот из комнаты быстрым шагом вышла Ирина, а за ней в ночной рубашке и ночных расшитых туфельках появилась Тамара. Зина чуть не выронила сумку.

— Тамара, что же ты? Мы же совсем опоздаем!

— Не волнуйся,— ответила Тамара,— иди сюда. Ты посиди, а я буду одеваться.

— Боишься? Иди за мной,— сказала Тамара и открыла дверь.

— Только ты скорее!

— Да, я сейчас.

Но «сейчас» не получалось. Сначала куда-то девались резинки. Тамара перерыла и разбросала всю свою постель — резинок не было. Полезла под кровать, заглянула под кресло. И наконец нашла их на своём письменном столе, заваленном книгами, какими-то коробками, лентами и флаконами...

Зина незаметно приглядывалась к окружающему. Какие богатые вещи! У постели ковер, на круглом столике отливающая, как павлиний хвост, бархатная скатерть, на резной полочке — хрустальная ваза, а в ней цветущая вишня, сделанная из розового шёлка... На окне среди цветов аквариум с одиноко плавающей золотой рыбкой.

— Как хорошо у вас! — сказала Зина. — Красиво! Ты рыбок разводишь, да?

— Я? Нет! — ответила Тамара, поспешно натягивая чулки. — Сначала они мне нравились... А потом то одна подохнет, то другая... Возня с ними! Ну вот, теперь башмаков нету!

Зина начинала нервничать, стрелки больших, стоящих на комоде часов тронулись за восемь.

— Тамара, мы опаздываем!..

— Ничего. Сейчас.

Однако и опять это «сейчас» не получилось. У форменного фартука не оказалось застёжки.

— Разве ты вчера не знала, что у тебя застёжка оторвалась? — мягко заметила Зина.

— А она не знала? — возразила Тамара, кивая в сторону кухни. — Деньги получать так она знает! Ей и мама сколько раз говорит: «Вы, Ирина, отлично знаете, когда день вашей получки. А что надо сделать то-то и то-то, так вы не знаете». А она тут же и начнет: «Да у меня стирка, да у меня обед, да мне на рынок бежать!..» Подумаешь, стирка!

— Не знаю...— потупясь, сказала Зина.— Я сама всегда себе ботинки чищу и застёжки пришиваю... Ну, что тут такого?

Взглянув ещё раз на часы, Зина вдруг встала:

— Я пойду! Бо́льше никак нельзя ждать!

Тамара только что налила себе чаю.

— Нельзя? — спросила она, и в тёмных глазах её загорелись знакомые Зине насмешливые огоньки. — То дружба на всю жизнь, и ничего не жалеть для друга и быть около него в беде... А то три минуты подождать нельзя. Вот так дружба! Ну, что ж? Ну, опоздаем. Но ведь мы же обещали беду вместе делить. А теперь ты меня бросаешь! Хорошо. Я пойду без завтрака.

— Почему это ты пойдёшь без завтрака? — спросила, вдруг, входя в комнату, мать Тамары Антонина Андроновна. — Что за каприз?

Зина встала и поздоровалась. И не поняла — не то заметила Антонина Андроновна её поклон, не то не заметила. Её синий шёлковый халат ослепил Зину.

— А потому не буду, что меня ждёт подруга, Зина Стрешнева. Вот она.

— Но Зина-то Стрешнева, конечно, позавтракала?

— Мы опаздываем,— робко произнесла Зина, почему-то чувствуя себя виноватой, раз она успела позавтракать,— но ты, Тамара, попей чаю всё-таки.

На часах было двадцать минут девятого. Их класс сейчас построился на линейку. И огорчённая Маша записывает в дневник, что ни Стрешневой, ни Белокуровой на линейке нет.

Зина почти бежала по улице. Тамара еле успевала за ней. На углу, где дорога в школу пошла через бульвар, Тамара замедлила шаг.

— Не беги. Всё равно опоздали. Но ты не бойся, я тебя выручу. Я-то друга не оставлю!

В школе стояла глубокая, напряжённая тишина. От этой тишины у Зины захолонуло сердце: уроки начались. Сунув своё пальто удивлённой гардеробщице, Зина, как осенний листок, подхваченный ветром, взлетела на третий этаж. Голубые стены коридора, полные смутных отражений, показались ей холодными, как застывшая вода, а закрытые двери классов выглядели строго и отчуждённо. Подойдя к дверям своего класса, Зина остановилась. Ее охватило непреодолимое желание повернуться и уйти домой. Что будет, то и будет! Но войти сейчас, когда уже начались занятия!..

— Боишься? — чуть-чуть усмехнулась Тамара и спокойно подошла к двери. — Иди за мной.

Тамара открыла дверь. Учитель математики, Иван Прокофьевич, поглядел на вошедших поверх очков.

— В чём дело? — спросил он.

— Мы опоздали,— сказала Тамара,— у меня мама больна... Мы бегали в аптеку... Извините.

— Садитесь,—пожав плечами, ответил Иван Прокофьевич. — Вы учитесь не для меня, а для себя. Мне лично вы никакого одолжения не делаете.

И, отвернувшись от них, продолжал объяснять задачу.

Зина, красная до слёз, ничего не видя, прошла на своё место. Фатьма отодвинула свой задачник, чтобы он не мешал Зине, но ничего не сказала. Быстро оглянувшись в сторону Маши, Зина встретила её сердитый взгляд. И, больше не оглядываясь, стала слушать объяснения учителя.

В перемену удивлённая и встревоженная Елена Петровна позвала Зину и Тамару в учительскую.

— Не выдавать! — коротко напомнила Тамара, сверкнув на Зину глазами.

Зина молча кивнула головой, даже боясь подумать о том, что делает.

Елена Петровна усадила их в уголок, где никто не помешал бы их разговору. Лицо её было, как всегда, спокойно, темнокоричневые глаза внимательны и дружелюбны, и только между бровями лежала знакомая Зине морщинка... Увидев эту морщинку, Зина поняла, что у Елены Петровны не совсем хорошо на душе.

— Значит, у тебя заболела мама,— сказала учительница, глядя на Тамару. — Ты побежала в аптеку... Надо будет навестить твою маму и как-нибудь устроить, чтобы в аптеку ходила ваша работница, в то время как тебе надо идти в школу.

— А зачем её навещать? — немножко смутилась Тамара. — Ей уже гораздо лучше. Она уже встаёт!

Зина глядела вниз, заливаясь румянцем. «Она уже встает!» Полная красивая женщина, с завитыми волосами, в блеске шёлкового халата, стояла перед глазами Зины.

— Ах, вот как? Уже встаёт! Очень рада,— продолжала ровным голосом Елена Петровна, а морщинка между бровей делалась всё резче и глубже. — Значит, надо зайти и поздравить её с выздоровлением.

— Но она же... она же сегодня уедет на дачу к бабушке! — торопливо возразила Тамара. — Бабушка у нас заболела!

— Ну, вот беда! — Елена Петровна покачала головой. — То одна, то другая... Так ты иди, Белокурова, отдохни на перемене. Ведь можно до смерти устать, когда в доме больные. Я понимаю!

Тамара, уходя, искоса взглянула на Зину и подмигнула: вот как я умею увернуться!

Елена Петровна молчала, пока за Тамарой не закрылась дверь.

— Так, Зина,—сказала она и, взяв со стола стопку тетрадей, начала перебирать их. — А ты тоже сочинила какую-нибудь историю, чтобы обмануть меня?

— Нет! — быстро ответила Зина.

— Тогда расскажи, почему вы с ней опоздали сегодня. Ведь ты взялась помогать подруге. А вместо того, чтобы её притащить вовремя, опоздала и сама. Почему так случилось?

Зина молчала. Сказать неправду она не могла: не хотела обманывать Елену Петровну. Сказать правду тоже не могла: нельзя было выдавать друга, которому «перед лицом леса и неба» обещала быть верной на всю жизнь. И она упорно молчала, опустив свою белокурую голову с ровным прямым пробором.

— Не можешь сказать? — помолчав, спросила Елена Петровна.

— Не могу,— прошептала Зина.

— Это что... опять дубовый сучок?

Зина быстро взглянула на Елену Петровну и, встретив её тёплые глаза, в глубине которых золотым огоньком дрожала улыбка, поджала губы.

— Не могу,— повторила она.

— Зина, неужели какой-то глупый дубовый сучок, какая-то детская затея,— начала Елена Петровна,— заставляет так замыкаться от меня?

— Не потому, что сучок... — сурово, не поднимая глаз, возразила Зина,— а потому, что мы обещали... Дали слово...

— А! Ну, раз дали слово — другое дело,— согласилась учительница. — Когда человек даёт слово, он должен его держать. Особенно, если этот человек — пионер.

А когда Зина вышла, так и не подняв головы, Елена Петровна проводила её задумчивым взглядом.

— Однако история перестаёт быть ерундой,— сказала она сама себе,— одна лжёт, а другая поддерживает её. И будет поддерживать, потому что находится в плену какого-то неизвестного обаяния. Как разрушить это? Передать в пионерскую организацию? Девочки соберут отряд, разоблачат эту «тайну» и всё развенчают. Это так. Но кто знает, не окажется ли Тамара в глазах Зины человеком, пострадавшим за дружбу, и не почувствует ли Зина себя предательницей?..

В этот вечер у отца с Антоном произошёл конфликт. Антон пришёл из школы очень весёлый — он ещё с порога прокричал на всю квартиру, что ему в классе дали поручение. Это было его первое поручение и, конечно, очень важное — следить за цветами на одном из окон.

— А Варвара Захаровна сказала, если у кого есть дома цветы, если захочет, пусть приносит,— сообщил он. — А я говорю, у нас есть, и я принесу. Мама, можно, я отнесу в школу цветок?

— Ты бы, сынок, сначала спросил у меня, можно ли, а потом и обещал,— сказала мама, приглаживая его белесые вихры. — Ну, а теперь мы с тобой в безвыходном положении: раз обещал, надо отнести.

— А какой отнести?

В дело вмешалась Изюмка:

— Пусть вот эти листья отнесёт, они некрасивые!

— Сынок, а знаешь что? — сказала мама. — Эти листья ты, пожалуй, и возьмёшь. Только не сейчас: сейчас они вялые, жёлтые. Скоро и совсем отпадут. Но зато после нового года, как начнёт этот цветок новые листочки выпускать да как начнёт цвести красными граммофонами!.. Это богатый цветок—амариллис. Вот его и возьмёшь.

Антон согласился. Ему сразу представилось окно, залитое весенним солнцем, и среди зелёных стеблей и листьев разных бегоний и гераней его цветок горит красным огнём! И он тут же пощупал пальцем землю, не сухая ли. Теперь этот цветок будет всё время под его личным наблюдением.

Лишь только раздался отрывистый, короткий папин звонок, Антон, а за ним Изюмка выбежали в коридор открывать отцу.

— Тише, тише,— легонько отстранил их отец. — За меня не хватайсь!

— Всегда за тебя «не хватайсь»! — обиделась Изюмка.

— Да ведь это только временно,— возразил отец,— вот сейчас умоюсь, переоденусь... Ну, тогда другое дело. А то видишь, спецовка какая? Тут и гарь, тут и масло.

— Папа, папа!—перебил Антон.—А мне в классе поручение дали!

— Скажи, пожалуйста! — покачал головой отец. — Поручение! Ты, Антон, однако, важным человеком становишься!

А мать тем временем уже сновала из комнаты в кухню, из кухни в комнату — собирала обед. Как любила она эти часы, когда вся её семья собиралась вместе! Тёплыми, лучистыми глазами поглядывала она и на детей и на мужа, ямочки на её щеках играли, полные красные губы морщились от сдерживаемой улыбки, а проворные руки ставили кастрюлю на огонь, резали картошку, раскладывали рыбу на блюде...

За обедом, как всегда, шёл оживлённый разговор. Отец рассказал, как пришёл к ним на завод какой-то лектор из райкома, хотел посмотреть, как тут работают. Ходил, дивился. На краны дивился, на горящие мартены, на грохочущие станы. Около него, Стрешнева, долго стоял и всё удивлялся, как этот вальцовщик ловко подхватывает огненную проволоку, бегущую из стана, и, повернувшись, направляет её в другой стан. А потом и обмишурился, оперся рукой на мотки проволоки, а мотки-то ещё были горячие. Ну, и обжёгся, да только не сильно, заживёт...

— Мы тоже скоро к вам на завод придём!— сказала Зина.

— Э, нет! Ничего не выйдет,—усмехнулся отец. — Посторонним вход воспрещён. И правильно. А то вот так забредёт какой, да и попадёт под какую-нибудь чушку... Или в раскалённой проволоке запутается. Вот и ищи его тогда!

— А вот мы всё-таки пойдём!—весело повторила Зина.—Со школьной экскурсией!..

— А! Ну, это — другое дело,— сдался отец.— Конечно, нелишне знать, где ваши отцы работают и что делают.

Но больше всех говорил за столом Антон. Он был в отличном настроении, пожалуй, даже сверхотличном. Из ума не выходило то важное обстоятельство, что у него теперь есть школьное поручение. Надо было объяснить, какие цветы стоят на этом окне, и как их надо поливать, и как Петруша Галкин сказал, что Антону всегда везёт, а что он, Петруша, справился бы лучше, только ему не везёт...

После обеда отец повозился с младшими ребятишками, потаскал их, обоих сразу, на загорбке.

— Ну, теперь я немножко отдохну,— сказал он, опуская их на пол. — Полежу в спальне.

Но Изюмка, обняв ногу отца, не пускала его и смеялась:

— Ой, папка, какой ты огромный!

А за другую ногу теребил Антон и, подняв на отца большие ясные глаза, лукаво прищурился и спросил:

— А ты что обещал сегодня? Знаешь?

— Знаю,— ответил отец,— человечков из бумаги вырезать.

— Да! Да!

— Ну и вырежу. Только полежу. Чуть-чуть.

Отец ушёл в спальню, мать мыла посуду на кухне, а Зина принялась убирать со стола.

— Я буду тебе помогать,— объявил Антон.

— И я! — закричала Изюмка.

— Ох, куда деться от этих помощников!— вздохнула Зина. — Ну, уж ладно. Я вам буду давать по вещичке, а вы относите их в буфет.

Изюмка получила фарфоровую дощечку, на которой режут хлеб. Она крепко, обеими руками, прижала её к груди и тихо, еле переступая, направилась к буфету.

Антон же, наоборот. Повинуясь своему праздничному настроению, скакал вприпрыжку с розовой маминой чашкой в руке. Он разбежался, да и задел чашкой за угол буфета. Чашка со звоном разлетелась на мелкие блестящие кусочки.

— Разбил! — закричала Изюмка.

— Нет! — растерялся Антон. — Она сама.

— Не выдумывай,— сурово сказала Зина, подбирая осколки в фартук.

Из спальни выглянул отец:

— Что это, кажется, авария?

— Нет! — поспешно ответил Антон. — Ничего и не разбилось.

Тёмные папины глаза перестали улыбаться:

— Ничего не разбилось?

— Нет,— опять сказал Антон.

Зина с осколками в фартуке молча стояла у стола.

Отец внимательно посмотрел на Антона. Лицо его стало скучным, словно погасло, а на лбу сразу появились морщинки.

— Мы сегодня не будем вырезать человечков,— сказал он и вздохнул. — Наш Антон — обманщик.

— Я! Я разбил чашку! — закричал Антон, и крупные слёзы тотчас покатились по круглым тугим щекам. — Я не обманщик!

— А почему ты не сказал сразу?

— Я думал, что ты за это... не будешь вырезать человечков...

— Я не буду их вырезать не за «это», а за то, что ты меня обманул. Рабочий класс обманщиков презирает. Понял?

Отец уселся на диван и загородился газетой.

— Ну, папа, ну я больше не буду!

Антон ревел, но отец не отвечал ему. Антон начал теребить его колено.

— Человечков я тебе сегодня вырезать не буду,— ответил тогда отец. — Ты меня обманул. И больше не кричи, ничего от этого не изменится.

Антон в слезах отправился на кухню к маме. Мама стояла у плиты, мешала кашу в кастрюле и весело разговаривала с соседкой старушкой Анной Кузьминичной.

— У моего сына что-то случилось,— сказала мама.—Не могу ли я помочь?

— Можешь! — крикнул Антон. — Папа не хочет вырезать человечков!

— Почему же?

— Я его обманул!

— А! — серьёзно сказала мама. — Уж тут я ничего не могу поделать. Не надо было обманывать.

— А я ничего не разбила и папу не обманула,— сообщила Изюмка, прибежавшая следом.

Зина молча высыпала в ведро осколки.

«Антон обманул и вон сколько слёз пролил из-за этого,— думала она,— а я? Я разве не обманула Ивана Прокофьевича, когда опоздала? И маму тоже. Разве не обманула?»

После ужина, когда уже все улеглись в постели и только мама ходила по комнате, что-то прибирая, Зина тихонько подошла к ней.

— Мама, а если человек про что-нибудь не скажет, он тоже обманщик? Или нет? Вот промолчит просто — и всё?

— Я что-то не понимаю, дочка,— ответила мать, чуть-чуть наморщив свой гладкий белый лоб. — Ты не можешь пояснее?

— Ну, вот человек слышит, как другой человек говорит неправду. А сам молчит. Значит, он тоже обманывает?

— По-моему, обманывает.

— А если что-нибудь сделает плохое... Ну, случится с ним что-нибудь... А он не скажет. Это тоже обманывает?

Мама с изюмкиной куклой в руках, которую подняла с полу, села на диван и усадила Зину рядом.

— Если ты пионерка и сделаешь что-нибудь недостойное... Ну, например, спишешь что-нибудь или вдруг отколотишь маленького на улице...

— Мама, что ты! — улыбнулась Зина.

— Ну, нет, это я для примера... И промолчишь об этом, то ты обманешь свою пионерскую организацию. Все будут думать, что ты хорошая пионерка, а ты хорошая будешь только внешне, поверху... — попробовала объяснить мама. И тут же, взглянув на Зину, спросила: — А теперь скажи, что у тебя случилось?

Мама села на диван и усадила Зину рядом.

— У меня? — попыталась удивиться Зина.

— Да, да, у тебя, дочка,— твёрдо повторила мама. — Ну-ка, давай выкладывай.

Зина помялась немножко. Но преодолела себя и, запинаясь, начала рассказывать.

Сегодня у них был сбор звена. И на звене девочки очень стыдили Тамару Белокурову за то, что она опаздывает. И её, Зину, тоже бранили...

Мама удивлённо поглядела на Зину: а когда же она опаздывала?

Зина опоздала вместе с Тамарой. Зашла за Тамарой, ну, обе и опоздали.

— Значит, ты хотела её вверх потянуть,— сказала мама,— а она оказалась сильнее и тебя вниз потянула. Ну, а дальше?

И кроме того Тамара обманула всех, что у неё мать заболела. А у неё мать ничуть не заболела, такая нарядная, как павлин... И даже не здоровается. Зина поздоровалась, а она даже не отвечает.

— Это у нашего инженера Белокурова такая жена? — удивилась мама. — Жалко... Но не о ней речь. Речь-то о тебе. Нескладно ты поступила, дочка. Подругу защищаешь, а школу обманываешь. А в школе-то кто? Твои же всё подруги, пионерки. И учителя. Но опаздывать да еще обманывать, учителей обманывать, нет, дочка, это никуда не годится! Никуда не годится! И бранили вас на звене мало, я бы перед всей дружиной побранила!

— А как же быть-то? — тихо, не поднимая головы, спросила Зина. — Ведь я должна ей помогать... Ну, Тамаре-то.

— Вы все должны друг другу помогать. Но одна ты перед ней слаба, пускай за неё отряд возьмётся.

— Нет, я должна.

— Именно ты?

— Да. Я должна. Я обещала... Мы друг другу обещали... всю жизнь помогать.

Мама подумала немножко. А потом сказала:

— А знаешь, дочка? Вот этим ты и поможешь ей лучше всего — обратись к своему пионерскому отряду. Вместе-то вы и поможете. — И, понизив голос, добавила: — Только не будем папе об этом говорить, дочка. Он ведь, знаешь, таких вещей просто терпеть не может. Огорчится очень. А зачем нам его огорчать? Сами справимся. Он ведь у нас такой нервный. Задумается на работе, а работа у него на заводе, сама знаешь, какая опасная! Чуть зазевался — и без ноги, а то и вовсе раскалённым поясом опояшет!

— Не скажем, не скажем! — горячо прошептала Зина. — Ни за что не скажем. Я всё поправлю!

— Шептунов на мороз... — вдруг раздался негромкий, полусонный голос отца.

— Всё, всё! — ответила мама. — Спать!

Зина с облегчённой и успокоенной душой отправилась в спальню, мимоходом уложив в кровать изюмкину куклу, оставленную мамой на диване. Зина и сама ещё так недавно играла в куклы!

ГДЕ РАБОТАЮТ ИХ ОТЦЫ...

Ну, вот, наконец, и собралась школьная экскурсия на завод.

Фатьма торопливо одевалась, а сама всё поглядывала на часы.

— А что ж, не зайдёт за тобой подружка твоя? — спросила у Фатьмы её мать, весёлая круглолицая Дарима.

У Даримы были узкие, немножко косо поставленные глаза, и стоило ей чуть-чуть прищурить веки, как уже казалось, что глаза её смеются и озаряют улыбкой всё лицо. Во дворе все любили дворничиху Дариму, и жильцы дома, встречая её на дворе, всегда кланялись ей и спрашивали, как её дела. Дариму любили за то, что она была приветлива, и за то, что неинтересную и трудную свою работу (ну, что такое работа дворника: подметёшь сор, а через час хоть опять подметай!) Дарима умела делать весело, прилежно, по-хозяйски. Это она посеяла газон во дворе около забора, это она притащила откуда-то и посадила у ворот два молодых тополька, это она защищает и бережёт старые деревья под окнами флигеля, так украшающие двор.

«Мой двор», «У меня во дворе» — так любила говорить Дарима. И уже вся улица привыкла к этому, и соседи не называли этот дом домом № 5, а говорили: «В доме у Даримы» или «Как пройдёшь дом Даримы»... И даже Фатьма иногда сбивалась и тоже говорила: «Мамин дом», — а потом смеялась этому. А иногда, возражая на слова матери, которая, подсчитывая зарплату, вздыхала: «Эх, ну и богачи же мы с тобой!», — Фатьма отвечала: «А чем же не богачи, мама? У тебя вон целый дом есть, и двор, и деревьев вон сколько!»

Давно, давно уже не видела Дарима в «своём доме» любимую подружку Фатьмы Зину Стрешневу. Всё помалкивала, а нынче спросила:

— Где же она, твоя подружка, та, беленькая, как преник всё равно?

— Не преник, а пряник, — отозвалась Фатьма, не отвечая на вопрос.

— Да я и говорю: преник. Эх, эх, видно, пошла у вас дружба, как листья по ветру...

Да. Вот уж и деревья облетели, и морозец начинает прихватывать по утрам, и мать, вставая в шесть утра подметать двор, уже надевает тёплый платок, и в школе кончается первая четверть, а «беленькая подружка» её больше не заходит за Фатьмой. Врозь приходят в школу и врозь уходят. И если бы Дарима знала, до какого больного места в сердце Фатьмы дотронулась она, то ни о чём не стала бы спрашивать и не стала бы говорить о листьях, которые разлетаются по ветру!

Очень скучает о Зине Фатьма, скучает о её дружбе. Каждый день они встречаются в школе, и даже сидят попрежнему на одной парте, и говорят то о том, то о другом... Но между ними словно стоит стена. И каждую перемену Зина с Тамарой, с Машей или с кем-нибудь другим, но не с Фатьмой...

А Фатьма тоже не бегает за ней. Если её перестали любить, то и она перестанет...

Она быстрыми шагами идёт по звонкому, схваченному морозцем тротуару. Вот и улица кончилась, вот и сквер, вот и школа. А вот уж и подруги кричат, толпясь у ворот школы:

— Фатьма! Фатьма! Скорее!

— Скорее, Фатьма! — кричит и Зина.

У Фатьмы дрогнуло сердце. Она подбежала к Зине, слегка закрасневшись от бега и радости, что вот, кажется, Зина опять попрежнему позвала её и, кажется, сейчас исчезнет и рассеется то непонятное, что так надолго разделило их!

То же самое радостное чувство засветилось и в глазах Зины. Вот бежит её милая подружка Фатьма, с которой они уже так долго не болтали, не смеялись, не говорили о всяких задушевных вещах! Зина уже сделала шаг ей навстречу... И вдруг горькое воспоминание о том, что её любимая Фатьма отказалась от вечной дружбы, словно ледяным ветром, погасило её радость! И Фатьма, заметив, как замкнулось и погасло зинино лицо, тоже замедлила шаг и сдержанно сказала, обращаясь ко всем:

— Здравствуйте, девочки!

Нет, нет. Её мать Дарима никогда, ни при какой нужде и беде не унижалась ни перед кем. Вот и Фатьма такая же.

И ещё раз золотая добрая минутка ускользнула у подруг из-под пальцев. И обе пожалели об этом, но ничего не сказали друг другу.

Школьницы, держась парами, шли вдоль высокого серого забора.

Сегодня день был ясный, с крепким холодком, и трубы курились прямо в небо. Вот и ворота, проходная. Елена Петровна и старшая вожатая Ирина Леонидовна пошли за пропуском.

Вскоре калитка проходной открылась. Молодой рабочий в спецовке объявил Елене Петровне, что он их провожатый. И, сосредо-

точенно сдвинув брови, предупредил очень строго, что самостоятельно по заводу ходить нельзя, что отбиваться и соваться вперёд нельзя, отставать нельзя и до чего-либо дотрагиваться тоже нельзя...

Зина ходила вместе со всеми, но никого не видела и не слышала. Здесь, за высоким забором, был совсем другой мир, чем тот, в котором до сих пор она жила. Среди огромных встопорщенных холмов сырья — тут и обломки железных кроватей, и обрезки жести, и всякий металлический лом, который колюче поблескивал на солнце,— ходил маленький паровозик с платформами, развозя груз по территории завода. Зина с улыбкой проводила его глазами — вот он, маленький, весёлый, который погукивает на весь квартал и тревожит в душе какие-то неясные мечты о дальних путешествиях и неведомых странах!..

А что это такое?

Экскурсия остановилась, полная любопытства: огромный круглый магнит, висящий на крюке крана, грузил сырьё на машину. Кран стоял около колючего железного холма. Он ловко поднимал тяжёлую магнитную лепёшку, опускал её на верхушку железного холма, поднимал снова, а вместе с ней охапку всевозможных железных обломков и обрезков, приставших к магниту, и бережно относил в железные ящики — мульды. Это было очень занятно, и девочки, развеселившись, кричали:

— Смотри, смотри! Опять хватает! Вон полкровати потащил!

Проходя между цехами, Зина оглядывалась и думала:

«Вот здесь наш папа проходит каждый день...»

По сторонам поднимались вверх сквозные железные фермы, разделяя цехи. В одном из переходов школьницам встретился инженер Белокуров.

— Папа! — крикнула Тамара и выбежала из рядов.

— Осторожней! Осторожней! — резко остановил её отец. — Видишь?

И он показал наверх. К ним приближался, идя по верхним балкам, большой кран с тяжёлой волочащейся цепью и с крюком на конце цепи. Рабочий, провожавший экскурсию, нахмурился, и молодое лицо его залилось румянцем.

— Кто будет нарушать правила, удалим с территории завода,— предупредил он. — Ведь вот зашибёт кого-нибудь, а мы отвечай. Ишь, бросилась, давно папу не видала!

Елена Петровна тоже испугалась. Она велела Тамаре вернуться на место. Тамара вернулась, но глаза её сердито блестели.

— Тоже ещё кричит,— пробормотала она в сторону рабочего и, обернувшись, проводила взглядом отца, который свободно и будто не глядя уклонился от страшной цепи и прошёл в цех. Тамара почти не узнавала его. Какой он молчаливый и незаметный дома и какой значительный и по-хозяйски уверенный здесь! Дома он просто «папка» — так называет его Тамара и так называет его её мать. А здесь он инженер Белокуров. Тамара глядела на него с неожиданным чувством робости и смутного уважения. Совсем другой человек. Только вот зачем он так резко прикрикнул на неё? Мог бы и не кричать. Такой случай был показать перед девочками своё превосходство: ведь она всё-таки дочь инженера Белокурова! А ведь дома он никогда, никогда и голоса не подаёт, а тут вдруг так закричал на неё, да ещё при всех!..

Зина поняла её настроение.

— Ведь тут опасно,— сказала она,— вот он и испугался. Ты лучше посмотри, вон ещё кран идёт. А кто это оттуда смотрит? Ай! Тётя Груша! Наша соседка тётя Груша!

Зина помахала ей рукой. Тётя Груша, закутанная от пыли платком, тоже помахала им сверху. Тогда и все девочки подняли весёлый крик и принялись махать крановщице. Лишь Тамара стояла молча, со скучающим видом. Ну, что ей за дело до этой тёти Груши на кране и до этих мрачных цехов, где тяжёлые цепи подхватывают крюками чугунные опоки, похожие на какие-то коробки, и рядами устанавливают их, подготавливая к принятию литья, и до этих штабелей ещё горячего листового железа, и до этих станов, которые прокатывают эти листы!.. И вообще до всей этой тяжёлой, трудной и непонятной работы и до всей этой чуждой ей жизни завода.

А Зине было интересно всё. Особенно поразило её маховое колесо в прокатном цехе. Оно было такое огромное, половина его уходила под пол, а другая половина поднималась к потолку. Только во сне может присниться такое колесо!

— Ох, громадина! — почти вскрикнула, увидев это колесо, Фатьма.

И Зина подхватила:

— Никогда, никогда бы не подумала, что такие бывают! А ты?

— И я!

Радость прежней дружбы затеплилась снова, руки их как-то сами собой потянулись друг к другу. Но подошла Тамара, решительно взяла Зину под руку и отвела в сторонку.

— Колесо, колесо, ну что особенного? — сказала она. — А вот послушай, что мне сейчас Агатова сообщила: на совет отряда вызывают!

— Кого? — испугалась Зина.

— Ну, меня! — Тамара иронически усмехнулась. — Маша Репкина постаралась. А как же, староста класса! Это для неё важнее всего — староста класса. А всё из-за одной только двойки! Тоже друг называется!

— Зачем же прямо на совет отряда? — расстроилась Зина. Оглянувшись, она отыскала глазами Машу и пробралась к ней. — Зачем же прямо на совет отряда? — сказала она Маше. — Разве нельзя было нам самим с ней поговорить? Из-за одной двойки!

— Не из-за одной двойки,— твёрдо возразила Маша,— а из-за всего. Из-за опозданий. Ты вот пробовала заходить за ней. Ну и что? Сама опоздала. Я пробовала — то же самое. Только я не ждала её, как ты, а просто уходила, и она всё равно опаздывает. Елена Петровна вызвала её мать. Мать не пришла. Наверно, Тамара не передала записку. А я староста класса, мне быть в ответе... Ого! — вдруг подтолкнула она Зину. — Гляди! Гляди, что делается!

Из огромного ковша хлынул в опоки огненный ручей. Над котлом вспыхнул столб яркого света.

Школьницы подошли к печам.

Зина на мгновение закрыла глаза, но и сквозь веки она увидела красный отблеск, словно от пожара. Среди оживлённых восклицаний подруг Зина различила милый голос Фатьмы:

— Жидкий огонь течёт! Ой, как интересно!

И вдруг так досадно стало Зине и так захотелось ей отмахнуться, словно от надоевшей мухи, от Тамары, когда та снова проворчала около неё:

— Обещают дружить до самой смерти и помогать... А сами — на совет отряда!

Но Зина не отмахнулась, сдержалась, чтобы не обидеть её. Но и не ответила ничего, сделав вид, что не слышала. А впрочем, и не до разговоров было: школьницы подошли к печам. Здесь было жарко. Вдоль всего цеха бешено гудели мартены. Рабочих совсем не было видно. У каждой печи стоял только один человек. Огонь в печах так завывал, что не слышно было голосов, и рабочие делали своё дело бесшумно и молчаливо. Иногда кое-кто из них оборачивался к девочкам и глядел на них сквозь квадратные тёмные очки, прикреплённые к козырьку. Печи были закрыты заслонками, и только сквозь круглое отверстие заслонок было видно бушующее пламя. Но вот подъехал к одной из печей кран, развернулся, держа на круглом хоботе мульду с металлом. Рабочий, стоявший у приборов, нажал кнопку и открыл заслонку. Кран рывком тронулся с места и направил в бушующее пламя хобот с мульдой, наполненной металлом, перевернул эту мульду, высыпал весь металл в печь и снова отъехал к стене. Крышка снова захлопнулась, однако Зина успела увидеть, как бешено крутится в печи огненный вихрь, выбрасывая искры прямо в цех. Один из рабочих подошёл напиться. У входа в цех был устроен кран с газированной водой.

— Интересно? — спросил он, и белые зубы блеснули на покрытом сажей и гарью лице.

— Да,— несмело ответили девочки.

— Ты, Сергей, дай им в свои очки посмотреть,— попросил рабочий, провожавший экскурсию.

— А ты что сегодня, выходной? Или сбежал с вальцовки?

— Да вот приказано экскурсию проводить. До смены успею.

— Ну, как я им очки-то свои дам? — замялся рабочий.

— А что?

— Да кепка-то моя... того. Прокопчённая. Гарью пахнет.

— А от нашего отца тоже всегда гарью пахнет! — вдруг сказала Зина. — Как приходит, так и снимает всё. А всё равно пахнет.

— И от нашего! — сказал кто-то из девочек.

— И от нашей матери — тоже!

— Э! Да тут всё рабочий класс собрался! — засмеялся сталевар и подал Зине свою кепку с очками.

В это время как раз открыли одну печь, и Зина могла спокойно глядеть, как извиваются языки огня и кипит металл. Но глядеть долго не пришлось: другие девочки отняли у неё очки. Потом глядела в эти очки и Елена Петровна и их молоденькая чистенькая пионервожатая Ирина Леонидовна... Только Тамара не просила очков. Она стояла поодаль, словно боясь запачкаться... Неужели и её отец приходит с завода такой же пропахший гарью?.. Впрочем, почём она знает, ведь он приходит поздно, а потом долго моется в ванной. Может быть, поэтому и моется так долго...

Опять вспомнилась встреча с отцом в первом цехе, и Тамаре показалось, что он прошёл мимо какой-то далёкой-далёкой, какой-то своей дорогой... А она живёт рядом и не знает о нём ничего!

Подходя к прокатному цеху, девочки ещё издали, через широкие открытые ворота, увидели, как по полу ползут бесконечные огненные полосы. Исчезает одна, вильнув хвостом, как змея, а следом уже ползёт другая.

— Здесь тянут проволоку,— объяснил провожатый.— Видели там стальные чушки? Видели. А здесь вот такую чушку протягивают сначала через один стан, потом через другой, потом через третий... Пока чушка не станет толщиной в пять миллиметров.

— Такую огромную чушку сделают толщиной в проволоку! — удивились девочки. — Ой, как же это?..

— А вот смотрите, как. Только не баловать,— строго прибавил он и окинул школьниц острым взглядом небольших серых глаз,— и не кричать ничего. Тут работа рисковая, отвлекать человека нельзя.

— Девочки, тихо стоять,— предупредила и Елена Петровна.

Она остановила весь класс у самых ворот. В стороне сидели рабочие, покуривали, отдыхали, ждали своей смены.

Раскалённые оранжевые полосы — и потолще и потоньше — выползали из отверстий станов. Между двух станов стоял рабочий-вальцовщик с большими клещами в руках. Зина чуть не вскрикнула вроде Тамары: «Папа!»,— но во-время сдержалась и даже закрыла ладонью рот. У стана стоял её отец.

Да, эта работа требовала большого умения, точных движений и напряжённого внимания. Из стана справа выскакивала раскалённая полоска стали и устремлялась вперёд. Но вальцовщик точным и необыкновенно ловким движением хватал её клещами и направлял в отверстие стана, стоявшего слева. Огненная змея, сделав полукруг около его колена, так же стремительно уходила в другой стан. Но в то время как бежала эта полоска, из второго зажима справа вылетела ещё одна раскалённая змея, словно стремясь выскочить из стана и убежать совсем из цеха. И опять тем же непринуждённым, красивым и точным движением вальцовщик схватил её и снова, окружив свои колени огненным кольцом, отправил гибкую, полыхающую жаром полосу в левое отверстие стана... Между тем первая полоса скрылась, вильнув обрубленным хвостом, но за ней уже показалась следующая, такая же стремительная и полная тех же намерений вырваться из стана и пробежаться по всему заводу...

Девочки стояли, затаив дыхание. Так же молча, не спуская с вальцовщика глаз, стояла рядом с ними и Елена Петровна. Все они были под одним и тем же необыкновенным впечатлением — впечатлением красоты человеческого труда. И сам вальцовщик Стрешнев был очень красив в эти минуты. Молодое лицо его, серьёзное и сосредоточенное, слегка покрасневшее от жара, освещалось снизу багряным отсветом раскалённой стали. Те же жаркие отсветы глубоким огнём отражались в его спокойных тёмных глазах. Он стоял прямо, слегка выставив вперёд правую, защищённую панцырем ногу, и лишь слегка склонялся, то принимая из стана полосу, то направляя её в другой стан. Казалось, он чувствует каждое движение этих огненных полос. Он опускал клещи именно тогда, когда из отверстия показывалась оранжевая головка, подхватывал полосу именно в тот момент, когда она готова была уйти от него, и спокойно подводил очень точно к небольшому отверстию, куда и выпускал её. Он работал так чётко, так ритмично, что работа его достигала грани искусства. Поэтому и стояли люди и глядели, не отрываясь, на этого человека, сумевшего свой тяжёлый труд сделать таким красивым.

— Из этого стана сталь вышла в пятнадцать миллиметров,— пояснил провожатый,— а из следующего выйдет уже не в пятнадцать, а в десять. А потом через третий стан пройдёт — и уже толщина её будет пять миллиметров. Так вот дойдёт и до трёх с половиной...

Уходя, девочки видели под навесом бунты готовой проволоки. Некоторые из них ещё светились малиновым отсветом, остывая на холодноватом воздухе.

Зина шла домой задумчивая и счастливая. Ей казалось, теперь она ещё больше любила своего отца, она восторгалась и гордилась им. И как права была мама, когда говорила: «Не будем расстраивать его, а то ещё задумается от неприятностей, да и случится что-нибудь. Ведь работа у него опасная!..»

Да! Очень опасная у него работа. Чуть ошибётся, не успеет во-время подхватить огненную змею — она и вырвется из рук и прижмёт вальцовщика к стану или опоясает огненным кольцом! Хоть и защищает его железный столб, но неизвестно ведь, как повернётся и взовьётся эта живая раскалённая сталь!

Зина шла, думала об отце и совсем не слышала, что говорила ей Тамара. Она машинально отвечала Тамаре что-то.

— А правда, как наш отец ловко работает? — вдруг с тайной гордостью спросила Зина.

Но Тамара взглянула на неё с недоумением: видно, она говорила Зине о чём-то совсем другом.

Отец! Тамара тоже думала о своём отце. Но почему-то говорить о нём ей не хотелось.

ЗА ДЕЛО БЕРУТСЯ ПИОНЕРЫ

В пионерской комнате заседал совет отряда. В школе уже было тихо, только уборщицы хлопали дверьми и шаркали щётками.

Первым вопросом на совете отряда стоял

вопрос о поведении Тамары Белокуровой. Тамару не позвали, члены совета хотели прежде решить, как им взяться за неё, чтобы из этого вышел толк.

— Бранить её бесполезно! — сказала Маша Репкина.— Я староста класса. Ну, что же, я должна терпеть, что она опаздывает? Но ей что ни говори, будто не слышит. Так что бесполезно. Она затыкает уши — и всё.

— На звене—тоже,—подтвердила Оля Парфёнова, вожатая звена.—Стали говорить, так она уши заткнула пальцами и сидит.

Оля вспомнила про эту обиду и насупилась, оттопырив пухлые губы.

— Девочки, вы только жалуетесь на неё, а ничего не предлагаете,— сказала Сима Агатова.— Ну, не говорить, ну, не ругать. А что же делать? Ведь и отступиться от неё мы тоже не имеем права!

Вечно прищуренные смешливые глаза Симы в эту минуту были серьёзны и остры. Сейчас Сима была не просто школьница, которая не прочь и пошалить, и понасмешничать, и пробежаться по лестнице через три и четыре ступеньки. Сейчас Сима была прежде всего пионерка, председатель совета отряда, которая должна выполнить свою обязанность, очень сложную и важную,—найти путь к сердцу человека.

— Давайте напишем про неё фельетон! — предложила Катя Цветкова, редактор отрядной газеты.— Ты, Сима, напишешь, а Зина нарисует! Можно так смешно сделать, что вся школа будет смеяться! Ой-ой! Я представляю!

И худенькая, бледная Катя рассмеялась, словно уже видела эти смешные картинки, и порозовела от смеха.

В пионерской комнате заседал совет отряда.

Но Зина поспешно отказалась:

— Нет, нет! Нельзя так... А если бы это над тобой вся школа смеялась? Нет, это очень обидно.

— Боюсь, что мы Тамару ещё больше этим оттолкнём,— задумчиво согласилась Сима,— тогда с ней нам и совсем не подружиться.

— Может быть, сходить к её матери? — предложила Оля.— Пожаловаться?

— Нет, нет,— возразила Зина,— к её маме не надо ходить!..

Сима обернулась к ней:

— Вот ты, Зина, всё — то не надо, другое не надо. Ну, а что же, по-твоему, надо?

Зина потупилась. Разглаживая на колене свой чёрный фартук, она начала несмело:

— Не знаю, девочки... Может, я неверно...

— Ну, говори, говори,—подбодрила её Сима.

— Может, так сделать? Вот нам сейчас надо будет готовиться к празднику. Пускай Тамара возьмёт какую-нибудь интересную работу...

— И завалит её,— докончила Маша. — Вот выбрали её в редколлегию, а она работать не стала!

Зина поглядела на неё.

— А может, не завалит? Девочки, вот мы будем ставить «Морозко». Будем же мы шить костюмы? Для Снежинок, для сиротки Дашеньки... Пусть и она с нами шьёт!

Маша покачала головой:

— Не будет. На фартуке крючок пришить не может, а то...

— Маша! — остановила её Зина и значительно поглядела на неё...— А разве мы-то с тобой не поможем ей?

Сима, прищурившись, слушала Зину. Глаза её опять наполнились весёлыми огоньками.

— Но до чего ж наша Зинка—тихоня и хитрая: всё как-нибудь потихоньку, осторожно, чтобы подружку свою не обидеть. Знаю я тебя!—И добавила уже серьёзно:—Мне кажется, что Зина права. Давайте так и сделаем. А поговорить с ней поручим Зине. Вот пускай она в спектакле участвует—Снежинку танцует!

— А главное, надо, чтобы кто-нибудь с ней занимался каждый день. Пускай Зина, раз она её подружка!—сказала Оля.

И все поддержали:

— Пускай Зина!

— Хорошо,— кратко ответила Зина.

С вопросом о Тамаре Белокуровой было покончено, и девочки с удовольствием перешли к другим делам. А эти «другие» дела были очень интересны.

Ирина Леонидовна, старшая вожатая, принесла целый ворох белой, розовой и голубой марли: в кружке рукоделия будут шить костюмы для Снежинок. Снежинки должны кружиться и танцевать вокруг оставленной в лесу сиротки Даши.

— Дашу играет Соня? — спросила Зина.

Ей почему-то подумалось, что Тамаре непременно захочется играть эту самую главную роль. Но она тут же возразила самой себе: а почему она

так думает? Тамара ещё ничего никому не говорила. Она вообще держит себя так, будто все эти дела её совсем не касаются...

— Да, Соня Поливанова из шестого «Б»,— ответила Сима.— Она очень подходит к этой роли. Правда, девочки?

— Правда,— раздались голоса со всех сторон.— Она очень хорошенькая! И тихая такая же, как та Дашенька...

— А нашу Зину тоже можно было,— сказала Сима. — И тихая и хорошенькая!..

— Как не стыдно! — отмахнулась Зина и покраснела до самых волос.

— И Снежинкой могла бы,— сказала с улыбкой, подмигнув девочкам, Оля,— беленькая!..

— Ни за что! Ни за что! — затрясла головой Зина.— Я и повернуться-то не умею. Перестаньте, девочки!

— Она нам красивую стенгазету сделает, вот увидите,— сказала Маша Репкина.— Уж это она сумеет. И, между прочим, правильно поступает: чего не может, за то не берётся. А что может, обязательно сделает.

— Полная характеристика! — засмеялась Сима.— Зина, ты довольна?

— Довольна, довольна,—засмеялась и Зина.—Хоть горшком называйте, только в печку не ставьте!

Как бегут дни! Вот уж и праздник Октябрьской революции проводили, уж и другой праздник—Новый год—впереди. Вот уже и снег ложится на тротуары...

Зина тихо шла по своей сразу побелевшей улице. Шла и глядела на падающий снег. Зине казалось, что она может глядеть бесконечно на эти медленные пушистые снежинки, которые бесшумно появляются откуда-то из глубины светлосерого неба и всё летят, летят, смешиваясь с наступающими сумерками и с лёгким дымом заводских труб...

«Моя подружка! Моя подружка! — Зина опять вспомнила про Тамару и поморщилась, словно от зубной боли. Но тут же и упрекнула себя: — Вот ведь какая! Как обещать, так я. А как до дела дошло, так уж мне и не хочется! И как только не стыдно!»

ЗИНА ИСПОЛНЯЕТ ДОЛГ ДРУЖБЫ

Зина и Тамара сидели за маленьким письменным столом. Горела настольная лампа, накрытая пёстрым шёлковым платочком. Из-за стены слышалась негромкая музыка — Антонина Андроновна любит слушать радиопередачи. Когда приёмник выключен, то ей кажется, что в квартире слишком тихо и скучно и чего-то не хватает. Дверь в соседнюю комнату была открыта, и Зина видела Антонину Андроновну—она лежала на диване, читала какую-то толстую, растрёпанную книгу и щёлкала кедровые орехи.

Зине мешала музыка, не давала сосредоточиться. Наморщив брови, она старалась сообразить, с чего надо начать задачу. Тамара с рассеянным видом ждала, когда Зина начнёт решать задачу, и, слушая музыку, легонько постукивала ногой в такт.

— Ну вот, Тамара, слушай...

Тамара зевнула и поближе подвинулась к Зине, взяла карандаш:

— Ну?

Подруги принялись решать задачу. Вернее, решала Зина, а Тамара записывала.

Они записали первый вопрос.

— Ну, и что ты сделаешь дальше? — спросила Зина.

Тамара задумалась.

— Ну, помножу 320 на 12...

Зина с изумлением взглянула на неё:

— Зачем?

Тамара задумалась.

— Нет, я к 320 прибавлю 12 и потом разделю...

— И что будет? — Зина слабо улыбнулась.— Да ты ничего не поняла, Тамара! Давай сначала.

Зина терпеливо принялась объяснять задачу.

— А! Вон что! — Тамара кивнула головой.— Ну, поняла, поняла. Надо разделить 320...

— Правильно, правильно,— обрадовалась Зина.

Но Тамара вдруг насторожилась, прислушалась...

— О! Канделаки поёт! Ой, как я люблю! Нани-на, нани-на!..

Тамара, подпевая Канделаки, вскочила, бросилась в комнату к матери и включила приёмник на полную мощность.

...Приезжайте, генацвале!
Нани-на, нани-на.
Угостим вас цинандали!
Нани, на-ни-на!..

— Что ты делаешь! — испугалась Зина.— Разве можно так запускать?

Зина терпеливо принялась объяснять задачу.

Тамара звонким и чистым голосом подпевала Канделаки. Зина взглянула на Антонину Андроновну, ожидая, что она остановит Тамару, но та невозмутимо продолжала читать, пощёлкивая орехи.

В дверях появилась Ирина.

— Там опять соседи пришли, просят радио убавить,— сказала она,— а мне тоже надо уроки учить.

Антонина Андроновна подняла от книги глаза.

— Опять пришли? Удивляюсь, какой невоспитанный народ!..

— Ну, вот ты опять им и скажи,— подхватила Тамара,— что мы к ним не лезем, пусть и они не лезут. Мы в своей квартире пускаем радио, а не у них!

— И скажи, что я полагаю,— добавила Антонина Андроновна,— что в собственной квартире я хозяйка, и что хочу, то и делаю, и чтобы больше никаких прецендентов не было.

— Чего? — переспросила Ирина.

Уловив искорку насмешки в её голосе, Антонина Андроновна не решилась повторить трудное слово.

— Иди и скажи, что тебе велено,— сказала она.— Прямо житья нет, такая некультурщина: лезут в чужую квартиру да ещё диктуют, как поступать и как не поступать! А для чего же радио изобретали, спрашивается? Чтобы оно молчало? И для чего же мы тогда за радио платим, интересно знать?

— Но мне же тоже надо уроки делать! — возразила Ирина.— Ведь оно сбивает!..

— Оставь меня, пожалуйста, и не раздражай,— ответила Антонина Андроновна.— Когда будет у тебя своя квартира, в чём я сомневаюсь, тогда будешь поступать так, как тебе захочется!

— Да, уж так, как вы, поступать не буду! — проворчала Ирина и ушла в кухню.

Зина сидела, низко склонясь над учебником. Её лицо горело от стыда. Ей хотелось собрать свои книги и тетради и немедленно уйти из этой «собственной» квартиры и никогда, никогда не возвращаться в неё больше! Но Зина знала, что не уйдёт до тех пор, пока Тамара не сделает задачу, пока она не поймёт её как следует.

— Тамара, уже поздно,— напомнила она.

— Ну, иду сейчас! — неохотно ответила Тамара.— Ой, и надоели эти задачи! Ну, что я буду с ними возиться, раз я всё равно не понимаю!

— Да ведь надо же решить! — взмолилась Зина.

Ей очень хотелось домой. Мгновенно представилось, как дома сейчас сидят все вокруг стола, занимаются своими делами. Может, Антошка уже сделал уроки и теперь папа читает вслух «Овода» — он вчера начал... А мама сидит и шьёт что-нибудь или вяжет. Домой!

— Давай повторим,— со вздохом сказала Зина.— Тамара, садись!

Тамара села и снова взяла карандаш. Первый вопрос решили. На втором Тамара начала барабанить пальцами в такт весёлой польке, игриво звучавшей по радио.

— Может, в самом деле выключить приёмник? — негромко предложила Зина.— У нас дома мы всегда выключаем...

Дворничиха Дарима сгребала снег.

— Вот ещё нежности,— возразила Тамара,— давай, говори: что там дальше?

Будто после тяжёлой работы возвращалась Зина домой. Лёгкий снежок искрился под фонарями, острый морозец приятно освежал лицо. Сейчас, идя медленным шагом домой, Зина в первый раз созналась перед самой собой, что она устала. Устала от этих занятий с Тамарой, устала от этой дружбы, где всё основано на чувстве долга, только на чувстве долга. Зине вдруг стало ясно, что сердце давно уже закрылось для этой подруги.

Что же делать? Ведь она обещала, обещала на всю жизнь! От таких обещаний не отступаются. И впервые ей подумалось: а может, права была Фатьма?

В эту минуту она оглянулась на зелёненький домик, мимо которого проходила. Дворничиха Дарима, черноглазая, румяная, в красном с цветами полушалке, сгребала снег. Зине вдруг очень захотелось забежать к Фатьме, посидеть вместе с ней у них на крылечке, глядя, как падает снег. А потом взять метлу да вместе с Фатьмой помочь тёте Дариме размести снег на тротуаре!

— Здравствуйте, тётя Дарима! — сказала Зина чуть-чуть зазвеневшим голосом от радости, что сейчас она придёт к Фатьме и всё будет, как прежде. Хватит уж, хватит! Хоть и не верный друг Фатьма, но зато Зина — верный. И больше не хочет она жить без Фатьмы!

— Здравствуй, здравствуй,— ответила Дарима, и Зина съёжилась, почувствовав в её голосе острый холодок.

— Фатьма дома?

— Фатьма дома. Только она, знаете, дворникова дочка. Не инженерова.

Зина растерялась:

— Тётя Дарима, что вы...

— А ничего я. Сама всё вижу. Сама всё понимаю. А, между прочим, в Советском Союзе все люди: инженеры — люди и дворники — люди.

У Зины слёзы подступили к глазам.

— А я разве...— начала было она.

Но Дарима посмотрела вокруг, вздохнула:

— Эх, снег, снег! Кому любованье, а кому работа. Эх, эх!

А потом повернулась и ушла, больше не взглянув на Зину.

— Ну, вот и всё,— сказала Зина самой себе.— И нечего лезть. Они будут меня выгонять, а я буду лезть?

Слёзы уже не держались в глазах, они брызнули и покатились по щекам.

— А как будто мне не всё равно, кто инженер, а кто дворник!.. У-у...

Она шла и ревела, как маленькая. И только подойдя к своему двору и увидев Антона и Петушка из пятой квартиры, которые лупцевали друг друга снежками, она сразу умолкла и поспешно вытерла рукавичкой лицо. Ещё не хватало, чтобы эти малявки увидели, что Зина плачет!

Зина пришла домой, когда мама уже собирала ужинать.

— Что-то поздно,— сказал отец; он действительно читал вслух «Овода» и сейчас бережно устанавливал книгу на полку.

— Задачка не выходила,— вяло ответила Зина.

Отец внимательно поглядел на неё.

— Зина, нарисуй мне медведя,— начала просить Изюмка, как только Зина вошла в комнату.

— Зина устала,— сказал отец,— ты не приставай к ней, Изюмка, а то позову петуха, он тебя склюёт.— И обратился к Зине: — Иди-ка сюда, потолкуем, пока мать ужин собирает. Погляди-ка на меня!

Зина села рядом с отцом и поглядела ему в глаза. Отец покачал головой:

— Эге, дочка! Так не годится. Гляди-ка, позеленела. Гулять побольше надо. Как хочешь, но пусть тебя от этих занятий освободят.

— Но я же сама...— прервала было Зина.

Но отец заявил:

— Велика нагрузка. Ходи к Тамаре с кем-нибудь по очереди. Одной тебе тяжело. А то, гляди, я сам в школу приду!

— Что ты, папа, что ты! — испугалась Зина.— Не надо! Девочки подумают, что я жалуюсь. Я должна! Скоро четверть кончится, и тогда...

— Да ты не выдержишь!

— Папа, я должна! Я не могу, чтобы Тамара с двойками осталась. Я выдержу.

Отец ещё раз внимательно посмотрел на неё:

— А сама на двойки не съедешь?

— Нет. Не съеду. Ты же сам всегда говоришь,— лукаво улыбнулась Зина,— взялся за гуж — не говори, что не дюж!

— Говорю,— согласился отец,— но ведь бывает, что гуж-то не под силу.

Никто не заметил дома, что Зина плакала. Но мама заметила. Вечером, когда все легли спать, мама и Зина опять сидели и шептались на диване.

— Скоро день твоего рождения,— начала прикидывать мама, когда Зина рассказала ей о всех своих неприятностях.— Это в воскресенье... Ага. Так. Ну, уж я знаю, что я сделаю!

— Что, мама?

Фатьма сидела дома за книгой.

— Да уж знаю. Уж сделаю так, что ты со всеми подружками помиришься! Задам я вам пир, испеку пирог, а ты на свой праздник зови всех, кого хочешь.

— Хоть весь класс?

— Весь класс? — мама покачала головой.— Ох, дочка, это, пожалуй, многовато. У нас и места не хватит.

— А, испугалась! — засмеялась Зина.— Ну, не бойся, мамочка, мы с тобой тогда посоветуемся. Кого скажешь, того и позову! Как хорошо ты это придумала!

На другой день после уроков Зина опять пошла к Тамаре. Надо было делать письменную работу по русскому: у Тамары и с русским были нелады.

— Подумай! — сказала Зина с улыбкой, как только они уселись за стол.— Вчера мой отец вдруг сказал, что в школу придёт!.. Вот ведь что выдумал — собрался к Симе Агатовой идти!

— Отец? — удивилась Тамара. — Почему отец?

— Ну, ему показалось, что я устаю очень!..

— Чудеса! — пожала плечами Тамара. Этот жест она переняла у матери и в точности повторяла его.— Отец — и вдруг вмешивается в школьные дела!

— И вмешивается очень неудачно,— сквозь речь диктора о том, что в колхозе «Звезда» построен механизированный скотный двор, прозвучал голос Антонины Андроновны.— Собственно, ещё неизвестно, кто кому помогает: Зина Тамаре или Тамара Зине. А устаёт именно Зина, скажите, пожалуйста!

Зина промолчала. А Тамара через некоторое время опять возвратилась к этому разговору:

— А почему ему так показалось, что ты устаёшь?

Зина подняла на неё засветившиеся глаза:

— Ну, он поглядел на меня, говорит: «Сядь-ка со мной! Ой, ну и позеленела же!» Так ему что-то показалось. Он уж у нас такой — так за всеми и глядит! Заботливый уж очень!

— Посадил и сказал: «Устаёшь»? И сказал: «Гулять надо»?

— Ну да! Ладно, давай писать скорее, а то он и правда выдумает — в школу пойдёт!

Зина почти до конца дописала работу. А когда подняла голову посмотреть, как идёт дело у Тамары, то увидела, что Тамара сидит с высохшим пером, остановившись на полуслове. Зина увидела её глаза, полные какой-то невесёлой думы, и поняла, что мысли Тамары далеки от сочинения.

— Ты о чём задумалась? — окликнула её Зина.— Пиши скорее!

— А почему мой папа никогда со мной не разговаривает? — задумчиво, скорее обращаясь к самой себе, сказала Тамара.— Никогда, никогда!..

— А ты с ним не разговариваешь тоже? — удивилась Зина.— Никогда?

— Никогда! — ответила Тамара.

Но тут же тряхнула головой, откинула назад белокурую прядь волос, упавшую на плечо, и усмехнулась:

— Да и не надо. И о чём нам с ним разговаривать-то?

Но Зина видела, что и усмехается она притворно и говорит не то, что думает. И на душе у неё не так хорошо, как хочется показать.

«А что если бы и наш папа никогда с нами не разговаривал? — подумалось Зине.— Приходил и уходил бы. Как чужой. Ой, нет, нет.—У Зины даже сердце заныло от этой мысли.— Разве так может быть? Нет, так не может быть! Так ни за что не может быть! Папочка, наш золотой, наш дорогой!.. Ведь это всё равно, что его вовсе не было бы!»

А представить себе, как бы всё было, если бы не было её отца, Зина не могла ни на одну минуту. И тёплое чувство жалости к подруге скрасило и согрело часы их совместных занятий.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вот и наступил этот день, которого с радостным нетерпением ждала Зина, день её рождения. Зина проснулась, но лежала, не открывая глаз. Можно было чуть-чуть подольше понежиться в постели: сегодня воскресенье, в школу не идти. Праздничный запах пирогов уже бродил по квартире, как бы возвещая, что сегодня день особенный и совсем не такой, как все другие дни, полные забот и разных дел. Сегодня только одно дело — праздновать.

Антон уже встал. Он сбегал на кухню. Потом потихоньку подошёл к Зине, приподнявшись на цыпочки, заглянул в её лицо: спит или проснулась? Зина сонно посопела носом. Тогда Антон что-то осторожно сунул ей под подушку и убежал. Зина хотела повернуться, посмотреть, что такое он тут положил, но Антон снова вбежал в спальню. Он подошёл к Изюмке и стал шёпотом будить её:

— Спит и спит. А у Зины день рождения. Изюмка, ты забыла, да?

Изюмка открыла свои круглые тёмные глаза, с минуту смотрела на Антона, ничего не понимая спросонья. И вдруг вспомнила и сразу вскочила, чуть не упав с кровати.

— Тише, тише! — зашипел Антон.— Разбудишь.

Зине очень хотелось рассмеяться, но она только покрепче зажмурила глаза. Изюмка прошлёпала босыми пятками по всей комнате, подкралась на цыпочках к зининой кровати. Тут они с Антоном пошептались, зачем-то вытащили из-под кровати зинины башмаки. Один башмак вырвался из рук Изюмки и упал, стукнув каблуком. Ребята затаили дыхание, примолкли, прислушались. Зина для их успокоения опять посопела носом. Ребятишки ещё пошелестели немножко и побежали на кухню. И Зина слышала, как они оба кричали маме ещё из коридора:

— Мама! Готово! А она всё спит! И ничего не слышала!..

— Всё спит? — отозвалась мама.— Ишь ты, какая! Надо разбудить её, а то весь свой праздник проспит...

Зина поспешно укрылась с головой одеялом. Мама, Изюмка и Антон вошли в спаленку, встали у зининой постели и запели хором:

С днём рожденья поздравляем,
Шлём привет!
Шлём привет!
Счастья, радости желаем
Много лет!
Много лет!

— И давайте ей пятки щекотать! — заключил Антон.

Тут одеяло взлетело над Зиной, и она со смехом вскочила с постели. Мама держала на блюде большой круглый пирог с вареньем. На пироге, выложенное тестом, красовалось имя Зины.

Зина, счастливая, как весенний скворец, запрыгала и заплясала вокруг мамы. А вместе с ней запрыгали и Антон с Изюмкой. Мама смеялась, глядя на них, румяная от жара плиты и такая же счастливая, как её дети.

— Ну, я собираю на стол,— сказала она,— а вы одевайтесь. Сейчас отец придёт, будем завтракать.

— А куда папа ушёл? — удивилась Зина.

— Не знаю,— уклончиво ответила мама,— так, пройтись.

Зина начала одеваться. А младшие ребята таинственно переглядывались и чего-то ждали. Сделав вид, что ничего не знает, Зина приподняла подушку. Там лежал ещё тёплый кренделёк в форме цифры пять.

— Пятёрка! — Зина всплеснула руками.— Ой, какой подарочек!

— Это я! Это я! — закричал Антон.— Это я тебе подарил!

— Ой, спасибо, Антон! — ответила Зина.— Ох, я люблю пятёрочки! Буду беречь!

Антон побежал рассказывать маме, как Зина нашла его пятёрку. А Изюмка всё ещё ждала и ждала, следила за каждым движением Зины. Зина быстро оделась, натянула чулки и взялась за ботинки. У Изюмки заблестели глаза. Зина сунула ногу в ботинок.

— Что такое? — сделав удивлённое лицо,

сказала она.— Не лезет! Ноги, что ли, у меня выросли за ночь?

Она ещё раз попробовала надеть башмак.

— Нет. Не лезет. Вот чудеса! Придётся мне в день рождения в одних чулках ходить!

— Да ты посмотри, что там! — не выдержала Изюмка.— Посмотри-ка!

Зина сунула руку в ботинок и вытащила оттуда что-то, завёрнутое в носовой платок. Зина с любопытством развернула платок — там лежало несколько крымских камешков, отшлифованных морем. Зина радостно удивилась:

— Откуда они?!

— А это я! — закричала Изюмка, подпрыгивая на одном месте.— Это я подарила!

— Да где же ты взяла это, Изюмка?!

— А в детском саду! С одной девочкой поменялась! Я ей маленькую куколку, а она мне камешки!

— Ты, Изюмка, отдала свою маленькую Катеньку? Свою любимую-то?

Изюмка вздохнула:

— Ну что ж. А зато она мне камешки! А зато я тебе подарила!

— Ну, спасибо, Изюмка, спасибо! Я эти камешки буду всегда беречь.

Зина бережно взяла подарки — румяный кренделёк, имеющий такую приятную форму, и три зелёных с пенными узорами камешка, чтобы спрятать в свой стол. Но когда она открыла ящик стола, то тихонько вскрикнула от новой неожиданности. Там лежали сияющие атласные ленты — две синие, две белые, две коричневые...

— А уж это мама!

И она тоже побежала на кухню обнять маму и сказать ей спасибо.

К завтраку явился отец. Он поставил на стол высокую белую коробку.

Антон и Изюмка со всех сторон оглядели коробку. Там, конечно, торт. Только вот какой?

Когда все уселись за стол, папа открыл коробку. Там действительно был торт, ореховый, с белыми и розовыми розами из крема. И розовым кремом была написана цифра «12». Двенадцать лет сегодня исполнилось Зине!

Отец вручил Зине ещё один подарок, и этот подарок больше всех других обрадовал её. Он неожиданно подал ей чёрную лакированную коробочку. Это были краски. Хорошие акварельные краски, большой набор. И тут же две новые, ещё не тронутые кисточки. Зина чуть не заплакала от счастья: ей так давно хотелось иметь настоящие акварельные краски в жестяной коробке. До сих пор у неё были только жалкие круглые красочки на картонке, какие покупают малышам!

После завтрака отец и младшие ребята отправились в дальнее путешествие — в Зоопарк. А Зина осталась помогать маме. У них сегодня полно гостей — надо как следует принять их.

— Кого же ты позвала? — спросила мама.— Давай посчитаем.

Зина начала считать по пальцам:

— Тамару Белокурову позвала, Машу Репкину, Симу Агатову, Шуру Зыбину...

— А Фатьму?

— И Фатьму. И ещё Сима просила — её брата Костю. И, наверно, машин братишка придёт...

— Ну, ладно,— решила мама,— давай готовить побольше, чтобы всем хватило. Пускай твои подружки как следует попразднуют!

Один за другим собирались к Зине званые гости, наряжались, припасали подарки, бежали, спешили по морозной улице. Проходили мимо зелёного домика под белыми от инея старыми тополями.

Фатьма Рахимова тоже была звана. Но она сидела дома за книгой и никуда не собиралась.

— Конечно, ты можешь идти. Но я бы, например, не пошла,— сказала ей мать, самолюбивая Дарима.— Мне бы не нужны были такие подружки: сегодня дружат, а завтра проходят мимо... Там дочка директора. Там дочка инженера... А дочке дворника зачем?

— А я и не собираюсь,— ответила Фатьма и уткнулась в книгу, подперев голову руками.

Изредка поднимала она голову и поглядывала в засиневшее окно. Опять начал опускаться снежок.

— Беда моя! — вздохнула Дарима.— Опять сгребать да возить!..

— Ничего, мама,— сказала Фатьма,— я тебе помогу. А ты знаешь что? Спой какую-нибудь старую татарскую песню. А?

— Не спою,— ответила Дарима,— ты мне книжку не приносишь. Почему я буду твои просьбы исполнять? Ты мои не исполняешь.

Фатьма улыбнулась:

— Про цветы книжку? Ну, принесу, мама. Завтра обязательно схожу в библиотеку. Вот увидишь!

— Ну, тогда ладно!

И Дарима запела негромким, мягким голосом какую-то протяжную монотонную песню. Фатьма не понимала слов, да и сама Дарима наполовину забыла татарские слова. Но эта песня журчала, как ручеёк весною. Что говорит ручеёк? О чём он рассказывает? Не всё ли равно? От его нежного напева так же волнуется сердце и неясные мечты зовут неизвестно куда.

Фатьма тихонько подпевала матери. Дарима была довольна, что её обиженная дочка нисколько не скучает дома и совсем забыла о своей негодной подружке, «беленькой, как преник».

Фатьма подпевала матери, а перед глазами её возникала светлая комната, празднично накрытый стол, шумная компания, весёлые голоса, смех... Как позвала её Зина? «Приходи и ты»,— сказала она, словно между прочим. И даже не спросила: а придёт или не придёт Фатьма? И разве послушалась бы Фатьма свою мать, и разве сидела бы она сейчас дома, если бы Зина позвала её иначе? Фатьма пела и тянула вслед за матерью своеобразную мелодию, повторяла странно звучащие слова, а её мысли текли своей чередой: лишь бы никто не узнал, что она приготовила Зине подарок, беленький кружевной воротничок, за которым она ездила в большой универмаг...

За столом у Зины все места были заняты. Только место Фатьмы оставалось пустым. Среди смеха и весёлой болтовни, сама радостная и беззаботная, Зина нет-нет, да и поглядит на это пустое место.

— Может, кто-нибудь пока сядет здесь? — спросила Сима Агатова.

Но Зина сказала:

— Нет, нет! Она придёт! Она обязательно придёт!

Бывают удачные празднества, словно само веселье сидит за столом с гостями. Каждая шутка вызывает неудержимый хохот, каждая песенка, пропетая хором, звучит необыкновенно складно... Все кушанья, что бы ни стояло на столе, кажутся вкусными, а дом, где собрались гости, — самым милым и уютным домом в мире.

Так вот было и у Зины в этот день.

Сима привела с собой своего старшего брата, Костю. Он учился в седьмом, но не воображал себя взрослым, как часто делают мальчики, встретившись с людьми на год моложе себя. Костя очень занятно показывал фокусы на картах. И ещё он делал фокус со спичкой. Спичку клали ему в носовой платок, он завёртывал её и ломал несколько раз. А потом развёртывал платок, а спичка оказывалась целой! Просто чудеса какие-то делал!

Вместе с Шурой пришла её мать Катерина Егоровна, жена директора завода.

— Стрешневы, принимайте гостей! — весело заявила она ещё с порога. — И званых и незваных!

— Да другие незваные-то ещё дороже! — ответил отец и поспешил помочь ей раздеться. — Вот хорошо, что собрались к нам!

— Очень мы вам рады! — сердечно поздоровалась с Катериной Егоровной зинина мама. — Тесновато у нас сегодня... Ну, да вы не осудите!

— А что осуждать? — ответила Катерина Егоровна. — Эх, дружок мой, Нина Васильевна, да разве я-то век в отдельной квартире живу?! Тоже всего бывало: и в общежитии жили и в каморке жили, — а тоже гостей принимали!

Отец, мать и директорша Катерина Егоровна уселись вместе, в сторонке от ребят. Тамара поглядывала в их сторону, прислушивалась к разговору, недоумевала...

— Это директорша? — тихонько спросила она у Зины. — Правда?

— А что? — удивилась Зина. — Конечно, директорша. Это же Катерина Егоровна. Она часто к маме приходит.

— Ну... — Тамара сделала гримасу. — Она же совсем простая...

Зина удивилась ещё больше:

— Как — простая? А какая же она должна быть?

— Ну... И говорит как-то просто. И одета просто. Моя мама ни за что в таком платье в гости не пошла бы!

— А моя пошла бы, — с лёгким вызовом ответила Зина. — И Катерина Егоровна очень хорошая. Она и в будни иногда приходит к маме.

— К твоей маме?

Зина немножко обиделась:

— А разве к моей маме приходить нельзя? Они вместе учатся, на политзанятия ходят. И потом они в родительском совете при заводском детском саде.

— А почему же она к моей маме... — начала было Тамара.

— А потому, что твоя мама ничего не делает, — прервала Зина, — вот и сидит одна. — И тут же, испугавшись, что обидела подругу, Зина ласково обняла её за плечи: — Тамарочка, запой что-нибудь! Товарищи, у Тамары такой хороший голос! Пусть она споёт!

Неприятный разговор рассеялся, как тучка. Тамара запела «Чибиса», все дружно подхватили, и праздник пошёл дальше своей шумной и радостной дорогой.

У мамы болела голова. Но разве она хоть полсловом обмолвилась бы кому-нибудь об этом? Попробуй обмолвись — тут и забеспокоятся все и праздник испортят!

Мама часто выходила на кухню — то отнести тарелки, то подать ещё что-нибудь на стол. К чаю у неё готовился огромный крендель, он ещё дышал, пыхтел и покрывался румяным загаром в жаркой духовке.

Мама открыла дверцу, посмотрела — готов крендель! Она вытащила его, положила на блюдо. Тёплый сдобный запах наполнил кухню. Мама пошла в комнату посмотреть, можно ли подавать крендель или ещё рано. В комнате стоял гомон. Ребята — и большие и маленькие — встали в круг, держась за руки. Костя стоял, согнувшись на один бок, — с этой стороны у него была Изюмка; по кругу ходила Зина с платочком в руке. И все, даже отец и Катерина Егоровна, изо всех сил пели «Со вьюном я хожу»...

Мама стояла в дверях, глядела на детей добрыми, счастливыми глазами, и полные красные губы её уже не старались сдержать улыбки.

«За что же я такая счастливая? — думала она. — Чем я это заслужила? Так мне хорошо, и милые мои со мной! Надолго ли это?»

И вдруг сердце её сжалось от какого-то неясного, но тяжкого предчувствия, будто вот сейчас всё радостное кончится, погибнет, будто обрушится откуда-то непоправимое несчастье и она, мать, не в силах будет защитить свою горячо любимую семью... Откуда это?

Холодок прошёл у неё по плечам, и глаза на мгновенье заволокло туманом. Она провела рукой по влажному лбу.

— Что такое на меня нашло? Вот ещё глупость какая-то! Вечно я сама себе придумываю! Просто мне нездоровится... Да и, наверно, крепко нездоровится.

В это время ребята допели песню, хоровод распался, и все разбежались по своим местам.

— Подаю крендель! — стараясь казаться весёлой, провозгласила мама и внесла большое блюдо с кренделем.

— Ну и крендель! — закричал Антон и вдруг захлопал в ладоши.

А за ним и все ребята захлопали, и Катерина Егоровна, и отец...

Зина тоже хлопала в ладоши, смеялась вместе со всеми неизвестно чему — просто так, просто потому, что ей было хорошо, весело, радостно и вся жизнь впереди казалась светлой, весёлой и радостной. И всем было весело: и отцу, и Антону, и Изюмке... И никто не знал, что грозная беда уже стоит у них на пороге и ждёт той зловещей минуты, которая скажет ей: «Можно! Войди!»

(Продолжение в следующем номере)

КИНОДОКУМЕНТЫ О В. И. ЛЕНИНЕ

В Институте Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина хранится несколько круглых металлических коробок с киноплёнками. Их хранят очень бережно и любовно, потому что это не простые плёнки: на них снят Владимир Ильич Ленин.

К сожалению, драгоценных кинодокументов немного; Владимир Ильич по своей чрезвычайной скромности не любил сниматься. Когда на митингах, собраниях, революционных празднествах направляли объектив киноаппарата на Владимира Ильича, он всегда говорил, что надо снимать народ, а не его.

В 1919 году провожали уходящих на фронт бойцов Всевобуча. Перед ними должен был выступить Владимир Ильич Ленин. Кинооператор вспоминает, как перед митингом, протиснувшись через толпу со своим громоздким киноаппаратом, он увидел Ленина. Владимир Ильич шёл к грузовику, заменявшему ему трибуну. Заметив оператора, Владимир Ильич попросил его побольше снимать товарищей, уходящих на фронт.

Но, конечно, оператор постарался снять Владимира Ильича, а не только бойцов, слушавших его речь.

С глубоким волнением смотрятся эти кинодокументы. Вот Владимир Ильич выступает перед рабочими. В живом внимании, в какой-то особенной сплочённости слушателей ощущается любовь к нему, неразрывная связь народа с Лениным.

Вот Ленин на Третьем конгрессе Коммунистического Интернационала, происходившем в Андреевском зале Кремля в июне 1921 года. Владимир Ильич присел на ступеньки у трибуны, внимательно слушает выступления делегатов и делает пометки в своём блокноте.

Вот Владимир Ильич на прогулке во дворе Кремля. Он тогда только начал поправляться после ранения, нанесённого контрреволюционеркой, покушавшейся на его жизнь. Владимир Ильич идёт, разговаривая с управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем.

А вот ещё один кинодокумент: Владимир Ильич в своей квартире в Кремле. Он сидит за круглым столом, отдыхает. На коленях у него уютно примостилась кошка, и Владимир Ильич ласково поглаживает её.

Эти кинодокументы, сохранив на века образ живого Ленина, его жест, его взгляд, его улыбку, будут так же дороги людям далёкого будущего, как они дороги нам.

А. Петров

В. И. Ленин с В. Д. Бонч-Бруевичем на прогулке во дворе Кремля. Октябрь 1918 года.

Ленин выступает перед войсками Всевобуча на Красной площади. Май 1919 года.

Владимир Ильич здоровается с бойцом Всевобуча. Май 1919 года.

Ленин произносит речь на закладке памятника «Освобождённому труду». **Май 1920 года.**

Владимир Ильич Ленин в своей квартире в Кремле. **Зима 1920—1921 года.**

Воспоминания о В. И. Ленине

Г. М. Кржижановский

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

С Владимиром Ильичём Лениным я познакомился на собрании нашего марксистского кружка в 1893 году.

В то время в Петербурге существовало несколько подпольных революционных кружков. Наш кружок был не очень многочисленным. Состоял он главным образом из таких же, как я, студентов технологического института.

Как-то один из товарищей сообщил нам, что в Петербург приехал Владимир Ульянов — брат известного революционера Александра Ульянова, казнённого царём. Об Александре мы все, конечно, слышали, но младшего Ульянова никто из нас тогда не знал.

И вот на квартиру Зинаиды Павловны Невзоровой, где собрался наш кружок, пришёл совсем молодой человек, лет двадцати трёх, очень скромный и как будто на первый взгляд ничем не примечательный.

Но как только Ульянов заговорил, задал несколько вопросов, бросил несколько реплик, нас поразили острота и глубина их. И через несколько минут он совершенно завладел нашим вниманием.

Владимир Ильич восхищал всех, кто с ним соприкасался, не только силой своего ума и исключительной одарённостью, но всем своим духовным обликом, высоким строем души.

И лицо его было прекрасно именно одухотворённостью. В самую первую минуту его внешность могла показаться простой, обычной, но это было лишь в самую первую минуту. Острый взгляд его блестящих тёмных глаз, огромный, прекрасных очертаний лоб поражали каждого. Трудно передать выражение его лица, его глаз. Порой, когда он задумывался, глаза казались грустными и суровыми, порой в них мелькала лёгкая, лукаво-ироническая насмешка в соединении с какой-то удивительной глубокой проникновенностью. Во взгляде его была такая сила и живость, что сразу можно было сказать: это человек необычайной энергии.

Работа революционера — очень напряжённая работа. Революционером не может быть «тёпленький» или «тепловатый» человек. Здесь нужна страстная энергия. И мы все сразу почувствовали в юноше Ульянове этот страстный темперамент борца. Он создан был для борьбы.

В тот же вечер, когда мы познакомились с Владимиром Ильичём, он прочёл нам свою новую работу, посвящённую особенно волновавшей тогда нас, русских марксистов, теме: каким будет путь экономического развития России, возможен ли у нас капитализм.

Владимир Ильич в своей работе дал такое чёткое, глубокое и бесспорное решение мучивших нас вопросов, что мы были совершенно потрясены. Мы поняли, что этот человек видит так далеко, как никто из нас.

С этого первого вечера Владимир Ильич стал центром, руководителем нашего кружка.

В ПОДПОЛЬЕ

Мы прозвали Владимира Ульянова «стариком»—и за его высокий обнажённый лоб и за его огромные знания. Несмотря на молодость нашего «старика», прозвище за ним закрепилось.

Не много времени прошло с тех пор, как мы познакомились с Владимиром Ильичём, а всё в нашем кружке переменилось, работа кружка стала совсем иной.

Прежде мы были связаны только с небольшой группой рабочих, которым помогали изучать марксистскую теорию, а теперь перешли к широкой агитации на фабриках и заводах. Мы организовывали митинги, маёвки, распространяли прокламации.

Владимир Ильич предложил разбиться нам всем на группы так, чтобы каждая группа вела работу только в определённом районе города.

Руководил всей работой центр во главе с Владимиром Ильичём.

Прежде мы нередко хаживали друг к другу в гости из одного конца Петербурга в другой. Владимир Ильич запретил нам эти неделовые посещения.

— Помните, что мы ведём острую борьбу с самодержавием,—сказал он.— Нам надо учиться конспирации у старых революционеров.

Сам Владимир Ильич был великолепным конспиратором. Он умел очень ловко скрываться от сыщиков. Он тщательно изучил расположение проходных дворов Петербурга и, отправляясь на «явку», частенько брал с собой запасную шапку. Заметив шпика, он быстро заходил в ближайший проходной двор, переодевал на ходу шапку, приподнимал воротник и появлялся уже на другой улице совсем неузнаваемым.

В 1895 году Владимир Ильич ездил за границу, чтобы установить связь с группой русских марксистов-эмигрантов. Жандармы получили строжайшее предписание тщательно осмотреть весь багаж Ленина. Но как ни старались, они не смогли обнаружить ничего запретного. Ленин сумел спрятать от сыщиков и провести в чемодане с двойным дном нелегальную литературу и новый печатный прибор.

Какой это был замечательный подарок для нас! Теперь можно было печатать и листовки в большом количестве и даже брошюры.

Размах работы становился с каждым днём всё шире. Владимир Ильич объединил все марксистские кружки Петербурга в единый «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Полиция сбилась с ног, стараясь выследить и захватить Ульянова.

Ленин в рабочем кружке. В. Прагер.

В декабре 1895 года Ленина, а также всех нас, входивших в руководящий центр, арестовали. Арестовали Ванеева, Старкова, Запорожца, меня... Глубокой ночью мы очутились в предварительной тюрьме, на Шпалерной улице.

Мы сидели в «одиночках». Пять шагов в длину, три шага в ширину. Высоко под потолком небольшое оконце. Откидные стол и стул, ввинченная в стену кровать, в двери — глазок для надзирателя. Больше года провели мы в этих мрачных камерах.

Каждый день нас по одному выводили гулять. Гуляли мы в маленьких деревянных клетушках, разгораживающих тюремный двор. В середине, на вышке, медленно расхаживал часовой, следя за тем, чтобы заключённые не переговаривались.

Из окна моей камеры, подтянувшись на руках, можно было увидеть тюремный двор и товарищей на прогулке. Это было не так-то просто: сквозь глазок в тяжёлой запертой двери почти непрерывно следил надзиратель. Но никакие силы не могли удержать меня в те часы, когда на прогулке должен был быть, по моим расчётам, Владимир Ильич.

Как-то раз я смотрел в окно. По двору гулял Владимир Ильич. Вдруг он оглянулся на часового, потом посмотрел на меня с какой-то особой весёлой напряжённостью во взгляде и поспешно на пальцах протелеграфировал мне по тюремной азбуке: «Под тобой Хохол». Хохлом мы звали нашего товарища Степана Ивановича Радченко. Было удивительно, что его посадили рядом со мной: тюремное начальство всегда старалось окружить политических заключённых уголовниками.

Я лёг на пол камеры и, приложив губы к узкой щели около трубы отопления, позвал:

— Степан! Степан!

Снизу донёсся приглушённый голос:

— Кто говорит?

— Я, Глеб. Сейчас пришлю записку.

Быстро написав шифрованную записку о том, как мы держались на допросе и что надо говорить, я протолкнул записку в щель.

А потом на допросе следователь удивлялся согласованности показаний только что арестованного Радченко с нашими показаниями.

Мы условились о шифре для переписки ещё на воле, зная, что революционер должен быть готов к любым неожиданностям.

В тюрьме мы все вели деятельную переписку друг с другом. В письмах делились новостями, полученными с воли, рассказывали о своей жизни в тюрьме. Использовали мы для этого книги из тюремной библиотеки, уговорившись заранее, в каких книгах, на какой странице искать условные значки.

Помню один курьезный случай в нашей переписке. Владимир Ильич ждал письма от меня. Получив из тюремной библиотеки нужную книгу, он стал расшифровывать условленную страницу. Что такое? Ничего не получается. Ох и рассердился же на меня Владимир Ильич, думая, что я всё напутал! Два дня бился он, расшифровывая это письмо, и всё же наконец прочитал его. Оказалось, что это писал кто-то другой, и совсем другим, незнакомым шифром. Со своей обычной настойчивостью Владимир Ильич сумел раскрыть секрет шифра.

Ленин переписывался со всеми нами, его письма заставляли нас подтягиваться в самые трудные минуты — столько было у него душевных сил, так умел он поддержать и подбодрить.

Даже в тюрьме Ленин продолжал революционную борьбу. Он был связан с товарищами, которых не сумела захватить полиция, направлял их работу. И заключение в камере-одиночке не могло оторвать его от борьбы.

В ССЫЛКЕ

В пятидесяти шести верстах от Минусинска по Енисею, на реке Шушь, расположилось село Шушенское, где отбывал ссылку Владимир Ильич. Мне и В. В. Старкову назначили местом ссылки село Тесинское. Остальных наших товарищей сослали в другие места, на расстояние десятков и сотен вёрст друг от друга. Царские жандармы не разрешали революционерам даже в далёкой сибирской ссылке жить вместе.

Село Шушенское Владимир Ильич в шутку называл «Шу-шу-шу».

Своей матери, Марии Александровне, к которой он относился с нежной заботливостью и с каждой почтой посылал

подробные письма, Владимир Ильич описывал «Шу-шу-шу» как «недурное село», где он устроился настолько хорошо, что беспокоиться матери уже нет резонов. В одном из своих писем он даже написал: «Лето я проведу, следовательно, в «Сибирской Италии», как зовут здесь юг Минусинского округа». А в этой «Италии» нередко случались морозы в 40 и больше градусов!

Изредка нам удавалось ездить друг к другу «в гости». И это были самые радостные дни в нашей однообразной ссыльной жизни.

В конце 1897 года мне разрешили поездку в Шушенское.

Накануне нового, 1898 года Владимир Ильич писал своей матери: «У меня теперь живет вот уже несколько дней Глеб, получивший разрешение на 10-дневную поездку ко мне. Живем мы отлично и очень много гуляем, благо погода стоит большею частью очень теплая. После одного дня, когда мороз доходил, говорят, до 36° R (недели полторы назад) и после нескольких дней с метелью («погодой», как говорят сибиряки), установились очень теплые дни, и мы охотимся очень усердно, ...хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные».

А в другом письме к ней он писал: «Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша: он уверяет, что она гораздо лучше Теси (а я то же говорил про Тесь! Я над ним подшучивал, что, мол, там лучше, где нас нет)...»

В этом письме Владимир Ильич просил прислать нот для меня, он постоянно заботился о товарищах больше, чем о самом себе. Правда, это не мешало ему мило, необидно, как только он один умел это делать, подшучивать над моей страстью к пению. Как-то после окончания ссылки сестра Владимира Ильича — Мария Ильинична Ульянова («Маняша», как звал её Ленин) показала мне его письма из Шушенского.

«На вопрос Маняши,— писал Ильич,— какой у Глеба голос. Гм, гм! Должно быть баритон, что-ли. Да он те же вещи поет, что и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня выражалась)».

Владимир Ильич особенно любил песни о борьбе за свободу: «Смело, товарищи, в ногу» и переведённые мною с польского языка революционные песни «Варшавянка» и «Беснуйтесь, тираны».

Как-то нам, ссыльным революционерам, удалось собраться всем вместе. Нам нужно было поговорить об очень важных политических вопросах. Обсуждением руководил Владимир Ильич.

А когда мы кончили работу, он же был зачинщиком веселья.

В жизни Ленин был очень простым, общительным, весёлым человеком.

— Такой учёный человек и такой простой! — говорили про него сибирские крестьяне.

Всё в нём привлекало. И то, как он насмешливо прищуривал глаз, и даже то, как он картавил. Я очень любил, когда он, сунув пальцы подмышки за жилет, чуть склонив голову к плечу, начинает стремительно ходить по комнате. Было в этой его позе что-то удивительно милое.

Смеялся Владимир Ильич от души, до слёз, как может смеяться только очень хороший человек. Недаром его так любили дети, и он так любил детей.

Но он мог быть и суровым, когда это требовалось для блага народа.

Как-то в ссылке мы заговорили о том, какой будет жизнь в нашей стране после победы революции.

— Когда мы победим, мы отменим смертную казнь,— сказал я.

— Ничего подобного! — воскликнул Владимир Ильич.— Мы будем беспощадно уничтожать всех мерзавцев. Врагов народа. Мы обязательно очистим от шпионов и вредителей почву.

Ленин очень любил Некрасова. Он часто повторял некрасовские строчки:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

ЗА РАБОТОЙ

Владимир Ильич всегда очень много работал. И в ссылку и в тюрьму ему присылали массу книг. Мы дивились, когда он успевал их прочитывать. А ведь он не просто читал книги, он тщательно изучал их, делал выписки, заметки. В ссылке Ленин написал свыше тридцати работ, в числе их и большую книгу — «Развитие капитализма в России». И при этом для заработка он вынужден был переводить книги с английского и немецкого языков.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская среди крестьян деревни Горки в 1921 году. Н. Сысоев.

Владимир Ильич всё делал страстно, с увлечением. Когда я был у него в Шушенском, он вставал всегда первым, рано утром, и начинал энергично трясти меня:

— Вставай, лежебока!

Умывшись ледяной водой, сделав «зарядку» и позавтракав, Ленин садился за работу.

Владимир Ильич во всём любил порядок и чистоту. Комната его была опрятно убрана. Все вещи лежали на своих местах. Одежда его тоже была аккуратна, никогда, даже в домашней обстановке, он не ходил одетым небрежно.

А какой идеальный порядок был у него на столе! Всё всегда лежало на месте, ничего не приходилось искать.

Работал Ленин необычайно сосредоточенно, сразу же целиком погружался в работу, и видно было, что она доставляет ему наслаждение.

Писал Владимир Ильич чётким бисерным почерком, с изумительной быстротой. Листки с выписками выглядели у него так же аккуратно, как и переписанные набело рукописи.

Этих листков с выписками из книг и с заметками было у Владимира Ильича огромное количество. Ведь только для того, чтобы написать «Развитие капитализма в России», он прочёл больше шестисот книг!

Особенное внимание он уделял статистическим сборникам: из цифровых данных — «точных и бесспорных фактов» — создавалась правдивая картина положения в стране.

Вспоминая Шушенское, я так и вижу Владимира Ильича со счётами, на которых он часами складывал цифры из отчётов и статистических сборников, он сопоставлял, сравнивал эти данные и затем снова проверял их на счётах.

Иногда он вдруг отставлял книгу в сторону и прохаживался по комнате, раздумывая над прочитанным, потом вновь углублялся в чтение.

Он любил обдумывать свои мысли на ходу. Нередко во время прогулок он обсуждал с нами то, что собирался написать.

А когда писал, то время от времени перечитывал написанное вслух.

— Всё понятно? — спрашивал он. И, если что-то казалось нам спорным или туманным, он исправлял написанное, добиваясь предельной чёткости мысли, ясности языка.

Владимир Ильич любил словари и часто пользовался ими. Стоило при нём употребить какое-либо слово, произношение или смысл которого казался Владимиру Ильичу спорным, как он немедленно учинял допрос:

— Откуда Вы взяли это слово? Вы правильно его употребляете? Посмотрим, что скажут словари.

И он доставал с полки словарь.

Однажды мы со Старковым послали Владимиру Ильичу какой-то наш перевод с немецкого, чтобы он высказал своё мнение о нём.

Владимир Ильич вернул нам рукопись с многочисленными пометками и поправками.

Это был для нас очень поучительный урок того, как тщательно надо работать над каждой фразой, над каждым словом.

Ни в чём, ни в работе, ни в жизни, Ленин не терпел небрежности.

КАК ВСЕ

Скромный, простой, Владимир Ильич никогда не обременял других заботами о себе. Помню, ещё до революции, в Петербурге, он тяжело заболел воспалением лёгких.

— Только, пожалуйста, ничего не сообщайте Марии Александровне. Мама и так много пережила за последнее время,— просил он нас.

Он лежал неподвижный, весь укутанный одеялами. Больно было смотреть на его исхудавшее лицо.

Иногда, очнувшись от забытья и видя кого-нибудь у постели, Ильич спрашивал:

— Зачем вы дежурите здесь? Идите-ка по своим делам. Ничего, я сам.

В трудные, голодные годы Владимиру Ильичу часто присылали подарки. Иногда их приносили деревенские ходоки.

— Неудобно, знаете, отказаться,— с застенчивой улыбкой говорил он,— от души присылают, обижаются, когда отсылаю обратно.

Посылки Владимир Ильич обычно отправлял в детские дома или угощал товарищей тем, что ему присылали.

— Пейте сладкий чай. Вам полезно,— уговаривал он меня, получив посылку с Украины.

— А Вы? Почему Вы пьёте чай вприкуску с маленьким кусочком сахара? Кладите в стакан...

— Нет, нет, я привык так,— отвечал Ленин.

А, конечно, дело было не в привычке. Просто он хотел жить, как жили все в это трудное время.

Владимир Ильич очень любил шахматы, любил и понимал, как все в семье Ульяновых, музыку. Но после революции, когда Ленин особенно напряжённо работал, он отказал себе в этих удовольствиях.

— Не могу, музыка слишком действует на меня. Шахматы тоже,— говорил он.

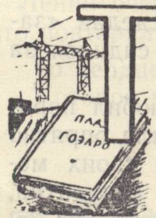
Он всего себя отдавал работе во имя революции.

По отношению к себе Владимир Ильич был совершенно беспощаден. От напряжённого умственного труда он страдал бессонницей. Ночью, перед сном, он ходил гулять, чтобы заснуть. Но и это не помогало. И утром он выходил из комнаты совершенно измученным.

Я часто уговаривал Владимира Ильича отдохнуть, поберечься и однажды сказал ему, что он работой погубит себя.

— А разве наше дело не стоит этого? — ответил мне Ленин.

РАБОТА НАД ПЛАНОМ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СТРАНЫ

Тяжёлая обстановка была в нашей стране в начале 1920 года. У нас ещё не кончилась гражданская война, и послевоенная разруха давала себя знать на каждом шагу: стояли фабрики и заводы, поезда не ходили, не хватало продовольствия, в стране был голод.

И вот в это трудное время Владимир Ильич созвал нас, русских учёных и инженеров, и поручил нам составить единый государственный план электрификации России. Могучая сила электричества должна была помочь нам перестроить всё наше хозяйство, построить в нашей стране социализм. Этот план Владимир Ильич называл впоследствии второй программой нашей партии.

Многим смелый план Владимира Ильича казался дерзкой, несбыточной мечтой.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. Художники П. Назаров, Н. Герелюк.

В ПЕТРОГРАД.

С картины А. Лопухова.
Вторая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР выпуска 1953 года.

Английский писатель Уэллс, приехав в Россию, беседовал с Владимиром Ильичём о плане ГОЭЛРО. Он был убеждён, что электрификация возможна в такой стране, как Англия, но по отношению к огромной, разорённой войной России — это фантастика. И всё же убеждённость Владимира Ильича, его неиссякаемая энергия поколебали даже Уэллса, и он признал, что считает электрификацию России возможной, если за это дело возьмётся Владимир Ильич.

Как председатель комиссии по составлению плана ГОЭЛРО и как председатель Госплана я часто приходил к Владимиру Ильичу в Кремль, советовался с ним по делам электрификации.

Комиссия должна была подготовить проект плана в очень короткий срок. Работали мы с лихорадочной поспешностью, отправляя книгу в типографию по частям, как только были готовы отдельные главы. Один экземпляр набранной рукописи прямо из типографии посылали Ленину. Как мы волновались, ожидая его телефонного звонка!

Владимир Ильич остался доволен нашей работой. Помню, что он внёс в корректуру лишь одну поправку. Между тем в других случаях, когда приходилось показывать Ленину свои статьи, он возвращал их, испещрённые выразительными подчёркиваниями и не менее выразительными замечаниями на полях. «Да!» — писал он на полях той страницы, с которой соглашался. «Гм-гм»,— иронически помечал он в тех местах, где я был неточен. А найдя пометку «Ха!», я знал, что уж тут-то я совсем провалился, недодумал чего-то.

С необычайным душевным подъёмом шли мы всегда к Ленину в Кремль. Присутствие Владимира Ильича заставляло особенно напряжённо работать мысль. Бывало, идёшь к нему и как-то незаметно для себя подтягиваешься, стараешься сам решить трудные вопросы, чтобы не отнимать у Владимира Ильича лишнего времени.

Владимир Ильич удивительно умел выслушивать людей. Он обладал особым даром с полуслова подхватывать и направлять мысль собеседника, не прерывая его, не навязывая своего мнения. В самых сложных, неизвестных ему вопросах, например, в вопросах техники, он разбирался удивительно быстро. Я даже подшучивал над ним, что техника много потеряла от того, что в юности он изучал юриспруденцию.

Всё, что было связано с вопросами науки, очень интересовало Ленина. Даже в те немногие минуты отдыха, которыми располагал Владимир Ильич, не было лучшего средства отвлечь его от повседневных забот, чем беседа о новостях науки и завоеваниях техники.

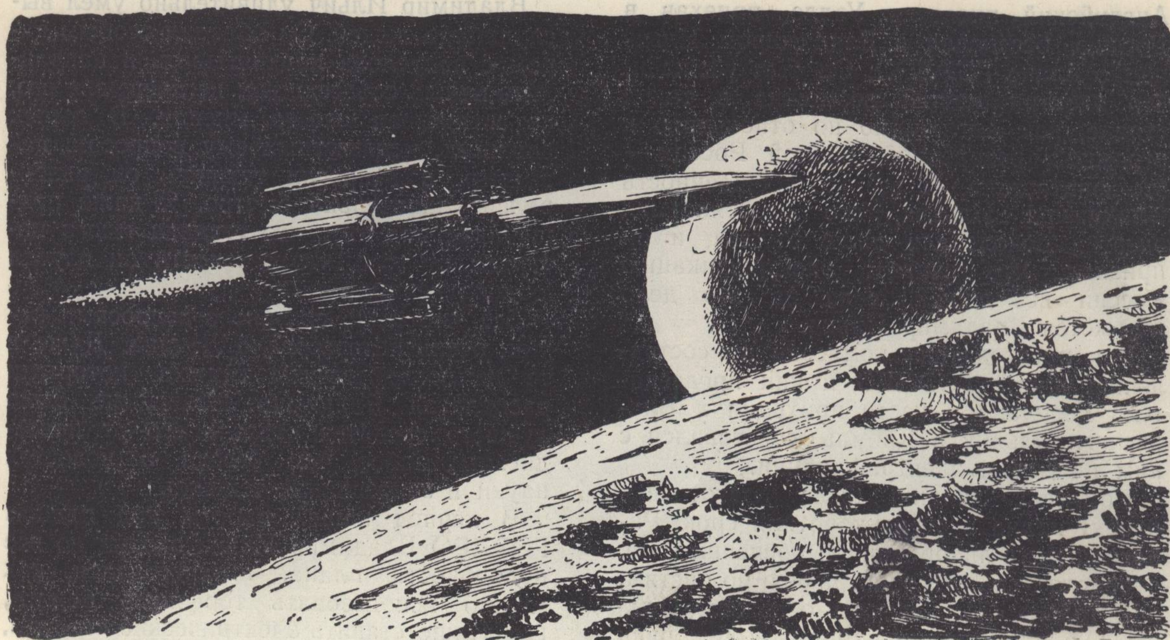
В период нашей работы над планом ГОЭЛРО Владимир Ильич входил во все подробности плана, интересовался, как можно использовать торфяные болота, где лучше ставить электрические станции, сколько областей возможно осветить в первую очередь при тогдашнем нашем состоянии техники, сколько лампочек мы можем сделать, сколько надо заготовить столбов, изоляторов, проводов. По указанию Владимира Ильича в уезды и волости рассылались анкеты с подробными вопросами относительно электрификации. Владимир Ильич стремился привлечь весь народ к обсуждению плана ГОЭЛРО и к его выполнению.

Когда он прочитал наш план, он написал мне в письме:

«Нельзя ли добавить *план* не технический, а политический или государственный т. е. задание пролетариату?»

Он говорил, что надо доказать народу громадную выгодность, необходимость электрификации, надо увлечь рабочих и крестьян этой великой программой.

Глубокая, неиссякаемая вера в народ, в его могучие творческие силы жила во Владимире Ильиче. И он, как никто другой, умел вызвать к жизни эти силы, направить их. Он был подлинным вождём народа.

ЛУННЫЙ РЕЙС

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Г. Остроумов

Рисунки Н. Кольчицкого.

Нужна ли вторая луна?

Мы очень сопротивлялись намерению врачей отправить нас в санаторий. Ещё бы! Всё готово к путешествию, о котором мечтали самые смелые умы, всё готово к полёту на Луну, а нам, экипажу первого космического корабля, предлагают ехать куда-то в подмосковный санаторий, пить там парное молоко, собирать малину и ловить ершей!

Но врачи победили. Они наотрез отказались дать разрешение на полёт, если мы не отдохнём. Сказать по правде, мы порядком устали.

Нас, первых путешественников за пределы Земли, всего четверо. Профессор Петров — известный физик, инженер Михайлов — специалист по реактивной технике, один из конструкторов межпланетного корабля и его пилот, астроном Карцев — наш штурман, человек, который будет прокладывать маршрут полёта от Земли к Луне, и, наконец, я — радиоинженер. На моей обязанности — поддерживать связь с Землёй в полёте и во время пребывания на Луне.

Наш полёт интересует многих. Биологам очень важно знать, как будут чувствовать себя растения в лучах Солнца, не ослабленных атмосферой, и как влияют космические лучи на различные организмы; геологам необходимо обследовать лунные горы, собрать коллекцию тамошних минералов; химики, металловеды, электрики — все наперебой требовали, чтобы на Луну был отправлен в первую очередь их представитель. Но ракета не может взять больше четырёх пассажиров, а чтобы интересы учёных, остающихся на Земле, не пострадали, нам пришлось изучать и зоологию, и химию, и ботанику, и многие другие науки.

Инженер Михайлов взял на себя поручение геофизиков. Он должен был на Луне пробурить пробные скважины, а потом взорвать в них заряды. Колебания лунной коры позволят судить о внутреннем строении спутницы Земли. Карцев засел за геологию, ему предстояло собрать первую коллекцию лунных минералов. На мою долю выпали биологические исследования. У профессора Петрова была обширная программа исследований по физике. Мы освободили его от всех других дел, и нам троим пришлось разделить между собой обязанности кинооператора, заведующего хозяйством межпланетного корабля и повара.

Много сил отняла у всех нас подготовка к полёту.

С утра мы отправлялись в институт, где проектировался и строился межпланетный корабль. Изучали чертежи, участвовали в сборке ракеты, а когда корабль был готов, мы стали тренироваться в управлении его многочисленными механизмами. Каждый из нас учился искусству пилотирования. Кто знает, какие неожиданности могут произойти в полёте!

После обеда мы спешили на какой-либо из заводов, выполнявший заказ экспедиции. Для нас строились десятки различных приборов. Оттуда мы отправлялись в библиотеки и научно-исследовательские лаборатории и там готовились к тем опытам, которые нам предстояло провести на Луне.

Горячие споры разгорелись по поводу того, каким способом мы полетим.

Учёные и инженеры, которым поручено было составить проект корабля и продумать весь перелёт, разбились на две группы.

Одни утверждали: лететь на Луну надо прямо с Земли. Мы, экипаж ракеты, оказались в другой группе специалистов, которые считали, что нужно сперва запустить на высоту в триста — четыреста километров от Земли маленькую искусственную Луну, построенную из металла, и воспользоваться ею как пересадочной станцией. До искусственной Луны можно долететь на ракетоплане, то есть в ракете с крыльями, приспособленной для полётов в атмосфере. А уж оттуда на космической ракете мы отправимся на настоящую Луну.

Сторонники беспересадочного перелёта главное достоинство своего проекта видели в его простоте. «Сел и полетел»,— говорили они.

«Но,— возражали мы противникам,— построить ракету, способную прямо с Земли долететь до Луны, гораздо труднее, чем сделать искусственную Луну и заставить её кружиться вокруг Земли. Какой запас самого лучшего топлива должна иметь ракета, летящая без пересадки? В пятнадцать раз больший, чем вес самой ракеты с пассажирами, приборами и запасом воды и пищи! Нет ещё такого металла, из которого можно было бы соорудить прочную и в то же время лёгкую и ёмкую ракету».

Добавляю от себя в пояснение, что, например, вес скорлупы яйца только в девять — десять раз меньше, чем вес белка и желтка. А чтобы вес скорлупы относился к весу содержимого яйца, как один к пятнадцати, скорлупа должна быть такой тонкой, что, если её сделать даже из металла, прочность у неё будет ничтожная.

А как же добиться такого соотношения в большой ракете?

На это «беспересадочники» отвечали: «Потерпите немного, и мы создадим новый, сверхпрочный сплав. Мы на полпути к его получению».

И это было верно: в металлургической лаборатории одного из институтов уже получили, обработав застывающую сталь ультразвуками, удивительно прочный металл. У нового металла ещё были недостатки, которые не позволяли применить его для постройки ракеты, но победить их, повидимому, было не так уж трудно. Но когда эта победа будет одержана?

Даже «беспересадочники» наконец согласились с тем, что ждать не следует, и выдвинули новый проект: отправиться в полёт на составной ракете. С Земли поднимется целый поезд из трёх или четырёх прочно соединённых друг с другом ракет. Пассажиры будут находиться в головной ракете. Вначале должен запускаться двигатель задней ракеты, он будет толкать весь поезд. Когда баки задней ракеты опустошатся, её надо отцепить, и она упадёт вниз. Тотчас же должна включиться ракета, которая окажется задней. Затем её тоже нужно будет отбросить, и следующие за ней ракеты, по очереди, будут придавать нужную скорость пассажирской ракете. У неё тоже должен быть свой запас топлива для торможения при посадке на Луну и взлёта с неё. Для этого нужно во много раз меньше топлива, чем для подъёма с Земли.

Все эти проекты, вокруг которых разгорелся спор, были выдвинуты уже давно. Их автором был замечательный учёный К. Э. Циолковский.

Достоинства и недостатки проектов уже не раз были взвешены, но теперь, когда о межпланетном полёте заговорили не как о мечте, а как о событии сегодняшнего дня, их внимательно пересмотрели вновь. И в самом деле, ведь во времена Циолковского не было ни замечательно прочных металлов, ни удивительно энергичного топлива, которыми мы располагаем теперь.

Построить составную ракету можно было, не дожидаясь, когда будут получены сверхпрочные сплавы. Этот проект был вполне осуществим.

Но победу одержали всё-таки мы, сторонники искусственной Луны.

На первый взгляд лететь на Луну с пересадкой кажется труднее. На самом же деле у этого способа есть неоспоримые преимущества.

Во-первых, чтобы долететь с искусственной Луны до настоящей, нужно топлива всего в полтора раза больше, чем весит сама ракета.

Во-вторых, на искусственной Луне можно устроить постоянную пересадочную станцию.

В-третьих, её можно превратить в летающую лабораторию для изучения межпланетного пространства: ведь она будет вращаться вокруг Земли далеко за её атмосферой.

«Беспересадочники» потерпели поражение в споре, но как только было окончательно решено лететь с пересадкой, бывшие «противники» с жаром принялись за работу. Для постройки

«Луны» был создан специальный институт; для постройки ракеты — другой.

К нашему сожалению, мы, поглощённые строительством ракеты, не могли как следует познакомиться с металлической «Луной». Не довелось нам увидеть и отправку «Луны» в межпланетное пространство. Отдельные её части, превращённые на время в ракеты, были по очереди запущены на высоту четырёхсот километров. Там они переменили направление полёта и стали вращаться вокруг Земли.

Об их дальнейшей судьбе мы узнавали из радиосообщений, приходивших из заоблачных высот.

Много дней пилоты ракет, подобно плотовщикам, сбивающим плот на быстром течении, собирали части «Луны» в одно место, потом они соединили их и сообщили, что спутник готов. В этот же день на новую Луну отправились первые ракетопланы. Они отвезли туда учёных, запасы продовольствия, воды и кислорода, приборы и инструменты для летающей лаборатории. Обратным рейсом вернулось большинство пилотов — строителей летающего острова.

Как раз в это время началась проверочная сборка нашей космической ракеты, и с новой «Луны» мы получали советы по поводу улучшения конструкции ракеты и приборов и уточнения планов наших научных работ в космосе.

Особенно оживилась связь с искусственным спутником, когда настало время переправлять туда нашу космическую ракету. Она не была приспособлена к полётам в атмосфере, и её пришлось доставлять на летающую станцию по частям в ракетопланах. Два раза в сутки строго по расписанию отправлялись с одного из подмосковных ракетодромов крылатые ракеты, перевозившие наш межпланетный корабль. Ежедневно получали мы радиосообщения со второй Луны — так называли теперь искусственный спутник — о том, как подвигается сборка нашего корабля. Наконец пришла радиограмма: «Сборка закончена. Приступаем к приёмке экспедиционных грузов».

Отправка научного оборудования и продовольствия нас уже не так беспокоила — всё было заранее просмотрено и упаковано, — и у нас неожиданно появилось свободное время. Этим-то и воспользовались врачи, чтобы запрятать нас подальше — в дремучие леса на северо-западе от Москвы.

Таковы были события, предшествовавшие нашему появлению на даче, расположенной на берегу одного из больших водохранилищ. За несколько дней отдыха все мы отоспались, посвежели и, самое главное, приобрели спокойствие и уравновешенность, необходимые в полёте.

В день отлёта

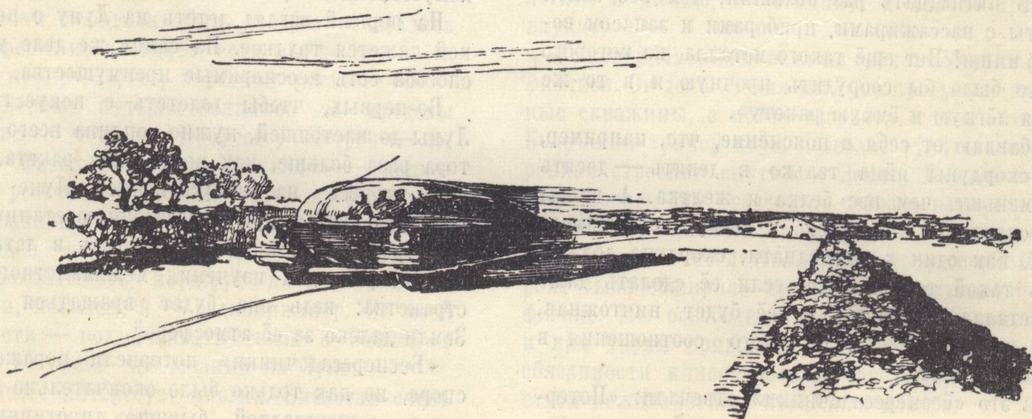
До ракетодрома надо было проехать более трёхсот километров, и, чтобы поспеть во-время, мы встали очень рано.

Нас уже ждал длинный серый автомобиль с прозрачным, словно колпак настольных часов, верхом. Двигатель у автомобиля помещался сзади, и поэтому передняя часть машины была округлённая, а моторная часть — узкая. Автомобиль, если смотреть на него в профиль, походил на какую-то рыбу. Это сходство усиливалось хвостовым оперением машины; оно придавало машине устойчивость во время езды с большой скоростью.

Когда все мы и прикомандированный к нам доктор вошли в машину, дверцы её автоматически захлопнулись за нами. Мы оказались в небольшом купе с круглым столом посредине и пятью креслами вокруг него.

Водитель — он сидел впереди, перед ветровым окном — включил двигатель, и мы тронулись.

Уже через несколько минут стрелка на спидометре показывала, что автомобиль мчится со

Наш автомобиль мчится со скоростью сто пятьдесят километров в час.

скоростью сто пятьдесят километров в час. Подстриженные кусты акации по обе стороны шоссе сливались в сплошную светлозелёную ленту. Движение на шоссе шло в одну сторону, встречные машины мчались по параллельной дороге, отделённой полосой кустарников и яблонь. Опасность столкновения не грозила нам, и водитель включил «автошофёр» — прибор, который повёл машину без участия человека.

Шоссе делало поворот, и автомат поворачивал машину. На подъёмах он увеличивал мощность двигателя, на спусках тормозил. Команду автомат получал от самой дороги: посредине её в бетоне была проложена толстая металлическая полоса. Она посылала электрические сигналы, а автомобиль своими антеннами улавливал их. На прямом участке дороги полоса посылала одни сигналы, на повороте другие, и руль автоматически менял своё положение. На подъёме третий вид сигналов заставлял автомат увеличивать подачу горючего и воздуха в двигатель.

Наша машина мчалась посредине шоссе, обгоняя автомобили обычного типа, которые ехали по краям. Число наших попутчиков с каждым километром росло и росло; все они, повидимому, торопились туда же, куда и мы, — на ракетодром.

Скоро на шоссе стало так тесно, что нам пришлось сбавить скорость.

Впереди на несколько километров растянулся поток машин. Они заняли даже среднюю часть шоссе. Мы стали волноваться, как теперь расчистить дорогу, чтобы не опоздать на ракетодром. Но нас выручил водитель машины. Он нажал на приборной доске какие-то кнопки и громко произнёс: «Всем едущим по Западному шоссе! Прошу освободить середину дороги для машины экипажа ракеты». Оказывается, наш предусмотрительный водитель установил на автомобиле радиостанцию.

Шоссе впереди нас сразу преобразилось: все машины вытянулись в две узкие колонны по краям. Путь был открыт!

Все вздохнули с облегчением.

Скоро в автомобиле наступила тишина. Каждый мысленно проверял себя, всё ли он подготовил к полёту. Малейшая оплошность, пустячная здесь, на Земле, может привести к трагедии там, в космическом пространстве, в сотнях тысяч километров от родной планеты.

Лица моих спутников стали ещё сосредоточеннее и серьёзнее, когда машина, преодолев подъём, въехала на высокий холм. На огромной равнине, расстилавшейся у подножия холма, виднелись здания: командный пункт ракетодрома, ангары, мастерские, склады. Отсюда, с возвышенности, они казались совсем крошечными. Гигантской бетонированной площади ракетодрома и взлётных эстакад ещё не было видно. Их скрывала дымка, застилавшая горизонт.

Мы все смотрели туда, где, по нашим расчётам, должен был стоять ракетоплан.

Неожиданно яркая вспышка голубоватого света пробила марево, скрывавшее от нас воздушный корабль.

Это луч солнца указал, где находится крылатый ракетоплан, отразившись от его сверкающей поверхности, покрытой для уменьшения трения о воздух и защиты от нагревания тонким слоем хрома и отполированной до зеркального блеска.

Поток машин, идущих за нами, направился к гряде холмов, окаймлявших равнину с запада. На склонах холмов разместились тысячи людей. Наша машина в одиночестве прошла последние километры пути.

Ещё минута, и автомобиль застыл перед входом на командный пункт.

Времени до отлёта осталось совсем мало. Мы быстро переоделись в лётные костюмы и вместе с членами комиссии по перелёту поспешили к открытому аэродромному автобусу. От командного пункта до стартовой эстакады, где поджидала нас зеркальная птица, было больше километра. Ближе установить ракетоплан опасно: потоки раскалённых газов, вырывающихся из него при взлёте, могут обжечь провожающих.

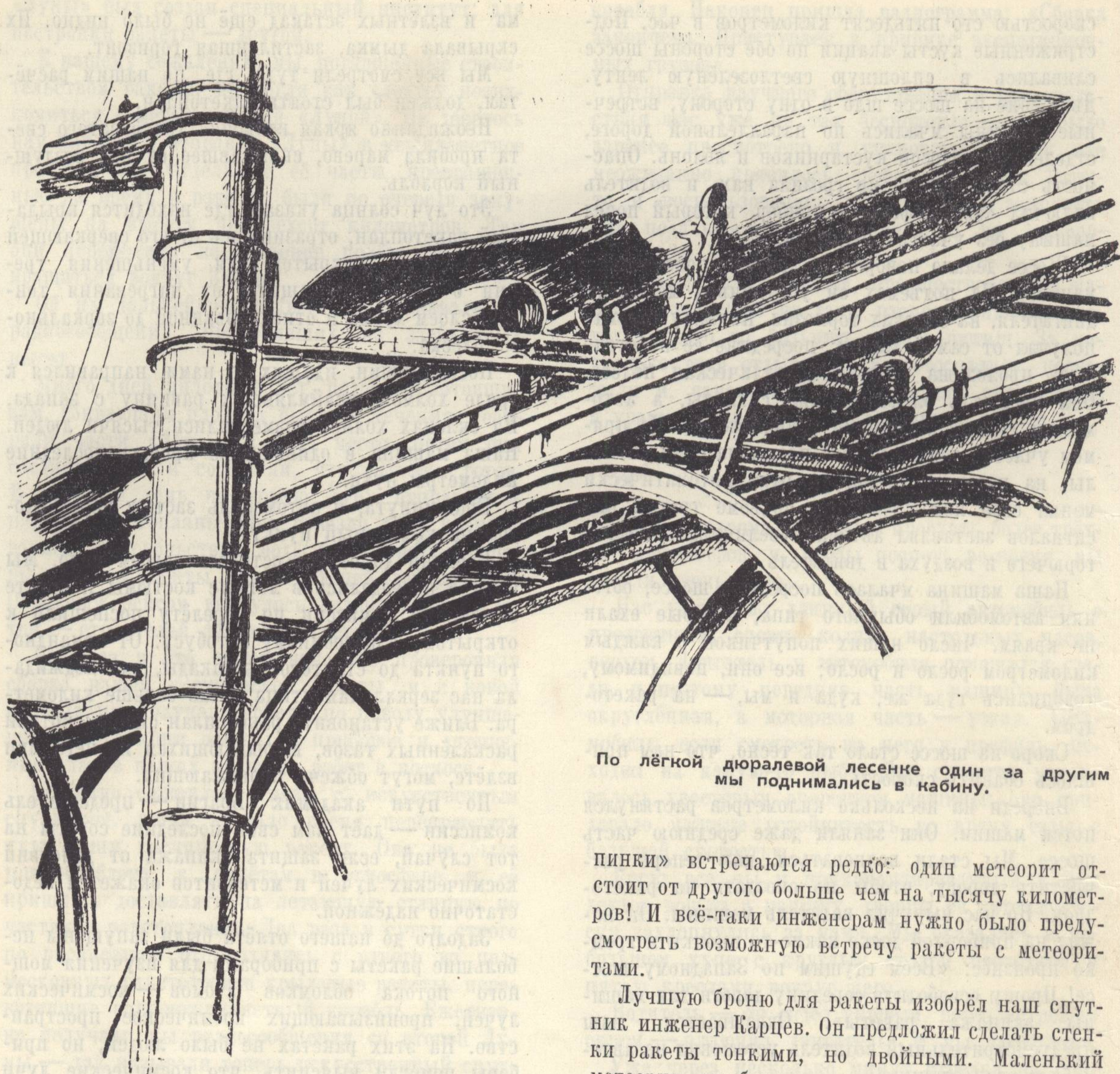
По пути академик Брагин — председатель комиссии — даёт нам свои последние советы на тот случай, если защита экипажа от действий космических лучей и метеоритов окажется недостаточно надёжной.

Задолго до нашего отлёта были запущены небольшие ракеты с приборами для изучения мощного потока обломков атомов — космических лучей, пронизывающих космическое пространство. На этих ракетах не было людей, но приборы помогли выяснить, что космические лучи опасны для человека. Учёные стали думать, как защитить людей от космических лучей.

Самое простое решение — сделать защиту из толстых плит свинца — было непригодно. Ракета, закованная в такие свинцовые доспехи, не смогла бы взлететь.

Профессор Петров нашёл другое замечательное средство защиты. Оно было совсем невесомо. Чтобы заставить космические частички свернуть с пути ракеты, он предложил окружить ракету мощным магнитным полем.

Но не все нашли проект Петрова удачным. Некоторые учёные возражали: «Для создания мощного магнитного поля нужно много электрической энергии! Где возьмёт её ракета?» Петров предусмотрел и это. Энергию даст Солнце, тепло солнечных лучей будет преобразовано в электрическую энергию.

По лёгкой дюралевой лесенке один за другим мы поднимались в кабину.

Долгое время шли споры и о том, как уберечь ракету от столкновения с метеоритами, которые летят с огромной скоростью — от 10 до 70 километров в секунду. Встреча с ними не сулила ничего хорошего. Большой метеорит пробьёт ракету насквозь, а маленький при столкновении со стенкой корабля взорвётся, как бомба, и пробьёт в корпусе большую брешь.

При внимательном изучении дело оказалось не таким безнадёжным, как представлялось с первого взгляда. Метеоритов в мировом пространстве очень мало. Астрономы довольно точно подсчитали, что можно тысячу раз слетать на Луну и обратно, прежде чем встретишь хоть один более или менее крупный метеорит.

Значительно больше в космическом пространстве совсем мелких метеоритов. Но и эти «крупинки» встречаются редко: один метеорит отстоит от другого больше чем на тысячу километров! И всё-таки инженерам нужно было предусмотреть возможную встречу ракеты с метеоритами.

Лучшую броню для ракеты изобрёл наш спутник инженер Карцев. Он предложил сделать стенки ракеты тонкими, но двойными. Маленький метеорит, пробив первую из них, взорвётся в промежутке, и внутренняя стенка останется невредимой.

Как ни медленно по сравнению со скоростным автомобилем двигался автобус, всё же мы довольно скоро добрались до подножия металлической эстакады — громадного ажурного моста, на котором распластался наш ракетоплан.

Последние рукопожатия, приветствия, и маленький лифт унёс нас наверх — на эстакаду.

По узкой лесенке, держась за поручни, мы поднимаемся к ракетоплану. Его огромное сверкающее тело, похожее на удлинённый снаряд, лежит на длинной многоосной тележке. Мощные ракетные двигатели, установленные на тележке, помогут нам сразу же после взлёта набрать большую скорость. Короткие, круто отогнутые назад крылья будут поддерживать наш ракетоплан во время полёта в атмосфере Земли.

Вокруг ракетоплана уже суетятся члены стартовой команды. Входной люк открыт. По лёгкой дюралевой лесенке один за другим мы поднимаемся в кабину.

Полёт зеркальной птицы

Мы очутились в небольшой кабине в носовой части ракетоплана. Стены кабины обиты пенопластмассой — мягким материалом, похожим на губку, с тончайшими каналами и порами,— плохо проводящей тепло и звук. По сравнению с огромным воздушным кораблём кабина казалась совсем маленькой. В ней были расставлены шесть кресел для пассажиров, впереди одиноко стояло седьмое кресло — для пилота. Перед ним полукругом развернулась панель с приборами и с большим телевизионным экраном посредине.

Всё остальное пространство в ракетоплане занимали два огромных бака с запасом топлива и двигатель. Запас горючего был так велик, что инженеры шутя называли ракетоплан летающей бочкой.

Один из баков только что наполнили жидким кислородом, а другой — особой жидкостью, сгорающей при очень высокой температуре.

Пилот жестом радушного хозяина пригласил нас занять места. Кресла в ракетоплане были особенные: они скорее походили на удобные кушетки с подлокотниками и подножками, укреплёнными на подвижных металлических рычагах. На мягких кожаных подушках было очень удобно и сидеть и лежать.

Когда мы уселись, члены стартовой команды плотно пристегнули всех нас широкими мягкими ремнями к сиденьям, и мы стали так же беспомощны, как спелёнатые младенцы. Правда, на подлокотниках кресел были кнопки. Нажав на кнопку, можно было немедленно освободиться от ремней: замки у них были электрические.

На нас надели шлемы с радионаушниками и повесили на шеи крохотные микрофоны. Теперь мы могли переговариваться друг с другом, невзирая на шум.

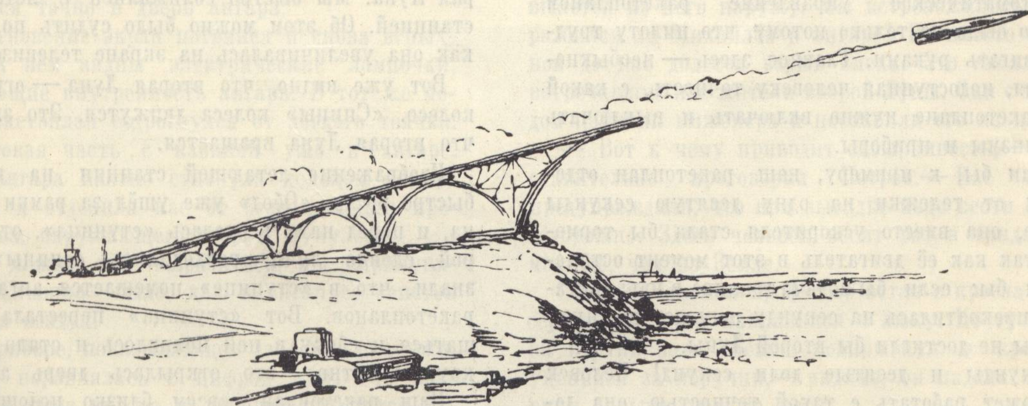
Вслед за нами прибыли два инженера — радист и электрик. Они тоже летели на вторую Луну. Немногочисленной команде искусственного спутника было трудно своими силами подготовить космический полёт — в помощь ей командировали этих инженеров. Так же, как и нас, их быстро «запеленали». Последним занял своё место пилот. Его тоже прикрепили к креслу.

Начальник стартовой команды в десятый раз напомнил нам, как должен вести себя пассажир при взлёте, помахал приветственно рукой и скрылся в светлом отверстии люка. Дверца медленно, но с силой захлопнулась и наглухо отделила нас от внешнего мира. Ни одна струйка воздуха не ускользнёт теперь из кабины наружу. Иначе там, на громадной высоте, в безвоздушном пространстве, куда направляет свой полёт ракетоплан, воздух утечёт из кабины, и мы задохнёмся.

Истекли последние минуты нашего пребывания на Земле. Засветились циферблаты и стрелки многочисленных приборов, выстроившихся перед пилотом. На пульте зажглась красная лампочка. Это сигнал с командного пункта. Двигатели ракетоплана и тележки-ускорителя будут запущены автоматически ровно через минуту. Кресла, в которых мы лежали, подались вперёд, и спустя несколько секунд, мы уже не лежали, а стояли, вернее, висели, на ремнях, плотно притянутые ими к подушкам.

Известно, что отдыхать и спать лучше всего лёжа. При разгоне ракетоплана на нас будет действовать сила ускорения. Вот кресла и повернули так, чтобы по отношению к этой силе мы оказались «лежащими».

Где-то позади послышался приглушённый шум.

Мощные реактивные двигатели, установленные на тележке-ускорителе, помогли ракетоплану набрать большую скорость.

Это начали работать насосы, подающие топливо в камеру сгорания. Ещё мгновение, и раздался мощный нарастающий гул. Огромная сила вдавила нас в подушки. Ощущение было такое, будто ракетоплан стремительно встал на дыбы и на нас кто-то положил невидимый, но невероятно тяжёлый груз.

Гул двигателя быстро превратился в ровный могучий рёв. Десятки тысяч килограммов топлива сгорали каждую минуту, превращаясь в раскалённый газ. С бешеной силой вырывались струи газа из сопла, сообщая ракетоплану всё нарастающую скорость.

Мы мчались со скоростью нескольких километров в секунду. Остались позади самые плотные слои атмосферы. Электрический термометр на приборной доске показывал, что хромированная поверхность корабля нагрелась от трения о воздух на несколько сот градусов. Только благодаря замечательным свойствам голубоватого металла, из которого она была сделана, поверхность ракетоплана не потеряла своей исключительной гладкости и корабль с прежней лёгкостью рассекал воздух.

Никто не произнёс ещё ни слова. Непривычная тяжесть разлилась по всему телу. Она не позволяла не только шевелиться, но и говорить.

Тяжесть сковала и движения пилота. Каждая его рука весила сейчас около двух пудов, и даже шевельнуть ею стоило громадного труда. Если бы пилоту пришлось передвигать руками рычаги и штурвалы, как на обычном самолёте, корабль давно бы, наверное, потерял управление. Но вместо пилота сейчас работали автоматические приборы.

Это они включили на старте топливные насосы и зажгли горючую смесь. Когда корабль получил нужный разбег, автоматы отъединили его от тележки и включили руль высоты. В полёте они без участия человека вели корабль вперёд.

Автоматическое управление ракетопланом нужно было не только потому, что пилоту трудно двигать руками. Главное здесь — необыкновенная, недоступная человеку точность, с какой на ракетоплане нужно включать и выключать механизмы и приборы.

Если бы, к примеру, наш ракетоплан отделился от тележки на одну десятую секунды позже, она вместо ускорителя стала бы тормозом, так как её двигатель в этот момент остановился бы; если бы подача топлива в наш двигатель прекратилась на секунду раньше, чем нужно, мы не достигли бы второй Луны.

Секунды и десятые доли секунд! Человек не может работать с такой точностью, она доступна только автоматам, управляемым электронными лампами. Недаром добрая половина инженеров, проектировавших ракетоплан и космическую ракету, были и специалистами в области автоматики и электроники.

И всё же слепо доверяться автоматам нельзя. У пилота перед глазами были десятки циферблатов и указателей, которые подробно докладывали о работе всех механизмов ракетоплана. А под пальцами пилота былая целая клавиатура кнопок. Если бы какой-нибудь из автоматов стал работать неправильно, пилот нажал бы на кнопку и вмешался в управление кораблём.

Перед пилотом мягким светом мерцал небольшой экран. По нему медленно двигалась яркая точка. Это автоматический прибор указывал нам путь в атмосфере. Рядом по круглому циферблату медленно ползла стрелка указателя скорости. Каждое пройденное ею деление — это прирост скорости на сотню метров в секунду.

Вот стрелка скоростемера поровнялась с красной чертой, и в то же мгновение рёв двигателей стал затихать, а вместе с ним постепенно сползала с нас и тяжесть. Двигатель не работал. Мы летели по инерции, без ускорения, с постоянной скоростью около восьми километров в секунду, как камень, запущенный рукой гиганта.

Первым нарушил тишину пилот, спросив нас о том, как мы себя чувствуем.

Самочувствие у всех было хорошее. Видно, нам очень помогла специальная тренировка на ускорительном стенде, где мы испытывали примерно такую же перегрузку, как и при взлёте.

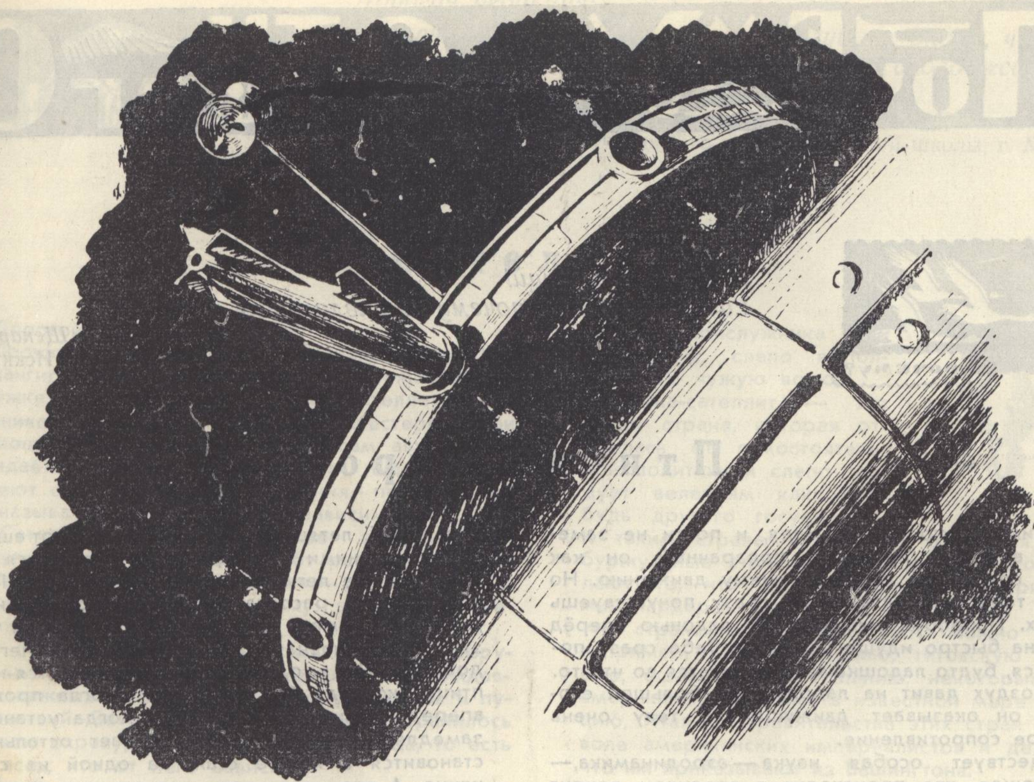
Вскоре заговорило радио: со второй Луны передавали её местоположение. Пилот с помощью приборов определил, где находимся мы, и оказалось, что искусственный спутник был совсем недалеко, его можно было нащупать радиолокатором и даже увидеть в телевизор.

Пилот включил экран над головой, и все мы увидели на фоне звёздного неба яркий светящийся круг. Это сияла отражённым светом вторая Луна. Мы быстро сближались с летающей станцией. Об этом можно было судить по тому, как она увеличивалась на экране телевизора.

Вот уже видно, что вторая Луна — огромное колесо. «Спицы» колеса движутся. Это значит, что вторая Луна вращается.

Изображение летающей станции на экране быстро росло. «Обод» уже ушёл за рамки экрана, и перед нами вертелась «ступица», от которой, словно лучи, расходились «спицы». Мы знали, что в «ступице» помещается ангар для ракетопланов. Вот «ступица» перестала вращаться и сбоку в ней появилось и стало расти круглое пятно — это открылась дверь ангара.

Наш ракетоплан совсем близко подошёл ко второй Луне, и теперь на экране виден только чёрный зев ангара.

Носовая часть ракетоплана с кабиной была уже в ангаре.

Неожиданно всех бросило с сидений вперёд, и только ремни удержали нас от падения; включены двигатели, и ракетоплан начал тормозить. Пилот должен сравнять скорость нашего корабля со скоростью искусственного спутника. Иначе при посадке ракетоплан может получить опасный удар. В центре чёрного пятна появилась светящаяся точка: это в глубине ангара загорелась сигнальная лампа.

Пользуясь экраном телевизора, пилот нацелил нос нашего корабля на эту лампу. Теперь мы двигаемся точно в дверь ангара.

На мгновение экран потемнел и снова вспыхнул: на нём видны электрические лампочки, освещающие внутренность ангара. В тот же момент ракетоплан содрогнулся от лёгкого толчка. Его носовая часть с кабиной уже в ангаре. Дверь ангара плотно стиснула кольцом корпус корабля и отделила нас от безвоздушного пространства, окружающего вторую Луну.

Если можно так выразиться, мы «прилунились». Слышно было, как в ангар со свистом ворвался воздух.

На приборе, показывающем давление снаружи, стрелка поровнялась с цифрой «1». Это значит, что отсек ангара, в котором находится кабина ракетоплана, уже наполнен воздухом и можно открывать выходной люк.

Мы быстро освободились от ремней. Каждому хотелось скорее вступить на этот удивительный металлический остров, стремительно мчащийся вокруг Земли.

Петров, Карцев и я сидели ещё в креслах, когда Михайлов стремительно, одним прыжком, подскочил к раскрытому люку. Мы удивились такой порывистости инженера, а он, не рассчитав своих сил, не смог замедлить шаг перед люком и вылетел из него наружу. Мы встревожились: не разбился ли Михайлов в ангаре? Но вместо стонов до нас долетел взрыв смеха. Это смеялись встречавшие нас жители второй Луны. Они с трудом поймали инженера и поставили его на ноги.

— Вот к чему приводит забывчивость,— наставительно проговорил Петров.— Нас ведь предупреждали, что при высадке надо вести себя осторожно. Здесь человек весит раз в тридцать меньше, чем на Земле.

С этими словами профессор встал с кресла и с серьёзным видом направился к люку. Но тут же он против воли смешно подпрыгнул и крепко уцепился за поручни,— видимо, он надеялся на руки больше, чем на ноги.

(Окончание в следующем номере.)

Почему и отчего

Дорогие товарищи!
Расскажите мне, почему журавли летят клином.

Надя Щекарёва,
город Искитим.

Птичий строй

Ходим мы по земле, Надя, и почти не замечаем воздуха. Лёгкий и прозрачный, он как будто совсем не мешает нашему движению. Но стоит тебе побежать, и ты сразу почувствуешь воздух. Попробуй высунь руку ладонью вперёд из окна быстро идущего поезда. Тебе сразу покажется, будто ладошка твоя упирается во что-то. Это воздух давит на ладонь. При большой скорости он оказывает движущемуся телу очень сильное сопротивление.

Существует особая наука — аэродинамика,— изучающая, что происходит с воздухом вокруг быстро движущегося тела. Начало ей положил замечательный русский учёный, академик Жуковский. Без этой науки не могут шагу ступить ни лётчики, ни конструкторы самолётов, ни конструкторы автомобилей.

Птицы, конечно, не знают аэродинамики, но они летят так, как легче, чтобы зря не терять силы.

Самая первая птица в стае рассекает воздух, и за ней углом, будто две невидимые воздушные тропинки, остаются завихрения и разреженный воздух. Две следующие птицы пристраиваются за первой так, чтобы лететь по этим «тропинкам». Тогда лететь легче, воздух оказывает меньше сопротивления, а завихрения как бы подталкивают птиц вперёд. В завихрениях, оставляемых парой, летящей за вожаком, следуют еще две птицы, за ними ещё две. Так образуется клин.

Но как же летит головной, вожак стаи? Головной первым рассекает плотный воздух, и ему достаётся самая трудная работа. Может быть, это самая сильная птица, богатырь? Ничего подобного. Ни в одной стае не найдётся такой птицы, которая бы весь путь смогла пролететь впереди. Головной сменяется. Когда устанет, он замедляет свой полёт, пропускает остальных и становится в хвосте стаи, на одной из сторон клина. А его место занимает одна из двух птиц, летевших следом за ним. Этого головного через некоторое время сменяет следующий по порядку.

Сходную с этим картину ты можешь наблюдать на пруду, где плавает утиная семья. Попробуй, последи как-нибудь при случае за уткой с утятами. Плывёт она, покрякивая, рассекает воду широкой грудью, разгребает сильными перепончатыми лапами, а жёлтенькие пушистые утята тянутся за нею клином.

Когда утка плывёт быстро, стороны клина расходятся острым углом, а уменьшит она свою скорость, угол увеличивается. Вместе со скоростью утки меняется форма клина, по которому плывут утята.

Профессор П. А. Мантейфель.

Дорогая редакция!

Я очень интересуюсь политикой, слушаю радио, читаю газеты. Мне часто встречается непонятное слово «сателлит». Прошу вас объяснить, что оно означает.

Джангир Агаев,
ученик 6-го класса «Г» 128-й школы, г. Москва.

Сателлиты

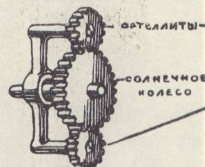
Дорогой Джангир!

Прочитав твоё письмо, я подумал: наверное, Джангир Агаев не занимается в автомобильном кружке, иначе он знал бы, что «сателлитами» в технике называются небольшие шестерни, при помощи которых передним колёсам автомобиля придаётся разная скорость. Эти шестерни не имеют самостоятельного значения, поэтому они и называются сателлитами — зависимыми.

«Сателлит» — слово латинское; оно означает «спутник». Но спутники бывают разные: вольные и невольные. Так вот, сателлит — это спутник зависимый, подчиняющийся тому, за кем он следует.

В старину сателлитами называли слуг, вооружённых наёмников-телохранителей, сопровождавших важных господ во время их переездов и путешествий. Затем это название распространилось на всю охрану, всю свиту знатного лица, то есть на всех, кто от него зависит.

Потом слово «сателлит» стали применять, когда хотели обозначить незавидную роль какого-нибудь прислужника или сообщника, слепо выполняющего чужую волю.

Страна-сателлит — это такая страна, которая отреклась от самостоятельной политики и слепо следует велениям какого-нибудь другого государства. К таким странам-сателлитам относятся многие буржуазные страны, правительства которых делают то, что приказывают им американские миллиардеры.

К странам-сателлитам США можно отнести, например, Турцию, Грецию, титовскую Югославию, франкистскую Испанию, некоторые южноамериканские страны, в известной мере и Францию, Италию. Правительства этих стран покорны воле американских империалистов и делают то, что им приказывают из Вашингтона.

И. Ермашев

Дорогая редакция!

Мы знаем, почему не замерзает зимой трава: она покрыта толстым слоем снега. А вот почему не замерзают деревья? Ведь снег не защищает их от холода! Объясните, пожалуйста.

Володя Хруппа,
ученик 6-го класса 593-й школы, г. Москва.

Защита от мороза

Почему растения не погибают зимой? Этот вопрос давно интересовал учёных. Прежде считали, что при низких температурах вода, входящая в состав протоплазмы, замерзает, кристаллики льда разрывают клеточную оболочку и клетка погибает. Однако, рассматривая клетки под микроскопом, учёные увидели, что кристаллы льда образуются не в самих клетках, а между ними, и клетки остаются невредимыми. Растения погибают оттого, что там, где образуются кристаллы льда, клетка обезвоживается, протоплазма её свёртывается и при оттаивании уже не восстанавливается.

Исследования академика Н. А. Максимова и его учеников показали, что хорошо переносят морозы те растения, которые к зиме накапливают в живых тканях сахар. Сахар, растворённый в клеточном соке, предохраняет клетку растения от потери воды, а значит, и от свёртывания белка.

Вы сами можете проверить это свойство сахара, проделав такой несложный опыт: выжмите сок из какого-нибудь растения, налейте его в две пробирки и в одну из них добавьте сахара. Если вы вынесете обе пробирки на мороз, то через некоторое время в пробирке без сахара образуется хлопьевидный осадок — это из протоплазмы выпал свернувшийся белок, а сладкий сок в другой пробирке останется прозрачным, потому что сахар удерживает воду и не даёт белку свёртываться.

М. Травкин

В. В. Верещагин за работой.
Скульптура И. Я. Гинцбурга.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ И МИРА

И. Халтурин

Среди русских художников XIX века ярким талантом и необычной судьбой выделяется Василий Васильевич Верещагин. Его имя стоит в одном ряду с именами Репина, Сурикова, Васнецова, чьими картинами гордится наша страна.

Главное, что отличает художников друг от друга,— это то, как они видят мир, что хотят показать нам, какие чувства и мысли вызвать в нас. Каждый крупный художник вносит в искусство не только своё мастерство — он открывает нам новую страницу жизни, показывает то, чего ещё не видел никто.

Павел Федотов дал нам целую галерею картин из жизни «маленьких людей», которые у него впервые нашли своё воплощение на полотне. Он делал в живописи то, что сделал Гоголь в литературе.

Суриков не просто исторический живописец, такие были и до него, но он первый показал народ героем исторических событий. В его картинах — и в «Боярыне Морозовой», и в «Утре стрелецкой казни», и в «Покорении Сибири Ермаком» — главные действующие лица не боярыня Морозова, не император Пётр, не казацкий атаман Ермак,— герой всех этих картин — русский народ, великий в своих несчастьях и в своих подвигах.

Верещагин первый рассказал нам правду о войне. Войну в живописи показывали и до него. Залы царских дворцов были полны военными картинами. Но на них изображались большей частью полководцы со своим штабом или движения войск, похожие скорее на парад, чем на настоящий бой.

Верещагин показал войну такой, какая она есть, без прикрас; показал народ на войне, его мужество, его выносливость, его страдания. Война, которую рисует Верещагин,— не парадное шествие героев, а тяжкий, смертный труд, муки и кровь миллионов солдат. Он протестует своими картинами против грабительских, захватнических войн.

* * *

В. В. Верещагин родился в дворянской семье, учился в морском корпусе. Ни помещичья семья, ни суровая военная школа не могли бы воспитать его передовым человеком своего времени, но на него оказала огромное влияние русская литература.

В ранней юности прочитал он «Записки охотника» Тургенева, а позже — роман «Отцы и дети». «Впечатление, произведенное на меня этим романом, было огромно»,— вспоминал он. Учась в морском корпусе, Верещагин ходил в заграничное плавание. Кадетские сундуки не осматривались тогда начальством, и молодые люди привозили много запрещённой в России литературы, которую издавали за границей русские революционные эмигранты.

«Сочинения известного эмигранта Г.[1] пользовались тогда большим авторитетом, и офицеры «Камчатки» часто громко читали их в кают-компании. Мы, гардемари-

[1] Написано это в книге «Детство и отрочество художника В. В. Верещагина», вышедшей в 1895 году. Тогда нельзя было назвать в печати имя революционного демократа А. И. Герцена, и Верещагин обозначил его одной буквой.

ны, совершенно зачитывались этими книгами — столько было в них таланта, остроумия, выражения любви к ближнему и желания добра ему...»

Передовая русская литература, раскрывающая правду жизни, была первым учителем будущего художника и помогла ему найти свой путь в искусстве.

Любовь к рисованию Верещагин почувствовал рано, но ни в семье, ни в корпусе его способности не находили поощрения.

«Конечно, и здесь, как в семье, никому в голову не приходило серьезно обратить внимание на мои способности, развить их и вывести меня на путь образованного художника. Надобно полагать, что все думали, как папаша и мамаша: рисовать можно,— почему не рисовать! — но это не дворянское ремесло, и менять верную дорогу военного морского офицера на неверную карьеру художника — безумие»,— вспоминал потом Верещагин.

Сначала он отдавал рисованию только свободные минуты, но любовь к искусству росла и крепла. Верещагин начал учиться живописи всерьёз. Он решил оставить морскую службу и по окончании корпуса вышел в отставку, несмотря на недовольство родных и военного начальства.

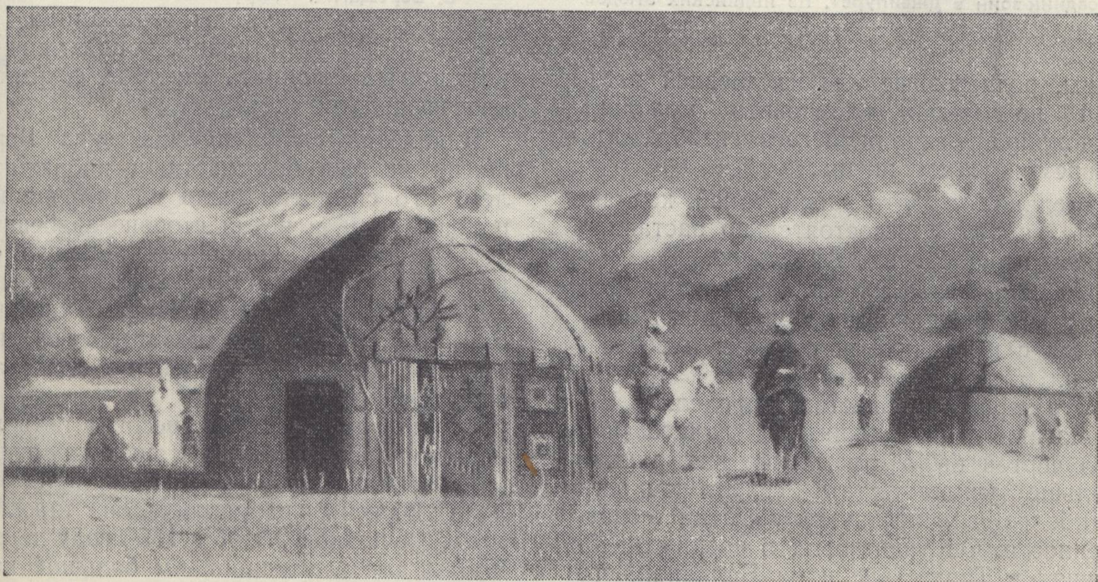
«Делай, как знаешь, не маленький,— сказал ему отец.— Только на меня не рассчитывай, я тебе в этом не помощник, ничего не дам...»

Юноша не испугался ни нищеты, ни голода и поступил учиться в Академию

Портрет зырянина. В. Верещагин.

художеств. Он учился усердно, но в Академии обучали тогда по старинке. Современная жизнь не казалась профессорам достойным материалом для картин. Художников учили копировать старых мастеров, не помогали им найти свой, самостоятельный путь в искусстве. Казённые

Киргизские кибитки на реке Чу. В. Верещагин.

«Всадник-воин в Джейпуре». Из индийских этюдов. **В. Верещагин.**

лёкой Индии, он хотел увидеть, как восходит солнце на Гималаях. Он был храбр, вынослив, любознателен и старался запечатлеть на своих картинах мир во всём его многообразии.

И везде его постоянным спутником был альбом, куда быстрый карандаш художника зарисовывал всё новое, что встречалось ему на пути; всегда был с ним этюдник, и он спешил перенести на полотно всё яркое, красочное, что привлекало его внимание. Это и был материал для его будущих картин. Он не мог представить, как можно написать сражение, не видя его, не выходя из своей мастерской. «Вместо... комнаты Среднего проспекта Васильевского острова. у меня была киргизская палатка, вместо натурщиков—живые люди, вместо кваса и воды — кумыс и молоко,— писал художник.— Везде, и в Туркестане и в Индии, этюды знакомили со страной, учили меня — результатом являлись картины, созревавшие гораздо позже».

В далёких своих путешествиях Верещагин не был бесстрастным наблюдателем. Его симпатии были на стороне народов Индии, а не на стороне завоевателей — англичан. Он задумал целую серию картин, в которых хотел показать «историю заграбастания Индии англичанами», он писал, что «некоторые из этих сюжетов таковы, что проберут даже английскую шкуру».

Верещагина везде интересовал главным образом простой народ, тяжёлым трудом зарабатывающий свой хлеб. На берегу реки Шексны наблюдает он тяжёлую жизнь бурлаков и ещё в 1866 году делает этюды для задуманной им большой картины. Но не было средств, чтобы закончить её, и картина осталась только в

темы, религиозные или из древней истории не могли вдохновить молодого художника, стремившегося изображать современную ему жизнь.

Желание увидеть жизнь такой, как она есть, работать самостоятельно заставило Верещагина бросить Академию.

Он отправился на Кавказ, изучал нравы и обычаи кавказских народов, знакомился с памятниками старины и всё заносил в свои альбомы.

Это первое путешествие определило Верещагина как художника. Отличительной его чертой было стремление как можно больше увидеть, стать свидетелем всех наиболее значительных событий современности. Он участвовал в военных действиях в Туркестане и на Балканах, его интересовали древние постройки и на русском холодном севере и в жаркой да-

этюдах и набросках. Другой русский художник, И. Е. Репин, путешествуя по Волге, тоже был взволнован этой темой и написал свою знаменитую картину «Бурлаки».

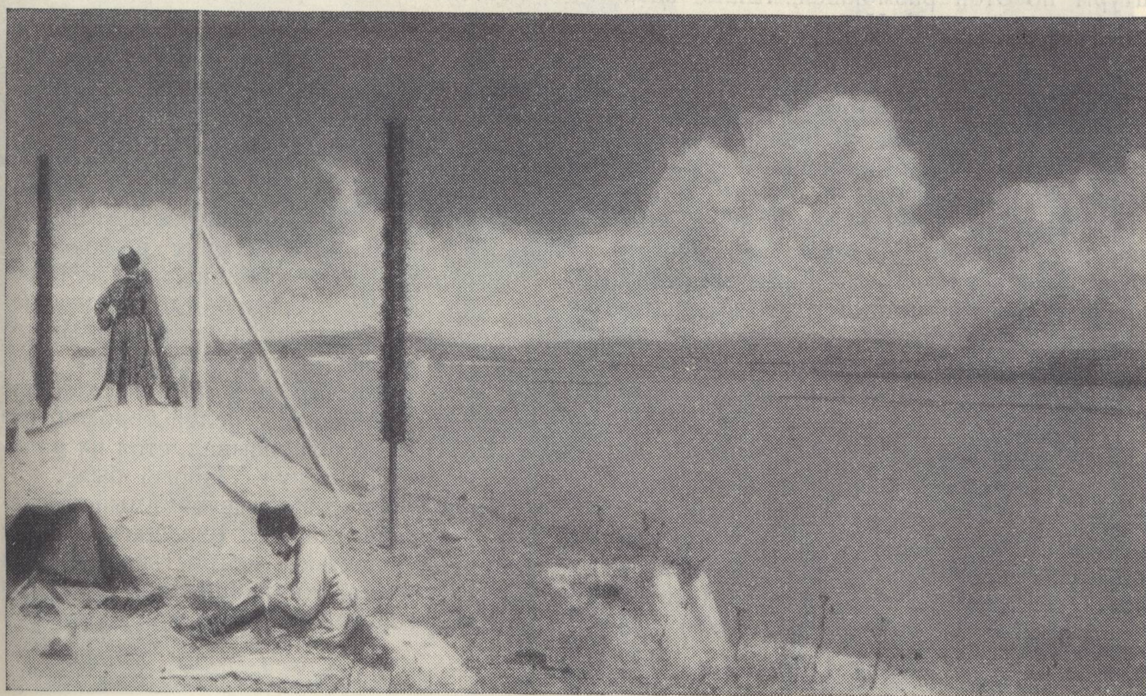
С интересом и с симпатией зарисовывал Верещагин кавказских горцев, пасущих стада, и узбеков, возвращающихся с базара на своих ишаках, и семью киргизов, кочующую по степи со своими кибитками. Правдивые картины Верещагина возбуждали сочувствие к угнетённым народам царской России.

В 1894 году художник построил себе барку и совершил путешествие по Северной Двине от Сольвычегодска до Архангельска. Он зарисовывал памятники древнего русского зодчества, речные северные пейзажи, писал портреты рыбаков и охотников. Один из лучших его этюдов — портрет представителя народа коми, или зырян, как их тогда называли. Мы видим мужественное лицо звероловa, человека храброго, решительного, закалённого в борьбе с суровой природой.

Свою огромную родину художник изучал с редкой любознательностью. Он бродил по горам Кавказа, плавал по Северной Двине и Белому морю, он делал переходы по пустыням Средней Азии.

Бурлак. Этюд. **В. Верещагин.**

Казачий пикет на Дунае. **В. Верещагин.**

В 1867 году художник отправился в Туркестан, потому что «хотел узнать, что такое истинная война, о которой много читал и слышал». И он создал целую серию картин, где показал и быт народов Средней Азии и трудную жизнь русского солдата, которого заставили воевать в пустыне.

На картине «Смертельно раненый» мы видим солдата, поражённого пулей. «...Он выпустил из рук ружьё, схватился за грудь и побежал по площадке вкруговую, крича: «Ой, братцы, убили! Ой, смерть моя пришла!..» — такую подпись сделал под этой картиной сам художник.

Никогда ещё раньше героем военной картины не был простой солдат, рядовой защитник родины, никогда ещё смерть на войне не изображалась так правдиво.

В картинах из русско-турецкой войны Верещагин славил героизм солдатских масс, боровшихся за свободу братских славянских народов, и обличал бездарность царского командования. Несколько картин художник посвятил трагическому штурму Плевны. Штурм назначили на день царских именин, генералы хотели сделать царю подарок, хотя бы ценою крови тысяч русских солдат. День был пасмурный, с раннего утра шёл мелкий дождик, он пропитал почву, и идти на штурм по этой размокшей глине казалось невозможным. Но штурм не отложили. Вот, например, картина «Перед атакой»: справа лежат солдаты, напряжённо ожидающие сигнала к штурму, слева стоят царские генералы. Штурм кончился неудачей, и об этом «именинном подарке» знала вся страна.

«Подростком я видела выставку Верещагина,— писала Надежда Константиновна Крупская.— Такие картины, как та, где штаб царской армии, одетый в чистые шинели, в белых перчатках, удобно устроившись в стороне от схватки, смотрит в бинокли на идущую вдали битву,— никогда не забудутся».

В конце своей жизни Верещагин с огромным интересом работал над серией картин, посвящённых подвигу народа в Отечественной войне 1812 года. Художник изучал материалы, рылся в архивах, ездил на Бородинское поле, читал воспоминания участников войны, чтобы лучше почувствовать дух и характер этой войны. Одна из самых сильных картин этой серии — та, где он нарисовал крестьян, взявшихся за оружие, чтобы прогнать врага из родной страны. Картина эта изображает небольшой партизанский отряд, спрятавшийся в засаде, в занесённом снегом лесу. Впереди—предводитель, высокий старик. Он стоит спокойно, как настоящий хозяин леса, и зорко всматривается в чащу; он опытен, хладнокровен, хочет, чтобы враг подошёл поближе. Его более нетерпеливые товарищи не так осторожны, они рвутся в бой, и предводитель говорит им: «Не замай — дай подойти». Эти мужественные люди являются воплощением идеи народной войны, они предки партизан, которые так храбро боролись с захватчиками, защищая Родину в годы Великой Отечественной войны советского народа.

Боевой, полной труда и опасностей была жизнь Верещагина. И погиб он на боевом посту, как защитник родины. Когда вспыхнула русско-японская война, Верещагин захотел видеть события, имеющие такое большое значение для судеб его родины, видеть снова народ на войне. Шестидесятидвухлетний старик, художник, овеянный мировой славой, поехал на Дальний Восток.

Таким же храбрым был Верещагин в старости, как и в молодые годы, когда при защите Самарканда получил он георгиевский крест, как на Дунае, в годы Балканской войны, когда он делал зарисовки под вражеским обстрелом.

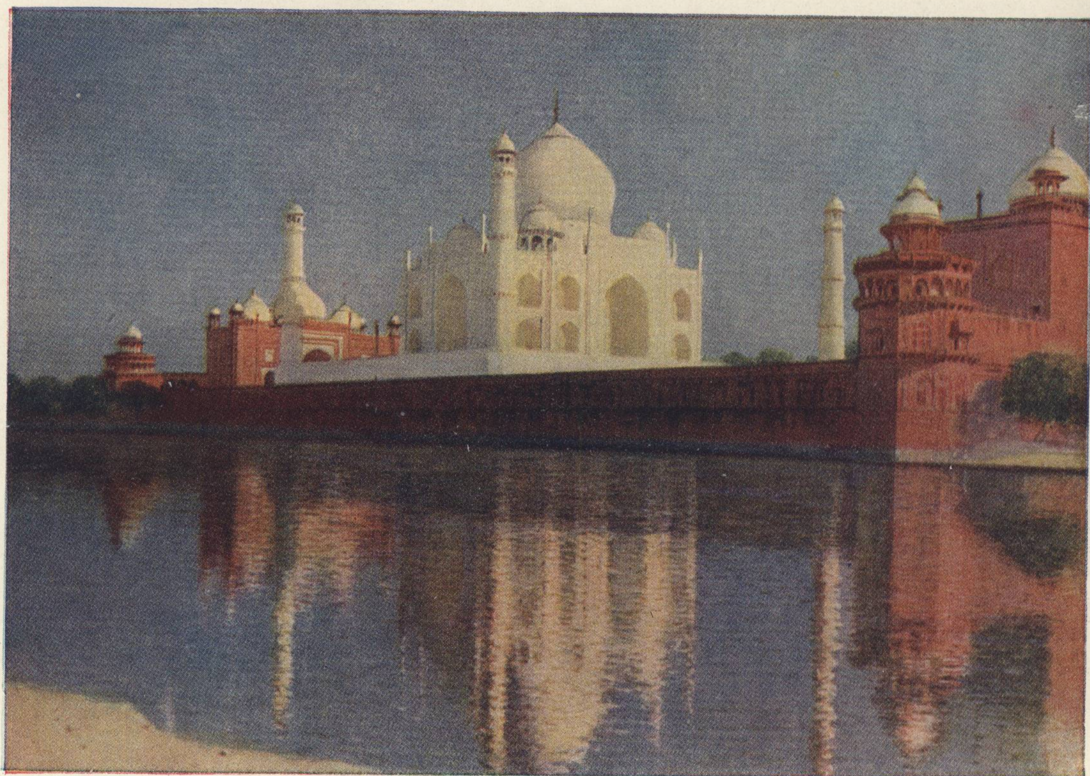
13 апреля 1904 года Верещагин погиб вместе с адмиралом С. О. Макаровым на броненосце «Петропавловск», натолкнувшемся на вражескую мину в бою под Порт-Артуром. В последние минуты Верещагина видели на палубе, делающим наброски в своём походном альбоме. Чудом спасшийся сигнальщик броненосца Бочков вспоминал: «Был у нас на корабле старичок, красивый, с белой бородой, все что-то в книжку записывал, стоя на палубе. Вероятно, утонул. Добрый был».

Передовой человек, неутомимый труженик, большой мастер, Верещагин дорог нам правдивостью, честностью, разящей силой своих картин, ненавистью к поработителям, горячей любовью к народу.

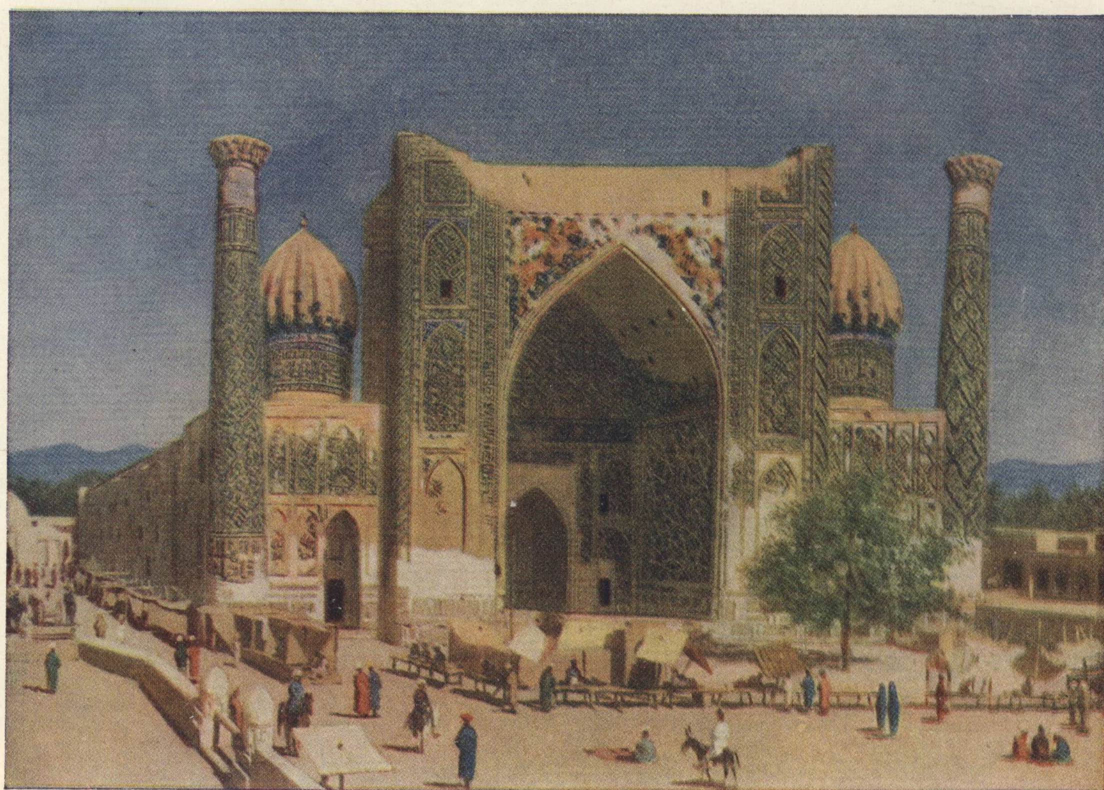

«НЕ ЗАМАЙ — ДАЙ ПОДОЙТИ». Из серии «1812 год».

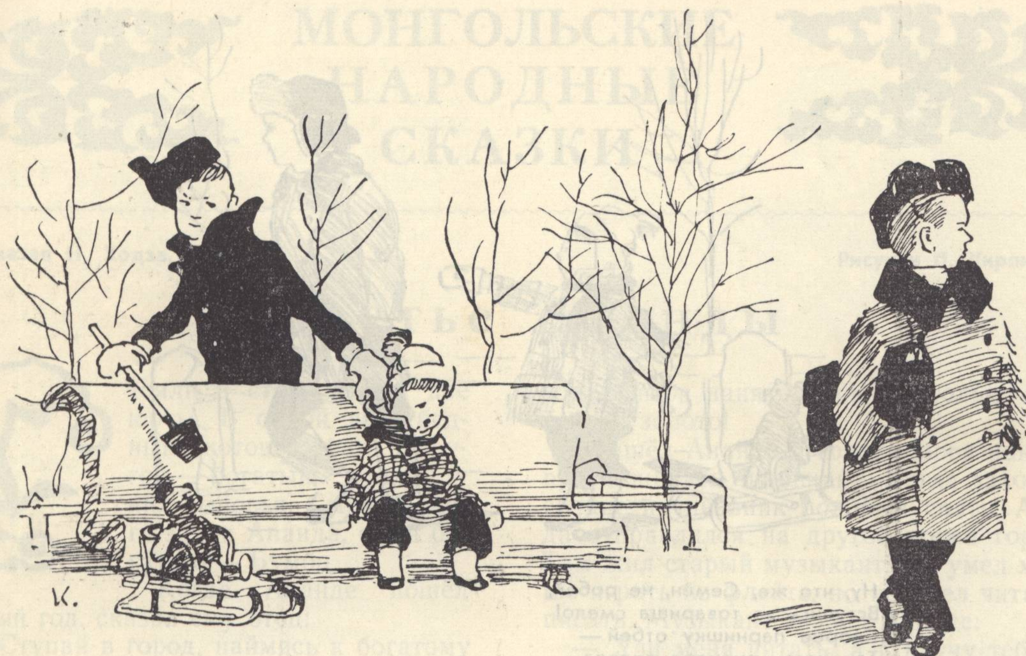
С картины В. Верещагина.

МАВЗОЛЕЙ ТАДЖ-МАХАЛ В АГРЕ. ИНДИЯ. С картины В. Верещагина.

ПЛОЩАДЬ РЕГИСТАНА В САМАРКАНДЕ. С картины В. Верещагина.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Юрий Яковлев

Рисунки А. Каневского.

Жил-был пятиклассник Семён.
Он был деловым и смышлёным.
О нём говорили: «Умён!»
Гордились в отряде Семёном.

Спокойно шагал он к доске,
Все правила зная напамять,
И в школьном его дневнике
Пятёрки сверкали серпами.

Ребятам другим не чета —
Все споры решал он умело.
Заметку его прочитав,
Сказали товарищи: «Смело!»

И в класс торопясь поутру,
Пальто распахнуть он старался,
Чтоб галстук его на ветру,
Как пламя костра, разгорался.

Однажды под вечер домой
Семён возвращался из школы.
Покрылись кусты бахромой:
Работал морозец весёлый.

Снежок опускался, шурша,
На белый заснеженный город.
Вдруг видит Семён: малыша
Взял дылда какой-то за ворот.

Зачем к малышу он пристал?
Вокруг ни знакомых, ни друга.
Малыш вырываться устал,
Приходится малому туго.

Ну, что же, Семён, не робей,
Вступись за товарища смело!
Скорее парнишку отбей —
Так честь пионера велела.

Но только Семён поспешил
Скорее отсюда убраться.
И так про себя он решил:
«Нет, мне не положено драться!

Я лучше об этих делах
Поставлю вопрос на собранье...»
И что-то ещё впопыхах
Шептал он себе в оправданье.

От дылды тому малышу,
Наверно, пришлось бы не сладко.
Но я рассказать вам спешу
Историю всю по порядку.

Случилось, что тут через сквер,
Наверное, тоже с урока,
Печатая шаг свой широкий,
Другой проходил пионер —

Из тех, что речей не держал
И званьем своим не кичился.
Он дылду в два счёта прогнал
И снова разочек поддал,
Чтоб маленьких бить отучился.

Снежок отряхнул с малыша,
Стоящего рядом смущённо.
И вдаль зашагал не спеша...
Тут можно вернуться к Семёну.

Себя самого устыдясь,
Он плёлся куда-то уныло.
И тесно и душно сейчас
Ему в красном галстуке было.

Про галстук я думаю так:
Беречь его надо учиться.
На смелом —
он вьётся, как флаг,
На трусе —
висит, как тряпица.

МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Пересказал Н. Ходза.

Рисунки П. Кирпичёва.

Счастье Ананды

тояли в степи рядом две юрты. В одной жил бедный скотовод-арат, в другой — богатый. Были у них сыновья. Сына бедного звали Ананда, сына богатого — Бумба.

Когда Ананде пошёл десятый год, сказал ему отец:

— Ступай в город, наймись к богатому человеку в слуги. Днём прислуживай хозяину, а ночью учись читать и писать. Грамотного человека несчастье боится, стороной обходит.

Прежде чем покинуть родную юрту, зашёл Ананда к соседу, стал Бумбу с собой звать ехать грамоте учиться.

Бумба махнул рукой и отвернулся.

— Не в грамоте счастье,— в богатстве. У моего отца тысяча овец, зачем мне учиться? Я и так счастливый: ем сколько хочу,— сказал он.

Отправился Ананда в город, нанялся к чиновнику в слуги. Днём прислуживал хозяину, а ночью, когда все спали, учился читать и писать.

Два года прошло — стал Ананда читать быстро, писать красиво. Вернулся он к отцу, говорит:

— Как вы приказали, так я и сделал. Читать научился, писать могу.

Похвалил его отец, а когда спать стали ложиться, сказал:

— Завтра опять ступай в город. Хочу, чтобы научился ты играть на флейте. Хороший музыкант сильнее волшебника: он может заставить улыбаться злых и сделать жестокие сердца добрыми.

Не хотелось Ананде покидать отцовскую юрту, но не мог он ослушаться совета старшего.

Опять зашёл он к Бумбе, опять стал звать его с собой.

— Зачем играть мне на флейте? — сказал сердито Бумба.— Я могу хоть десять музыкантов нанять, было бы только серебро да золото!

Пришёл Ананда в город, снова нанялся прислуживать чиновнику. Когда заходило солнце и чиновник ложился спать, Ананда отправлялся на другой конец города. Там жил старый музыкант. Он умел хорошо играть на флейте, но не умел читать и писать. Музыкант сказал Ананде:

— Учи меня читать, а я научу тебя на флейте играть.

Шестьсот раз заставала полночь Ананду у музыканта. Ни дождь, ни холод, ни буран — ничто не могло его остановить. И настал час, когда старик сказал Ананде:

— Теперь ты играешь лучше меня — можешь вернуться к отцу. Спасибо тебе, что научил меня читать...

Вернулся Ананда домой, послушал отец его игру, доволен остался. А когда стали ложиться спать, сказал:

— Завтра снова ступай в город. Хочу, чтобы ты научился играть в шахматы.

Ушёл через неделю Ананда из родной степи, а Бумба узнал об этом и стал смеяться:

— Не любит Ананду его отец: всё время гонит из юрты!

Шестьсот дней учился Ананда играть в шахматы. Стал он играть так хорошо, что никто не мог с ним сравниться.

Счастливый и радостный возвращался Ананда домой. Но дома ждало его большое горе. Пока он учился в городе, заболел и умер старый его отец. Юрту же отцовскую разбойники захватили.

Увидели разбойники Ананду, говорят:

— Сегодня на заре пойдём коней красть. Тебя возьмём с собой. Будешь нам помогать. Не поедешь — голову отрубим.

Выехали разбойники на заре, Ананду с собой ехать заставили. Обернулся он, видит: позади Бумба едет. Разбойники и его заставили ехать с ними. Ехали, ехали,

сделали привал у озера. Посмотрел Ананда на разбойников — страшно ему стало, такие у них злые лица. И тут вспомнил он слова отца: «Хороший музыкант сильнее волшебника: он может заставить улыбаться злых и сделать жестокие сердца добрыми».

Срезал незаметно Ананда тростинку, сделал из неё флейту. Когда разбойники собрались ехать дальше, вынул он флейту и заиграл грустную песню.

Хорошо играл Ананда, так хорошо, что разбойники забыли даже, куда ехали. Слушали они грустную песню, и лица их становились всё добрее и добрее. Кончил Ананда играть, разбойники закричали:

— Ещё играй! Играй сколько можешь! Никогда не слыхали такой хорошей музыки!

Снова заиграл Ананда. Играл, пока солнце не остановилось над головой. Тогда главный разбойник сказал:

— В награду за твою игру отпускаем тебя на волю. Проси у нас, чего хочешь.

Показал Ананда на Бумбу:

— Отпустите его тоже, лошадей нам дайте хороших.

Спрашивают разбойники Бумбу:

— А что ты умеешь делать?

— Ничего не умею,— отвечает Бумба.

Обрадовались разбойники:

— Не отпустим тебя. Кто ничего не умеет делать, из того обязательно хороший вор получится!

Сел Ананда один на коня, пришёл в в большой хот айл [1], а как жить дальше, не знает: денег нет, есть нечего.

А в хот айле стояла большая белая юрта. В той юрте еды столько хранилось, что сто человек можно было сразу накормить. Хозяином юрты был богач. Во всём хот айле только он один и умел писать. Кто на него неделю даром проработает, тому он записку давал. По записке из белой юрты можно было получить немного мяса, жира, соли, чаю кирпичного.

Узнал про это Ананда, написал сто таких записок и раздал их всем голодным аратам. Пошли араты к белой юрте, показали записки и забрали всю еду. В этот день бедняки первый раз в жизни наелись досыта.

Сказали добрые люди Ананде:

— Спасибо тебе, что накормил нас. А теперь уезжай отсюда скорее, а то поймает тебя богач, прикажет к лошадиному хвосту привязать!

Послушался Ананда добрых людей. Приехал он в соседний хошун [2], а там все ходят печальные, смеха не слышно, улыбок не видно.

Спрашивает он, почему все печальные ходят. Отвечают жители:

— Хан наш очень любит в шахматы играть. Каждый день ханские цирики [3] хватают какого-нибудь человека и приводят к хану играть в шахматы. Каждому, кто проиграет ему, хан тут же отрубает голову.

Подошёл Ананда к ханской юрте, видит: сидит невдалеке человек, плачет горько. Присмотрелся Ананда, а это Бумба.

— Чего плачешь? — спрашивает Ананда.

— Бурханы [4] на меня сердятся! — застонал Бумба.— Еле живой от разбойников вырвался. А теперь меня цирики ханские схватили, в шахматы играть с ханом заставляют!

— Плохо твоё дело! — говорит Ананда.— Быть тебе без головы!

Опять заплакал Бумба, стал просить:

[1] Хот айл — становище, группа юрт.
[2] Хошун — княжество в старой Монголии.
[3] Цирики — солдаты.
[4] Бурханы — боги.

— Научи меня играть в шахматы, может, я выиграю у хана.

Ответил Ананда:

— Видно, ты забыл поговорку: отвернуться от хорошего легко, научиться же хорошему трудно!

В это время вышел хан, приказал поставить столик у юрты, стал играть с Бумбой. Сделал Бумба один глупый ход, потом второй глупый ход, а на третьем проиграл.

Схватился хан за саблю, замахнулся, чтобы срубить голову Бумбе. Тут выступил вперёд Ананда и сказал хану:

— Подождите его казнить, сыграйте со мной. Если проиграю, обоим нам рубите головы.

— Ладно,— засмеялся злой хан.— Видно, надоело тебе с головой ходить! Садись, будем играть!

Сел Ананда, спрашивает хана:

— Если я проиграю, быть мне без головы, а если вы проиграете, что будет?

Опять стал смеяться хан:

— Никому я не проигрывал, а такому мальчишке и подавно не проиграю! Если же выиграешь, любую просьбу твою выполню.

Начали они играть. Кругом народу собралось пешего и конного. Часа не прошло — выиграл Ананда у хана.

Вскочил хан с ковра злой-презлой, а сделать ничего не может: сам обещал выполнить любую просьбу, если проиграет.

— Одна у меня просьба,— говорит Ананда,— чтобы не было отныне в твоём ханстве казней.

Услышал это народ, закричал:

— Правильная просьба, правильная!

Видит хан, что ничего ему не сделать, приказал объявить всем:

— Запрещаю отныне казни в моём ханстве.

Бросился Бумба к Ананде, стал его обнимать, говорит ему:

— Счастливый ты, что у хана игру выиграл.

Ответил Ананда:

— Трижды я счастлив! Счастлив потому, что слушал отца своего. Счастлив потому, что с детских лет трудиться научился. Счастлив потому, что труд мой делает злых добрыми, а жестоких бессильными.

Лама и плотник

давние времена в одной стране жил жадный, жестокий лама[1]. В том же месте жил один плотник.

Однажды лама встретил плотника и говорит ему:

— Все люди должны помогать друг другу. Ты мне построй дом, а я за это попрошу богов послать тебе богатство.

Плотник говорит:

— Пока руки мои держат топор, никто моё счастье от меня не отберёт.

Сказал так и пошёл дальше.

Разозлился на плотника лама. Он привык, чтобы на него все даром работали.

Стал лама думать, как ему непослушного плотника погубить. Думал, думал и придумал.

Пришёл он к царю и говорит:

— Сегодня ночью я был на небесах. Твоего отца покойного видел. Приказал

[1] Лама — монах.

мне царь-отец передать тебе послание. Вот оно.

И подал царю письмо, которое сам написал.

Взял царь письмо, читает:

«Хочу я построить на небесах храм, но здесь нет плотника. Пришли мне своего плотника. Как ему найти ко мне дорогу, скажет лама».

Царь прочёл это, приказал к себе плотника позвать. Когда плотник пришёл, царь сказал:

— Мой отец хочет, чтобы ты построил ему храм на небесах. Вот его письмо.

Посмотрел плотник на послание, спрашивает:

— Как мне попасть на небо?

— Это совсем просто,— говорит лама.— Царь-небожитель приказал запереть тебя в сарае, а сарай поджечь. Тогда на дымовом коне ты взлетишь прямо на небо.

— Пусть будет так,— сказал плотник.— Завтра к полудню приезжайте проводить меня на небеса.

Пришёл плотник домой, рассказал жене:

— Лама коварный погубить хочет меня. Помоги мне одно дело сделать.

Всю ночь плотник с женой копали подземный ход из сарая в дом. К утру сделали они этот ход.

В полдень приехали к дому плотника царь со свитой, лама, солдаты.

Солдаты заперли плотника в сарай, лама притащил к сараю охапку сухой травы и поджёг её.

Когда дым всё заволок, плотник по подземному ходу пробрался домой и смотрит в щёлку, как сарай горит. А царь со свитой всё наверх глядят: хотят увидеть, как плотник на небо полетит.

Хитрый лама тоже задрал вверх голову и кричит:

— Вон он, вон он, плотник! Его дым окутал и прямо к небу понёс!

Тогда все стали разъезжаться, желая плотнику хорошо выполнить волю царя-небожителя.

Целый месяц сидел плотник дома, никуда не выходил. Три раза в день мыл он кумысом лицо и руки и скоро стал белее весеннего облака.

Когда прошёл месяц, плотник надел на себя одежды из белого шёлка и пришёл к царю.

— Отпустил меня отец-небожитель на землю. Приказал послание передать тебе,— сказал плотник.

Царь взял послание и прочёл:

«Плотник построил мне хороший храм. Награди его за это. Теперь пришли ко мне на три дня ламу. Храм без ламы хуже пустой юрты. Пусть лама приедет ко мне той же дорогой, что и плотник».

Царь подарил плотнику пять верблюдов, гружённых шелками, и велел позвать ламу.

Лама увидел плотника, белолицего, в одеждах белых, и очень удивился: как это случилось, что он остался живым? Ведь от его сарая только пепел остался!

Царь показал ламе письмо отца-небожителя и приказал скорее готовиться к поездке.

Лама думает: «Если простой плотник сумел попасть на небо и вернуться живым на землю, так я-то и подавно сумею».

Назавтра в полдень приехали к ламе царь со свитой, плотник, солдаты. Заперли солдаты ламу в сарай, плотник принёс охапку сухой травы и поджёг.

Лама и задохнулся в дыму.

Так часто бывает: другому смерть готовишь, а своя беда уже в юрту вошла.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК СЛОВА

Михаил Михайлович Пришвин за работой (1953 год).

От нас ушёл большой, прекрасный русский писатель, которого любят и знают во всех краях и областях нашей страны и за пределами её,— Михаил Михайлович Пришвин.

Много чудесных книг написано им, отрывки из них передаются по радио, печатаются в хрестоматиях, и мы всё чаще встречаем таких читателей Пришвина, которые ещё в школьной тетради писали фразы из его произведений, приведённые в учебнике как образец прекрасного, чистейшего русского языка. Таким языком, выразительным и точным, ярким и живым, написаны все книги Михаила Михайловича.

М. Горький говорил, что «мир, познанный Пришвиным, удивительно богат и широк». Он верно отметил главное в творчестве Михаила Михайловича и об этом писал самому Пришвину: «По Вашим книгам, Михаил Михайлович, очень хорошо видишь, что Вы человеку — друг... Вы умеете измерять и ценить человека не по дурному, а по хорошему в нем».

Прошло тридцать лет с тех пор, как были написаны Горьким эти строки. За полвека работы М. М. Пришвина появилось много его произведений, которые все вы хорошо знаете. Из путешествия на север Михаил Михайлович привёз первые свои книги: «В краю непуганых птиц» и «Колобок». О своём детстве и юности он написал роман «Кащеева цепь». Вся наша русская природа с её лесами, реками и человеком встаёт перед нами из книги «Журавлиная родина» и из сотен рассказов для детей и для взрослых о природе, об охоте, о любви нашего человека к своей великой Родине-матери.

Читаешь эти книги и понимаешь, каким большим художником был Михаил Михайлович, как непрерывно совершенствовал он писательское мастерство. Ведь настоящее мастерство бывает законченным для художника лишь на миг и дальше снова растёт. Как бы хорошо ни была сделана работа человека, с годами его опыт увеличивается, талант крепнет. Так и талант Пришвина становился всё более могучим и ясным.

В 1945 году появилась повесть-сказка М. М. Пришвина «Кладовая солнца». Эта повесть полна той «сердечно зоркой дружбы» к человеку, которая так радовала Горького в творчестве М. М. Пришвина. «Кладовая солнца» является вершиной творчества Михаила Михайловича, хотя с тех пор появился и чудесный очерк «Заполярный мёд» и написана большая книга «Корабельная чаща». По необыкновенной ясности всего сюжета, по сказочному ритму и по содержанию, в котором герой, как во всякой сказке, борется со злой силой, эта сказка близка нам сейчас: герой сказки не сказочный, а наш, родной нам советский человек, и борьба его со злом заканчивается победой.

Действие сказки развёртывается на Блудовом болоте. Это — большое болото, с запасом торфа на сто лет, где «солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки». Солнечный свет и тепло дают жизнь всему зелёному покрову земли: деревьям и травам. Поэтому Блудово болото и есть «кладовая солнца»; в нём накоплено большое богатство — горючее, из которого человек долгое время сможет добывать вложенное сюда тысячелетиями солнечное тепло. В этой «кладовой солнца» рядом с прелестными местами в лесу — «палестинками» — есть и страшная трясина — Слепая елань. На это болото и пошли, как в сказке, братец с сестрицей за ягодами.

Самыми напряжёнными страницами сказки являются те, где Митраша решается пойти через эту Слепую елань по отцовскому компасу и проваливается в трясину, а его преследует страшный Серый Помещик — неуловимый волк, враг человека. И погиб бы мальчик в трясине, если бы не нашла его Травка, собака старого умершего охотника Антипыча. Травка «глаза в глаза» видит погибающего маленького человека; для неё «все люди были как два человека»: Антипыч и враг Антипыча; и она старается угадать, кто же из них перед ней. «Скорее всего это Антипыч»,— подумала Травка, то есть, значит, этот мальчик — тоже друг ей, каким всегда был для неё старый Антипыч.

Так, угадав нового, молодого Антипыча в глазах мальчика, Травка спасает его, вытаскивает из Слепой елани. Митраша, освободившийся благодаря другу-собаке, убивает страшного Серого Помещика — врага людей.

У сестры Митраши — «Золотой курочки» — тоже есть своя борьба и победа. Настя не заметила, как сошла с тропинки, и обсыпанная клюква завлекла её на такую палестинку, где она потеряла было самую память о брате, погибающем рядом с ней в Слепой елани. Надо бы ей при радостной встрече с палестинкой вспомнить о брате своём и крикнуть ему: «Милый друг, мы пришли!» — а она ползёт за клюквой, одна, вся мокрая и грязная, такая, что проходящий мимо лось «её и за человека не считает: у неё все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни».

После встречи с братом Настю мучает совесть, она стыдится своей жадности и отдаёт всю клюкву приехавшим ленинградским детям.

Написана «Кладовая солнца» так удивительно, как будто для писателя даже и труда не было писать такую прекрасную сказку про нашего человека и его Родину. Читать «Кладовую солнца» — истинное наслаждение. Чего стóит торжество встречи солнца на борине Звонкой, когда все птицы и зверушки стараются выговорить «какое-то общее всем, единое прекрасное слово»!

Мы все скоро прочтём новую большую книгу Михаила Михайловича, «Корабельная чаща», которую он закончил незадолго до своей смерти. В этой книге Пришвин рассказал о том, как знакомые нам из повести-сказки «Кладовая солнца» Митраша и Настя, потерявшие мать во время Отечественной войны, узнают, что отец их, которого они считали погибшим, жив. После ранения он лечился на севере и, хорошо зная лесное хозяйство, задержался там, чтобы помочь местным людям в их работе. Брат и сестра решают поехать и отыскать своего отца. Многие, многие советские люди, встреченные ребятами на пути, помогают им.

Для того, чтобы была написана «Кладовая солнца», «Корабельная чаща» и множество других книг, Пришвину надо было собирать по травинке, по цветочку, по ягодке в свою творческую кладовую великое богатство знаний и любви к родной земле и человеку. Это богатство Михаил Михайлович собирал в продолжение всей свой большой и прекрасной жизни художника и превращал его в свои замечательные книги. Многие поколения будут читать и любить их.

Н. Емельянова

НА ПЛОТУ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ-СКАЗКИ «КОРАБЕЛЬНАЯ ЧАЩА»

М. Пришвин

Рисунки В. Никольского.

Пока дети спали, солнце невидимо за горизонтом переодевалось в новую утреннюю одежду. Так бывает всегда в стране полуночного солнца: уже, начиная с полой воды, солнце не садится, как на юге, а переодевается из вечерней зари в утреннюю и выходит в новой одежде.

Так и в это утро: дети ещё только уснули по-настоящему, а солнце уже встало. В это утро для солнечного глаза была перемена в зелёных лесах. Раньше в зелёном река бежала синяя, а теперь от схваченного полой водой шкуреного леса река стала жёлтая. В эту жёлтую реку из лесов бежала одна маленькая речка — прежняя синяя жилка. Но то была не речка, а временный поток по зимней дороге-ледянке, сделанной зимой для ската срубленных и ошкуренных деревьев к реке. Вот теперь, спасаясь от половодья, на ледянку выбежал из глубоких снегов потревоженный водою медведь и бросился в эту малую речку на зимней дороге.

По этой ледянке медведь, где было глубоко, плыл, а где мелко,— бежал. В то самое время, как медведь нёсся по ледянке, вслед за ним выбился из глубоких снегов мокрый, долгий, худой, измученный лось. Его начали преследовать охотники ещё по насту, когда он не мог бежать и резал себе ноги о наст. Но вдруг стало теплеть, наст размяк, лосю стало легче даже и в глубоком снегу, он стал набирать скорость и подбежал к ледянке в то самое время, как по ней проплывал медведь.

Так велик был у лося страх перед человеком, что на медведя он не обратил никакого внимания, как будто медведь ему был свой. Только уж когда эти лесные братья добрались до жёлтой реки плывущего леса и медведь в раздумье остановился на берегу, то и лось, не дойдя до медведя, тоже остановился и как бы задумался.

Вдруг послышался позади подозрительный шум и крики охотников, потерявших надежду настигнуть лося, и медведь бросился прямо в тесноту плывущих хлыстов. Лось по примеру своего лесного товарища бросился тоже.

Встречаясь с плывущими по реке деревьями, медведь с такой силой раздвигал их ударами лап, что некоторые хлысты глубоко ныряли, а другие как бы не успевали от ударов опомниться, на мгновенье задерживались, и оттого на короткое время на жёлтой реке сохранялась водная синяя дорожка. Оттого-то лось и спешил воспользоваться водной дорожкой за медведем, чтобы не дать деревьям сомкнуться.

С трудом медведь наконец пересёк реку и на разливе достиг какого-то берега. Вслед за ним вылез и лось, и как-то вышло у него это не сразу: сначала он выбросил передние ноги и немного помедлил с задними, казалось, он ожидал, что лесной брат ему, совершенно измученному, поможет. Но медведь не обращал на лося никакого внимания.

Лосю же пришлось сделать очень большое усилие, и так он, мокрый, длинный, худой и странный, был очень похож на подъёмный кран, а тому, кто в детстве читал Дон-Кихота, был лось похож на рыцаря печального образа.

По крутому взлобку, над животными, на самом верху затопленного Выгора, стоял шалаш, и сквозь просветы сена, покрывающего жерди, на зверей глядели человеческие глаза.

— Что нам делать? — шепнула Настя.

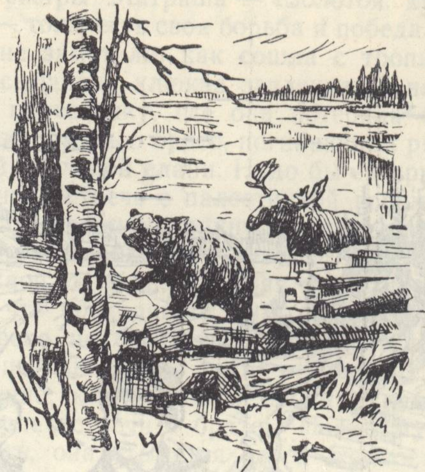
— Ничего,— ответил спокойно Митраша.— Они нас не тронут, они сами еле-еле на ногах держатся. Смотри, как брёвна лосю шею натукали.

— Тише! — шепнула Настя. — Они, кажется, собираются ложиться.

— Это лось,— сказал Митраша,— а медведь, смотри, опять собирается в путь.

И то была правда. Медведь что-то высмотрел недоброе своими маленькими глазками, покосился на шалаш и вдруг бросился в воду. Лось тоже вдруг ожил и бросился вслед за медведем. И лесные братья направились в ту сторону, где серой щёточкой между небом и водой стоял лес.

Долго не думая, Митраша с Настей закусили, не разводя огня, перетащили запасы продовольствия на плот, подправили приготовленное вчера спаньё на плоту, шалашик, заготовили запас дров для нудьи, устроились сами хорошо и, развязав при-

чало, вверили свой плот и свою судьбу общему движению по реке круглого жёлтого леса.

* * *

Бывало со всеми, кто ночевал на плоту у своего костра и не проспал то первое мгновенье, когда первый солнечный луч встречался с нашим огнём: казалось, будто солнце с удивлением глядит на этот маленький, но такой тоже и упрямый на своём месте огонёк.

— Откуда ты взялся такой? — спрашивает удивлённое солнце.

А он горит себе и горит, не обращая никакого внимания на удивлённое солнце.

Сказать так, что это похоже, как если бы великий и славный отец встретился со своим малюткой-сыном, — нет! Что-то есть человечески независимое даже и от самого солнца в этих наших красных угольках на рассвете.

Огонёк был на жёлтой реке — это горела северная нудья на плоту. Нудья же — это сухое толстое дерево, горит посередине себя, а маленький человек Митраша дремлет и, просыпаясь по необходимости, сдвигает концы прогоревшей середины.

Северная нудья — это очаг промыслового человека, ночующего на сендухе, или, по-нашему, просто на воле: на лесных полянах, на берегах рек и на плотах. Нижние деревья, составляющие самый плот, погружённые в воду, от нудьи не загораются.

По эту сторону нудьи, ближе к рулю, сидит сейчас Митраша, а по другую сторону спит Настя под еловым лапником. Горячее дыхание девочки пробивается сквозь еловые ветки и так успевает охладиться, что кристаллы белым снегом оста-

ются на ветвях ёлки и, накопляясь, так плотно складываются, что кажется, спящая девочка покрыта белым платком.

Но это кажется только, что спящей холодно; под толстым слоем лапника на сене у нудьи очень тепло. И Митраше, не спавшему ночь, конечно, очень бы хотелось поскорее попасть на это сено.

У кормщика на плоту не одно только дело, чтобы время от времени сдвигать концы перегорающей нудьи. Его главное дело — держать плот на стрежне, где вода самая быстрая и где у жёлтых хлыстов меньше спора, чем в других местах реки: на быстрой воде им хорошо.

Только издали кажется, что на жёлтой реке всё так спокойно. Стать же поближе и смотреть на всё с берега, то на реке видишь то же самое, что бывает и в ледоход, когда каждая льдина дерётся с другой, чтобы успеть не растаять и цельной льдиной, может быть, даже и приплыть в океан.

Но то льдины, и это нам очень понятно, зачем они так спешат, за что стоят и за что борются между собой: за то, чтобы скорее всех придти в море. Но за что спорят брёвна? Неужели только за то, чтобы первым бревном приплыть к месту назначения, на лесопильный станок, и обратиться в безличные доски и тёс определённого размера?

...Длинною жердью вроде багра Митраша отводит наседающие брёвна и этим толчком помогает тоже и движению плота.

Та́к вот всё и двигалось по жёлтой реке: по стрежню на быстрине строго и в законе движения всей воды шла главная масса круглого леса, и закон этот был — закон подбора всех брёвен по сходству между собой. По другому закону различия плыли все несхожие между собою брёвна.

Наш же плот человеческий шёл по самому стрежню, не уклоняясь ни к слудам высокого берега, ни к наволокам берега низменного. Этот плот с огоньком, управляемый маленьким человечком, плыл, не повинуясь единому, неизменному закону движения, но плыл он не как льдины плывут в океан, не как брёвна плывут на завод, а по законам человеческого ума и сердца: пользуясь законом движения для всех, дети-сироты плыли в неведомую даль на розыск своего родного отца.

Так вот, как же и не удивиться было солнцу, когда его первые лучи встретились с человеческим огоньком на плоту: от солнца же от самого, этого нашего общего солнца, родился огонёк, но был он зажжён рукой человека и плыл даже и самому солнцу в неведомом направлении.

Плыви же, плыви, огонёк нашей человеческой правды, нашей суровой борьбы за любовь.

* * *

Солнце, поднимаясь, грело всё больше и больше, а спереди Митрашу грела нудья,— вот бы обласканному и солнцем и человеческим огнём Митраше уснуть и оставить свой плот на волю воды, несущейся в огромную реку, Северную Двину.

Поддаваясь этой двойной ласке, Митраша и поставил было уже свои локотки на колена и подпёр себе кулачками подбородок. Оставалось только закрыть глаза, и они сами собой узились, вот только бы закрыться, — вдруг среди брёвен он заметил одно бревно, необыкновенное и странное. Всё оно было не жёлтое, как все, а пёстрое из жёлтого, белого, и чёрного, и серого. Вершина его была опущена в воду, и, поддевая ею всякое дерево, бревно ныряло и выходило на плёс, как подводная лодка.

Митраша даже и полусонный понял, что такое страшное бревно могло, конечно, нырнуть и под плот и так хватить по нём из-под низу в какой-нибудь край, что другой конец плота погрузится на время в воду и холодная волна окатит сено и спящую на нём Настю. Кто знает? Может быть, волна эта снесёт с плота и всё их продовольствие и хозяйственную утварь?

А может быть, этот топляк где-нибудь одним концом упрётся в дно реки, а другой его конец разорвёт, развяжет их плот и сбросит их в воду?

Митраша, конечно, очень устал, и это огромное пёстрое бревно-змея представилось ему существом самовольным, не признающим никаких законов на свете, ни солнечных, ни человеческих.

Рядом плыли такие мирные брёвна; было одно, и на нём чудесная птичка, стройная, подвижная, хорошенькая, сизая с чёрным фартучком, священная птица древних египтян, у нас же непонятая и прозванная просто трясогузкой. Удивительная птичка плыла на этом бревне и пела!

И вдруг со всего маху бревно-змея изпод низу так хватило по мирному бревну, что оно колом встало, нырнуло и выбросилось прямо на плот.

А египетская птичка вспорхнула, села на другое бревно и на нём как ни в чём не бывало тоже запела.

Видел Митраша и тоже удивлялся, как пауки двигались в неведомый мир, стоя на воде, как мы на земле; каждый паук на своих длинных коленчатых ногах стоял на воде, как мы, спускаясь и поднимаясь, стоим в метро на лесенке эскалатора, и их несло. Пауков было множество, казалось, они всем народом переселяются в какие-то новые земли.

Многим из них нравилось больше взбираться на брёвна, чем стоять на воде. Одно бревно почему-то они особенно облюбовали, оно было им особенно хорошо. На нём плыли густо паук к пауку.

Тут-то вот, где было хорошо и ладно, повидимому, и было ненавистно бревну-змее, тут и бедокурил топляк.

Так чудилось измученному бессонницей Митраше, будто этот топляк нарочно и метит туда, где хорошо. И вот он хватил в излюбленное пауками бревно, и так сильно, что все пауки разлетелись и расставились опять прямо босыми ногами на своём водяном холодном «эскалаторе».

Всему стройно плывущему на стрежне составу брёвен невозможно было бороться с этим одним-единственным бревном. Как только добрые хлысты нажимали на топляк, он нырял своей опущенной в воду вершиной, поддевал какой-нибудь хлыст, отбрасывал его в сторону, а сам становился на его место, намечая себе в кого-то новый удар.

Так подобрался топляк и к Митраше. К счастью, мальчик не продремал, ударил со всей силой жердью во врага, нажал грудью, сильно подвинул вперёд плот, а пёстрое бревно нырнуло под другую самоплавно сплочённую группу хлыстов.

И вот тут-то с Митрашей случилось то самое, что часто случается с победителями: победить-то, оказывается, легче бывает, чем победу удержать за собой.

«Почему бы теперь,—подумалось Митраше, — не поставить локотки на колени против доброго огонька, а спину не отдать тёплым лучам солнца?»

И так он уснул.

Вдруг что-то сильно толкнуло. Митраша едва не кувыркнулся в воду, но справился, вскочил и увидел прямо перед собой половину огромного бревна-змеи, а другая половина, передняя, была уже под плотом и вершиной ударила как раз в то самое место, где Настя спала.

Толчок был сильный, Настя вскочила, разметала над собой лапник, укрытый снегом собственного дыхания, бросилась на помощь Митраше, и они в две жерди, крепко нажав, освободили плот от бревна.

Поглядев в измученное лица Митраши, Настя сказала ему:

— Ложись-ка ты спать на моё место, я теперь буду править, и кашу пора нам варить; поспеет, я тебя разбужу.

«ВОЛШЕБНЫЙ» ПОРОШОК

Георгий Блок

ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ПОМИДОРНЫХ КУСТОВ

Как-то ранней весной профессор Ю. В. Ракитин пригласил меня съездить с ним в один из подмосковных овощеводческих совхозов. Приглашение меня очень обрадовало. Теперь я собственными глазами смогу увидеть результаты тех опытов над растениями, которые вот уже два десятилетия проводит профессор со своими помощниками.

Мы отправились в путь на другой же день. Наша машина мчалась по гладкому асфальту шоссейной дороги. Земля уже скинула тёплую зимнюю шубу, и яркое солнце на высоком, словно вымытом небе освещало бурые поля, на которых ещё нигде не проступала зелень.

Но вот машина затормозила у дверей здания со стеклянной крышей. Войдя в теплицу, мы сразу как будто перенеслись далеко отсюда на юг. Нас охватило приятное тепло. Защищённые от капризов погоды, здесь буйно разрослись кусты помидоров. Они сгибались под тяжёлыми гроздьями крупных плодов.

Среди этого изобилия выделялся маленький участок в несколько квадратных метров. Кусты на этой делянке были почти без плодов.

В чём тут дело? Может быть, эти растения другого сорта? Нет, сорт один и тот же. Все растения в теплице — родные братья и сёстры.

Так, может быть, за маленькой делянкой ухаживали кое-как, нарочно о ней не заботились? Ничего подобного: уход за всеми растениями был совершенно одинаковый. И удобрениями подкармливали в равной доле, и землю рыхлили, и водой поливали, как положено.

— Тут всё дело в химии,— говорит мой спутник и вынимает из кармана стеклянный флакончик с желтоватым порошком.— Все растения, кроме тех, что растут на маленьком участке, мы опрыскивали вот этим препаратом.

Что же это за порошок?

В одном из романов английского писателя Герберта Уэллса некий чудаковатый изобретатель приготовил «пищу богов» — порошок необыкновенной питательности. Все, кто питался этим порошком, росли с поразительной быстротой. Младенцы в короткое время делались больше взрослого человека, шмели становились величиной с коршуна, крысы — с быка, травы превосходили самые высокие деревья.

Конечно, «пища богов» — чистая выдумка, но желтоватый порошок, который показал нам Ю. В. Ракитин, и в самом деле заставляет быстро расти и развиваться плоды помидорных кустов. Его называют стимулятором, то есть побудите-

лем роста. О некоторых особенностях этого удивительного порошка мы и расскажем сейчас.

Обычно у помидоров, выращиваемых в теплицах, большинство цветков осыпается. Потому-то на кустах контрольной делянки уцелело так мало плодов.

Но если кусты опрыскивать раствором порошка, растения перестанут терять цветки, и помидоры на этих растениях созреют на две недели раньше положенного срока. Причём эти скороспелые помидоры гораздо крупнее и вкуснее обычных. В них больше питательных веществ и почти совсем нет семян.

Этот порошок проверили на томатах, растущих в открытом грунте, и собрали урожай вдвое больше обычного.

Все эти «чудеса» производит ничтожно малая доза стимулятора. На гектар огорода, на котором растут помидоры, нужно всего несколько граммов порошка, разведённого в двухстах литрах воды.

Но эта микроскопическая доза порошка только тогда проявляет свои чудесные свойства, когда в почве есть запас пищи и влаги для растений, когда земля вокруг них хорошо взрыхлена и прополота. Растения не питаются порошком, он усиливает обмен веществ в растениях — они более энергично добывают пищу из почвы, и поэтому так быстро растут их плоды.

Профессор Ю. В. Ракитин и А. В. Крылов заняты теперь изучением того, как действует стимулятор роста на другие овощи. Под влиянием стимулятора многие овощи на опытных делянках делаются бессемянными. Удалось уже вырастить сочные, сладкие арбузы совсем без семян.

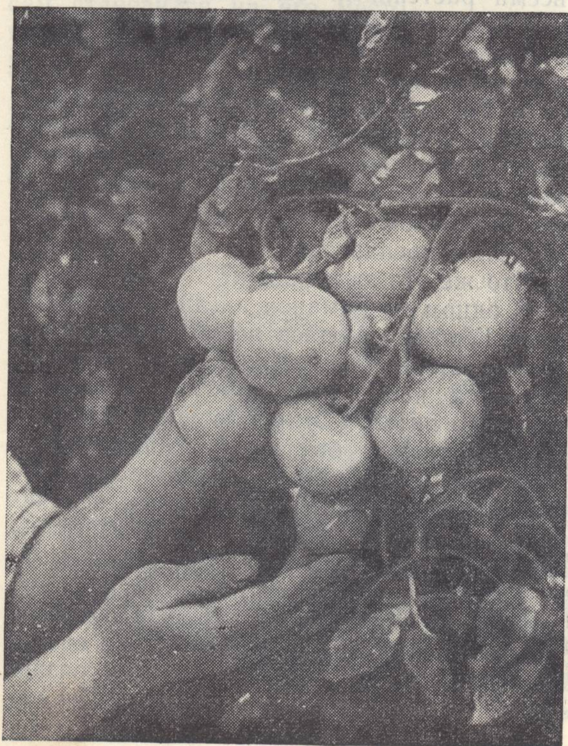
Стимуляторы помогают снять два урожая картофеля в год. На юге лето долгое, и картофель можно сажать дважды — ранней весной и в середине лета.

Но вот беда: где взять семена для второй, летней, посадки? Только что убранные клубни нельзя сажать. Они находятся в состоянии покоя и всё равно не прорастут.

Как же пробудить клубни картофеля к жизни? Живой водой, снявшей оцепенение с картофеля, оказался слабый раствор порошка-стимулятора. Сбрызнутые раствором, почки-глазки сразу пошли в рост. Так удалось собрать второй урожай картофеля.

Посмотрите на нижнюю фотографию. Тяжёлые гроздья крупных плодов растут на томатных кустах, опрыснутых раствором «волшебного» порошка. А вверху вы видите ветку томата, выросшего на контрольной делянке. Плодов на ней меньше, и они гораздо мельче.

ДЕРЕВЬЯ И «ВОЛШЕБНЫЙ» ПОРОШОК

Многим из вас, ребята, наверно, приходилось разводить иву или смородину черенками. Это совсем не трудно. На побегах, посаженных в землю, быстро вырастают корни, и из небольшого прутика вскоре образуется кустик смородины или кудрявое ивовое деревце. А вот лимоны и мандарины трудно вырастить из черенков: почти все они погибают. Черенкованием цитрусовых занялись академик Н. А. Максимов и сотрудники его лаборатории. Они на несколько часов опускали связки черенков в слабый раствор стимулятора, а потом высаживали их в парники. И на черенках быстро вырастали густые, разветвлённые корешки и вскоре появлялась одна веточка за другой.

При помощи стимулятора прекрасно размножаются черенками вишня, слива, крыжовник, виноград, роза, сирень и даже сосна, маслина, ель, клён, берёза и дуб, которые до сих пор не удавалось вырастить из черенков.

Несколько лет назад на улицах Москвы были высажены сорокалетние липы. Это был смелый опыт. До сего времени никто не пересаживал взрослые деревья: они плохо приживаются на новом месте. У деревьев очень длинные корни, и при переселении приходится большую часть корней срезать. Это ослабляет деревья: чем меньше у дерева корней, тем меньше питания получает оно.

И, наверно, многие липы, переселённые на московские улицы, не принялись бы, если бы их коротко остриженные корни не смазали перед посадкой пастой с ничтожно малой примесью порошка-стимулятора. На следующий день после посадки деревья подкормили.

Усиленное питание, приправленное препаратом, видимо, пришлось деревьям по вкусу. На корнях их выросло множество новых корешков, которые сразу же стали подавать из почвы нужные дереву вещества. Благодаря стимуляторам все липы не только принялись, но даже их крона совсем не поредела. И теперь все деревья-переселенцы обязательно получают порцию порошка.

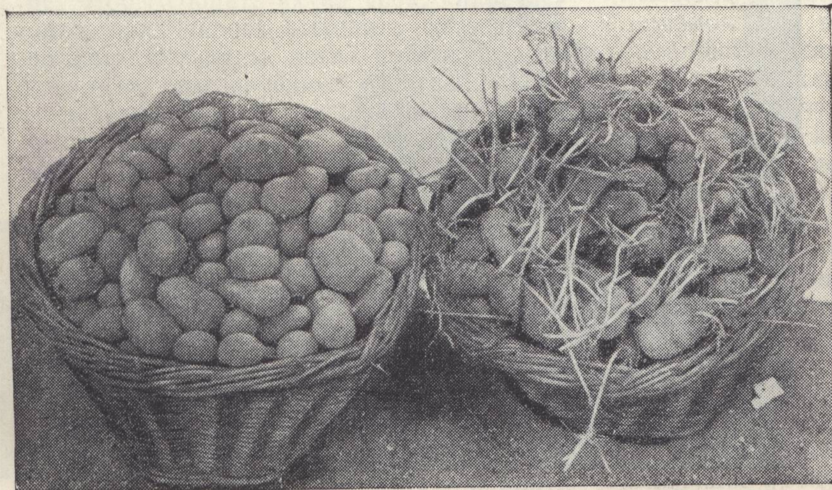
ЦВЕТЕНИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

В средней полосе, а иногда даже и на юге сады страдают от весенних заморозков. Раскроются почки, зацветут деревья, и вдруг ударят ночные заморозки, побьют цвет. Служба погоды может заранее предсказать, когда наступят заморозки. Но как можно заставить почки не распускаться до холодов? Тут, наверно, уж никак не смогут помочь стимуляторы: ведь они только ускоряют распускание почек. Но учёные опрыскали набухшие почки деревьев раствором стимулятора, только большей концентрации, и сад зацвёл гораздо позже, когда опасность заморозков миновала.

В саду, спасённом от заморозков, завязались плоды. И теперь у садоводов одна забота — уберечь обильный урожай.

Много яблок и груш осыпается до того, как созреют. Но если дней за десять до сбора опрыскать фруктовые деревья раствором стимулятора, опадание плодов прекратится.

Как много ростков на картофеле в корзине справа! А слева вы видите картофель, «припудренный» мелом с примесью порошка-стимулятора.

Так один и тот же препарат может и ускорять и тормозить развитие растений. Всё зависит от того, в каком количестве его употреблять. Вы уже знаете, как порошок стимулятора в малой дозе заставил расти только что собранный картофель. А большая порция того же препарата продлевает зимнюю спячку продовольственного картофеля в овощехранилищах.

Как только повеет весенним теплом, клубни картофеля прорастают. Картофелины сморщиваются, теряют отложенные про запас питательные вещества и витамины. Остановить рост очень трудно. Но стоит посыпать картофель тончайшим слоем толчёного мела с примесью порошка-стимулятора — и картофель пролежит до середины лета, не прорастая.

Порошок этот безвреден для людей, и перед употреблением картофеля его смывают водой.

ГЕРБИСИДЫ

Самолёт проносится над нивами, оставляя за собой пышный хвост тумана. Туман медленно оседает, и спустя короткое время сорняки на поле съёживаются и погибают. А пшеница и рожь продолжают расти как ни в чём не бывало. Что же убило сорняки?

Самолёт опылил поля химическим веществом, которое метко разит двудольные широколистные сорняки: сурепку, осот, лебеду, молочай и другие, — не повреждая однодольных, к которым относятся пшеница, рожь, овёс, кукуруза. Эти вещества называются гербисидами, то есть убивающими траву.

Это тот же препарат, который в малых дозах ускорял жизненные процессы в растениях. В больших дозах он убивает их.

Искусственные озёра у гидростанций, оросительные каналы, пруды быстро зарастают водорослями и камышом. Растения загрязняют водоёмы. Очистка их — дело нелёгкое, стоит она больших денег и требует много рабочих рук. Но достаточно только один раз за лето опылить водоёмы гербисидным порошком — и все растения в них погибнут.

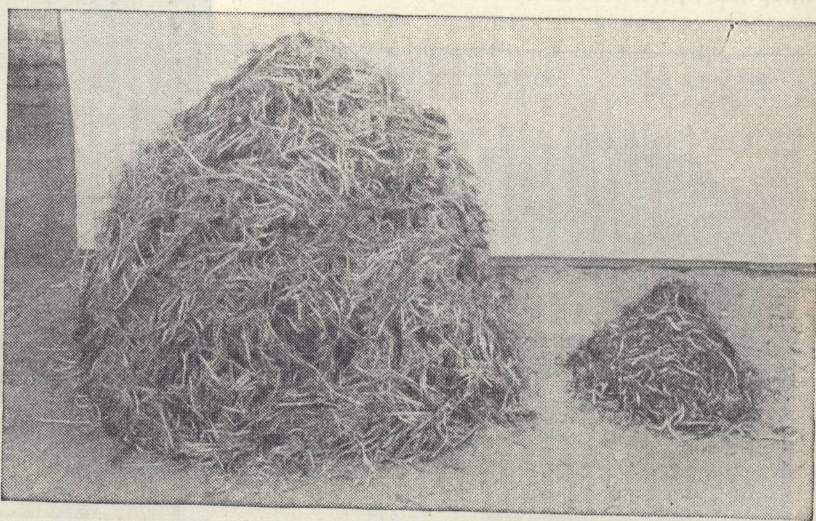
Гербисиды помогают советским хлопководам проводить глубокую чеканку хлопчатника. Чеканка — это удаление молодых плодоносящих побегов, развивающихся поздним летом. Эти побеги истощают растение, отнимают питание у созревающих коробочек. Вот потому-то колхозники обламывают верхушки побегов, и это повышает урожаи хлопчатника на 15—20 процентов.

Чеканка хлопчатника на громадных колхозных полях требует сотен рабочих рук. А самолёт, снабжённый резервуаром с раствором гербисидов, проводит чеканку быстро и точно: он опрыскивает кусты хлопчатника, и рост молодых побегов прекращается. Многие передовые совхозы и колхозы Средней Азии уже применяют на своих полях химическую чеканку.

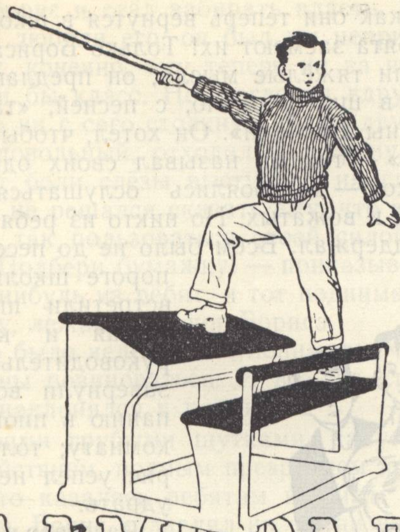
Теперь вы видите, «волшебный» порошок может нести большую службу в сельском хозяйстве.

И вы, ребята, сами можете испытать «волшебный» порошок на своих пришкольных участках.

Только не забывайте о том, что порошок проявляет свои чудесные свойства при одном условии — если вы будете заботливо ухаживать за своими питомцами.

Если обломать ростки с тонны проросшего картофеля, то их наберётся вот такой стожок, какой вы видите слева. А рядом с ним — ростки, сорванные с тонны картофеля, обработанного «волшебным» порошком.

„Адмирал" уводит класс...

Н. Александрова

Рисунки Г. Валька.

Бывают случаи, когда сам себе дивишься. Сделаешь что-нибудь, а потом думаешь: «Да что же это я? Да как же я мог такое сделать?!» Вот такой случай произошёл с двадцатью четырьмя мальчиками из шестого класса «А» одной из глуховских школ. Мальчики сами не могли понять, какое затмение нашло на них...

Было это в начале сентября, в первые школьные дни. Погода стояла тёплая, и ребята все переменки проводили на улице. Чтобы собрать их на урок, «нянечке» даже приходилось выходить со звонком во двор. Однажды, когда ребята из шестого «А», разгорячённые беготнёй, расселись по местам, Борис Попов, новенький в этом классе ученик, второгодник, сказал:

— Эх вы, дурачьё! Охота вам тут сидеть! Смотрите, какая погода!.. Ну их к чёрту, эти уроки! Давайте удерём все в лес... Да вы не бойтесь, не бойтесь,— снисходительно добавил он. — Мы в прошлом году сколько раз убегали — и ничего.

Кое-кто из ребят попробовал возразить, что, мол, нехорошо убегать с уроков, что сейчас придёт учитель, надо заниматься. Но Борис только усмехнулся.

— Слушай мою команду! — крикнул он, сложив руки рупором.— Я адмирал Ушаков! Приказываю всем следовать за мной! А кто не пойдёт...— Он вытащил из-под парты толстую палку.— Тому вот... палкой!

Все засмеялись. Никто, конечно, этой палки не испугался, но всем вдруг стало весело и показалось, что никакой беды и в самом деле не случится, если вместо урока они немного побегают по лесу.

За окном синело яркое небо, ребята посмотрели на это небо, на золотистый осенний лесок, освещённый солнцем, и классная комната показалась им серой и скучной. Всем захотелось поиграть в лесу, побегать по сухой осенней траве. Недолго думая, ребята поднялись и пошли за Борисом.

Вместе со всеми пошёл и Стасик Орлов, председатель совета отряда. Он как раз недавно смотрел фильм «Адмирал Ушаков» и тотчас вспомнил крепостные стены, башни, пушки на кораблях... Замечательная игра может выйти! Штурм, разведка, подвиги... Стасику и в голову не пришло отговаривать ребят, он чуть ли не первый выскочил из класса вслед за Борисом.

Только один мальчик не пошёл с ребятами — Витя Ивонин. Он считал, что нельзя удирать с урока. Но он не решился пойти против всех и даже не попытался удержать ребят. Когда все выбежали из класса, Витя тоже поплёлся за ребятами, а потом отстал и трусливо спрятался за углом.

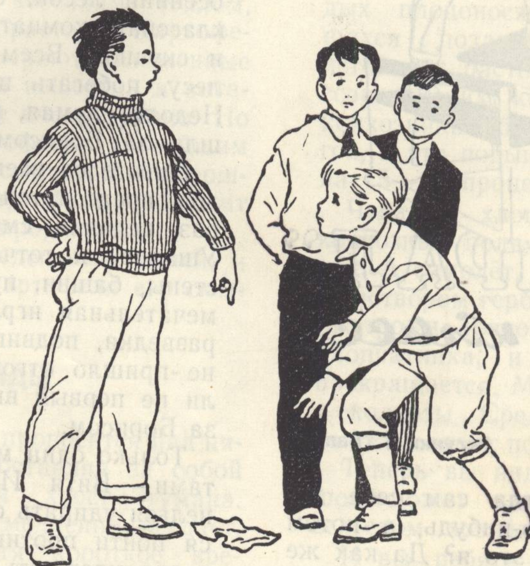
Когда через несколько минут учитель географии Борис Фёдорович вошёл в класс, он не застал там никого. На стене висела географическая карта, на партах лежали карандаши и ручки, розовели промокашки в раскрытых тетрадях. Всё говорило о том, что ребята только что были здесь, ждали учителя, готовились к уроку. Но что-то дикое, нелепое вдруг случилось в классе: словно ураган налетел и унёс с собой всех ребят.

На одно мгновение учитель даже усомнился: да в этом ли классе у него урок? Может быть, у шестого «А» сейчас физкультура и они ушли в спортивный зал? Может, переменилось расписание?

Когда встревоженный учитель вышел из класса, в коридоре ему встретился Витя Ивонин. От него Борис Фёдорович и узнал обо всём происшедшем.

В лесу между тем сначала всё шло хорошо. Ребята решили штурмовать высокий забор какой-то пустой дачи. Понаделали себе ружей из палок, обвязали

стволы двух спиленных деревьев своими поясами и поволокли их за собой на штурм, как пушки. Выслали вперёд разведку... А потом стало не так интересно. Слишком командовал Борис. Он назначил двух мальчиков своими адъютантами, и они должны были всюду следовать за «адмиралом». Ходи и ходи — вот и вся игра. У мальчика, который сделал себе хорошее ружьё, Борис это ружьё отобрал. Трём «разведчикам» он велел стоять под деревом, и они скучали в бездействии. Одним словом, «адмирал» распоряжался всеми, как хотел. Игра из-за этого становилась скучной. А главное, и в этом сначала никто из ребят не признавался даже себе, всех тревожила мысль о школе. Сначала, пока делали ружья и пушки, об этом думали мало. Но постепенно мысль о школе всё больше овладевала ребятами. Невольно представлялись им тихие коридоры. Там, за высокими дверями, сейчас идут уроки, а их класс пустой... Вспомнилась им недавняя переменка — короткая, но хорошая, когда и около школы было весело.

— Подбери бумажку! — приказывал «адмирал».

— А что Борис Фёдорович подумал? — произнёс кто-то. И все ахнули: как же они могли забыть про Бориса Фёдоровича, про своего любимого учителя?! Как же они могли уйти с его урока?!

На одно мгновение ребята словно увидели всё, что происходило там, в классе, в их отсутствие: как он вошёл, старенький, седой, со своей обычной, спокойной улыбкой, как вдруг остановился, увидев пустой класс, машинально положил классный журнал на стол, окинул взглядом ряды пустых парт... Что он подумал, что пережил там, в пустом классе, не найдя на месте ни одного своего ученика?

С глубоким стыдом, скрывая свои чувства и мысли друг от друга, тащили ребята по золотистому осеннему леску свои пушки и ружья. Казалось, никогда ещё не было у них такой глупой игры... И как они теперь вернутся в школу? Все ребята засмеют их! Только Бориса не мучили тяжёлые мысли; он предлагал войти в школу смело, с песней, «так, чтоб стены дрожали». Он хотел, чтобы «малыши» — так он называл своих одноклассников — не боялись ослушаться учителей и вожатых. Но никто из ребят его не поддержал. Всем было не до песен. А на пороге школы ребят встретили пионервожатая и классная руководительница и завернули всю компанию в пионерскую комнату; только Борис успел незаметно удрать.

Разговор в пионерской комнате был недолгий, но очень неприятный. Ребята вышли красные... Никто из них и не думал оправдываться. Все понимали, что поступили скверно. Ребята старались не глядеть друг на друга. Об «адмирале» все думали с неприязнью, хотя и понимали, что сами виноваты — смалодушничали. Никогда не думали ребята, что привычный вид класса, обыкновенные стены, парты, знакомая доска с кусочком мела могут так сильно взволновать их. Словно домой пришли! Они сразу заметили: кто-то уже снял географическую карту.

И вот, когда ребята рассаживались по своим партам, не торопясь, вошёл в класс Борис.

— Ну что, покаялись? — насмешливо спросил он.

Странное дело, этот вопрос как-то сразу изменил настроение ребят. Горечь раскаяния, радость возвращения — всё, что за минуту до этого так сильно волновало их, показалось вдруг чем-то ненужным, смешным. Они боялись, что Борис теперь уж окончательно будет считать их малышами: сам-то он и не думает «каяться»! И все промолчали.

«Адмирал» прошёл в конец класса, сунул палку под парту и потянулся:

— А хорошо сегодня погуляли!

И снова никто не возразил ему. С тех

пор Борис и стал забирать власть. Ребята не любили его, он был им неприятен. И уж, конечно, ему теперь ни за что не увести бы класс. Но, когда он вдруг, ни с того ни с сего столкнув лбами двух ребят, довольный, отходил в сторону, а у тех от боли слёзы выступали на глазах, никто не решался сказать ему, что гадко, низко так пользоваться своей силой...

— Подбери бумажку! — приказывал он кому-нибудь из ребят, и тот поднимал бумажку, лежащую у ног Бориса.

Это было нелепо. Все понимали, что не обязаны повиноваться. И всё же кто-нибудь наклонялся и поднимал.

Своими грубыми шутками, напускным спокойствием, полным презрением ко всему, что казалось ребятам важным и хорошим, Борис подавлял их, и они не умели сопротивляться ему. Они не понимали, как это нелепо, что они, целый класс, подчиняются одному озорнику.

На совете дружины было решено, что шестой «А» должен попросить прощения у учителя географии Бориса Фёдоровича. Но ребята никак не могли решить, как это сделать лучше. Вот он войдёт, а они скажут... Или нет, они войдут все в учительскую... Или лучше подождать его на лестнице после уроков?..

Сколько они ни совещались, всё казалось недостаточно хорошо. А между тем Борис Фёдорович не приходил в класс, и уроки по географии в шестом «А» стал давать другой учитель. И географический кружок не собирался: Борис Фёдорович не хотел заниматься с шестым «А».

Борис совершенно безучастно относился ко всем этим волнениям класса.

Как-то он даже посмеялся:

— И чего вам этот учитель дался? Не всё ли равно, кто будет географию преподавать!

Тут и произошёл взрыв. Поведение Бориса уже давно раздражало ребят. В них давно поднималось чувство сопротивления; не могли они больше терпеть его насмешек, выносить унижения.

— Ты молчи! — крикнул Стасик Орлов.— Один раз уж послушались тебя...

— Ну и что, плохо было? — язвительно осведомился Борис.

— Плохо? Эх ты, дурак!.. Ничего не понимаешь...

— Что-о? Кто-о дурак?

Борис двинулся на Стасика, но Стасик не сробел. Он выскочил из-за парты.

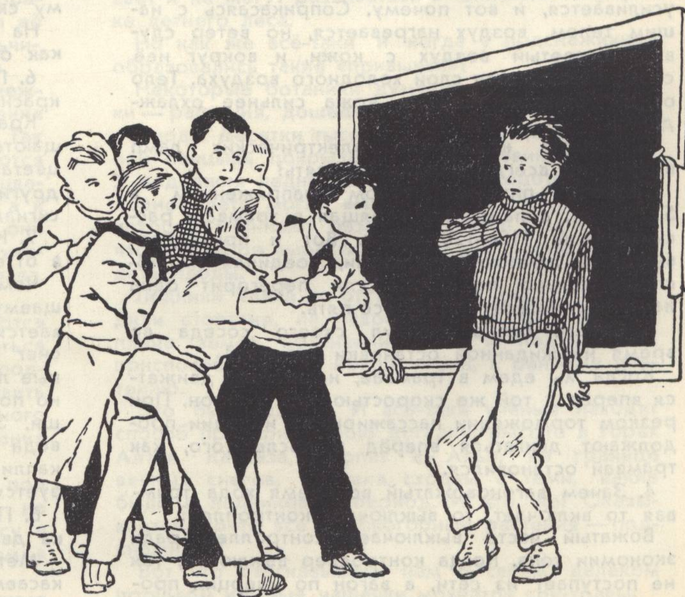
Дело шло к драке. Стасик почти совсем не умел драться. Да и по росту и по силе он уступал Борису. Но он об этом и не подумал. Больше всех он сознавал и чувствовал свою вину. Он-то тогда, перед уроком географии, должен был в первую очередь защищать честь своего пионерского отряда, дать отпор Борису, а он сплоховал, поддался! Нечего было Стасику ответить, когда в пионерской комнате вожатая спросила его в упор:

— Ну, а вот ты, ты, председатель... Скажи, почему вы сорвали урок?

Эх, как было горько! Стасик всю жизнь мечтал стать героем. Когда он читал о подвигах, он чувствовал, будто это всё происходит с ним самим. Он бывал и лётчиком, и моряком, и солдатом, и никогда-никогда он ни перед кем не отступал! А вот когда в действительности потребовалось устоять, проявить характер, он не сумел и отступил, смалодушничал. Нет, видно, не был ещё он таким человеком, каким мечтал быть! И ребята, видно, ошиблись в нём!.. Много пережил Стасик в эти дни, многое передумал.

— А ну, ты... повтори, что сказал,— подступал к Стасику Борис.

— Повторить? И повторю! — с вызовом ответил Стасик.— Из-за тебя мы урок сорвали. Нашли себе «адмирала» — лодыря, второгодника!.. Класс опозорили!

Такого отпора Борис ещё никогда не встречал.

— Ах вот как! — Борис схватил Стасика за плечо. Но тут чуть ли не весь класс кинулся к ним:

— Брось! Не смей!

Такого отпора Борис ещё никогда не встречал. Он старался не показать своего смущения, отругивался, но на самом деле не знал, что ему делать. Не драться же со всем классом! Из этого неловкого положения его вывел приход учителя. И, может быть, первый раз в жизни Борис искренне обрадовался этому приходу.

А класс как будто пережил грозу, как будто сразу очистилось небо, исчезло давящее и тяжёлое чувство унижения.

Само собой вышло, что, воспрянув духом, ребята в этот же день пошли к Борису Фёдоровичу. Но разговор с учителем вышел неудачным. Ребята не успели сказать всего, что хотели: Борис Фёдорович торопился на урок.

— А что ваш «адмирал»,— спросил он на ходу,— командует?

— Он уже не «адмирал»,— ответил кто-то из ребят.

— Понижен в должности? Так, так... Да-с, теперь с двойками даже в юнги не берут.— Учитель приостановился и открыл дверь.— На уроке у вас я буду,— сказал он и ушёл.

Так сухо сказал...

А впрочем, чего же можно было ждать? Не всё проходит бесследно, не всё тотчас забывается. И, наверно, старому учителю трудно было забыть пустой класс и сорванный урок.

Но всё-таки он сказал: «Приду». Жизнь как будто налаживалась.

ПОМОГИТЕ РАЗОБРАТЬСЯ

Ответ на рассказ-загадку, помещённый в журнале „Пионер“ № 3

Мы надеемся, ребята, что вы сами смогли разрешить все недоумения Вовки и Игорька. Проверьте себя, верно ли объяснили вы загадки, которые им не удалось разгадать.

1. Прав ли был Игорёк, утверждая, что при одной и той же температуре воздуха в ветреный день холоднее, чем в тихий день?

В ветреную погоду ощущение холода всегда усиливается, и вот почему. Соприкасаясь с нашим телом, воздух нагревается, но ветер сдувает нагретый воздух с кожи, и вокруг неё снова оказывается слой холодного воздуха. Тело отдаёт больше тепла, и кожа сильнее охлаждается.

2. Почему количество электрических ламп в трамвае всегда делится на пять?

Трамвай питается током напряжением в 500 вольт, а лампочка, горящая в трамвае, рассчитана на 110—120 вольт. Вот и приходится включать лампочки группами, соединяя их последовательно по пяти. Если перегорит одна лампочка, погаснут сразу все пять.

3. Отчего Вовка толкнул своего соседа во время неожиданной остановки трамвая?

Когда мы едем в трамвае, наше тело движется вперёд с той же скоростью, что и вагон. При резком торможении пассажиры по инерции продолжают двигаться вперёд и после того, как трамвай остановился.

4. Зачем вагоновожатый во время хода трамвая то включает, то выключает контроллер?

Вожатый часто выключает контроллер ради экономии тока. Когда контроллер выключен, ток не поступает из сети, а вагон по инерции продолжает идти вперёд.

5. Почему для электропоезда нужен один провод, для троллейбуса два провода, а в метро их совсем не видно?

Для питания электродвигателя током необходимы два провода. Мы и видим их на линии троллейбуса. Для электропоезда и трамвая вторым (обратным) проводом служат рельсы. Ту же роль они играют и на линии метро. Поезд метро «питается» от третьего рельса, по которому скользит скоба, соединённая с вагоном.

На станциях мы не видим этого рельса, так как он скрыт под краем платформы.

6. Почему, чтобы остановить поезд, подают красный, а не какой-нибудь другой сигнал?

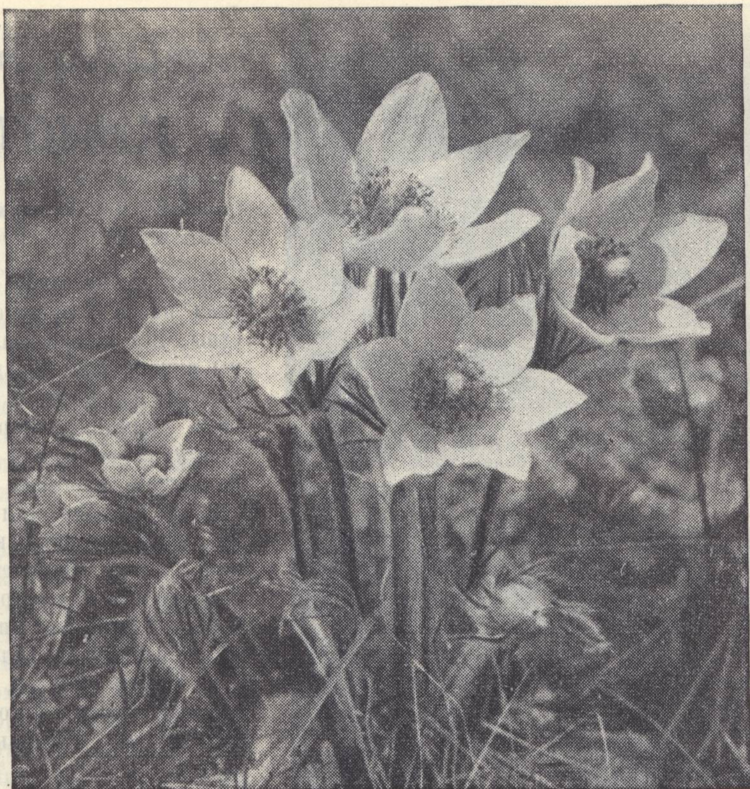
Красные лучи, проходя через воздух, поглощаются в меньшей степени, чем лучи другого цвета. Поэтому красный свет виден дальше, чем другие цвета. Чем раньше заметит машинист сигнал, тем скорее он затормозит поезд.

7. Когда образуются сосульки: в мороз или в оттепель?

Чем круче падают солнечные лучи на освещаемую поверхность, тем сильнее она нагревается. Ранней весной, даже в морозную погоду, снег на наклонной крыше, на которую солнечные лучи падают почти перпендикулярно, нередко подтаивает. Капли воды стекают к краю крыши. Здесь температура ниже нуля, и поэтому вода замерзает. Стекают на край крыши новые капли и тоже замерзают. Так постепенно образуется сосулька.

8. Почему Вовку «укусила» металлическая ручка двери?

Металл хорошо проводит тепло. Когда мы прикасаемся на морозе к металлическому предмету, он быстро поглощает тепло, и мы ощущаем сильное охлаждение, а иногда даже боль.

ЗАГАДКИ ПОДСНЕЖНИКОВ

Знаете ли вы этот цветок? Это сон-трава. Весной по лесным опушкам и по проталинкам на обращённых к югу склонах холмов раскрываются её бледнолиловые или желтовато-белые колокольчики с золотым сердечком тычинок и пестиков.

Сон-трава — один из самых красивых подснежников. Не думайте, что подснежники — растения одного какого-нибудь семейства или вида. Так называются те растения, которые пробиваются из земли и начинают рост, развитие листьев, цветочной стрелки и бутонов ещё под снегом, а к тому времени, когда снег начнёт сходить, они уже готовы к цветению. Среди них есть и луковичные (гусиный лук), и лютиковые (сон-трава, ветреница), и первоцветные (баранчики).

Загадка подснежников, которые пробуждаются от зимнего покоя и рано начинают «готовиться к весне», давно привлекала учёных. Почему подснежники так торопятся расцвести и развить семена весной, как будто нет впереди длинного и ласкового лета — поры цветения и созревания для многих тысяч других растений?

Весенние лучи солнца свободно проникают под прозрачный полог древесных ветвей, ещё не одевших свой зелёный наряд, и света в лесу в это время только наполовину меньше, чем в открытом поле.

Летом же густая листва деревьев пропускает всего одну двадцатую, а иногда и одну тридцатую часть солнечного света. Подснежники любят свет и не могут развиваться в тенистом полумраке летнего леса.

Но как же всё-таки и когда у подснежников образовались такие «привычки»?

Некоторые ботаники думают, что подснежники — растения, дошедшие до нас от ледникового периода. Десятки тысяч лет назад тяжёлый ледяной панцырь покрывал почти половину Европы. У подножия ледников за скупое, короткое и холодное лето могли выжить только те растения, которые начинают развиваться ещё под снегом, чтобы быстро вырасти, быстро расцвести, быстро дать плоды.

Ледники таяли и отступали на север. Проходили столетия, на освобожденной от ледяного плена земле возникали леса, и подснежники приспособлялись к новой жизни, к раннему цветению.

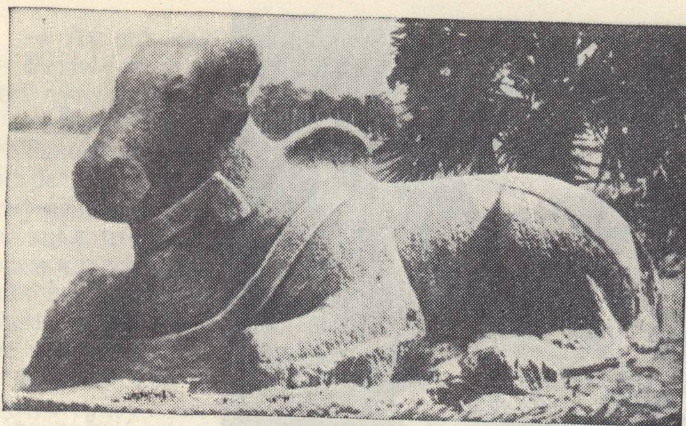
Это было давно. И всё-таки учёные находят способ проверить свою догадку. Высоко в горах Алтая, Кавказа, Карпат и Альп, на границе вечных снегов, условия сходны с теми, какие были в ледниковый период. И что же? Оказывается, почти все высокогорные растения — подснежники.

Вот что рассказывают нам о своём далёком прошлом нежные чашечки мохнатой сон-травы.

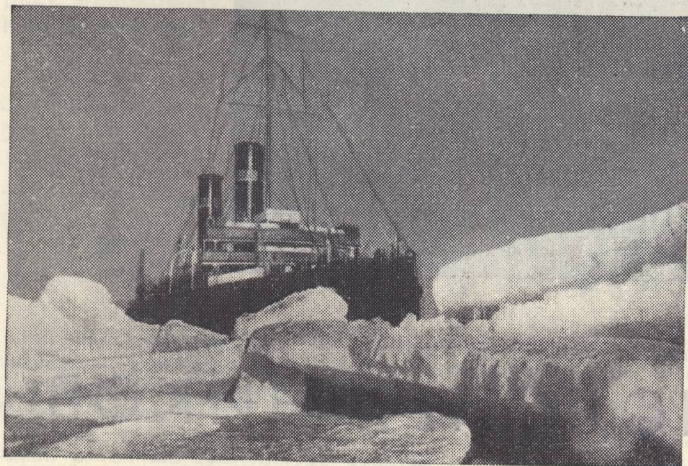
Е. Владимирова

ПИОНЕРСКИЙ КИНОТЕАТР

Г. Юрмин

Кадр из диафильма «Культура древней Индии». Священный бык. Этому замечательному памятнику более трёх тысяч лет.

Великим Северным морским путём идёт ледокол «Ермак». Кадр из диафильма «Русские исследователи Арктики».

Диафильм «Птицы». Страус африканский—самая крупная птица.

Этот «кинотеатр» находится в детском парке Дзержинского района Москвы. Его организовали пионеры, члены кинокружка. Каждый день в «Пионерском кинотеатре» собираются зрители. «Администраторы» в пионерских галстуках встречают их, рассаживают по местам, заботясь, чтобы самые маленькие зрители сели поближе к экрану. «Киномеханик» включает фильмоскоп... Сеанс начинается!

В своем «кинотеатре» пионеры показывают «неходячее кино» — так малыши называют диафильмы. И это хотя и не совсем обычное, но довольно верное определение, потому что диафильм состоит из отдельных неподвижных кадров.

Сначала в «Пионерском кинотеатре» шли только «немые» фильмы. И это было очень неудобно, особенно для маленьких ребят, которые плохо читают. Тогда кружковцы решили «озвучить» фильмы, которые они показывают.

Ребята составили текст к фильмам, распределили роли и стали их читать вслух. Так диафильмы в «Пионерском кинотеатре» стали «звуковыми». «Озвучиваются» они прямо во время сеанса.

«Звукооператоры» сидят в первом ряду. Они хорошо знают текст, читают его громко, выразительно. Если нужно, они заводят патефон, и в зале звучит музыка, весёлая или грустная, в зависимости от того, что происходит на экране.

А диафильмы бывают самые разные. Они рассказывают ребятам о жизни замечательных людей нашей Родины, об учёных, путешественниках, художниках.

Не выходя из зрительного зала, можно совершить увлекательное путешествие по тропическому лесу, побывать во льдах Арктики или в пустыне Кара-Кумы, перенестись на много столетий назад в древний Китай или Индию.

Для самых маленьких зрителей пионеры устраивают сеансы сказок. Особенно полюбилась малышам китайская сказка про братьев Лю.

Однажды летом в «Пионерский кинотеатр» в гости к пионерам приехали работники фабрики «Диафильм». Гости показали ребятам новые диафильмы и рассказали, как они создаются.

Ребята узнали, что кадры диафильма не обязательно надо рисовать — их можно составить из уже готовых рисунков и фотографий. Вот тут-то и пришла им в голову хорошая мысль: сделать диафильм своими силами.

Многие кружковцы учатся в шестом классе и очень любят древнюю историю. Вот почему тему для своего диафильма они выбрали историческую — восстание Спартака.

Ребята часами сидели в библиотеках, читали книги по истории древнего Рима, о восстании Спартака, просматривали альбомы и журналы. Ведь надо было подобрать много интересных рисунков, которые расскажут зрителям о восстании рабов в древнем Риме.

Когда рисунки были отобраны, ребятам из фотокружка поручили переснять их.

В это же время юные художники рисовали красивые заголовки, заставки, чертили карты и схемы. Ребята из литературного кружка готовили текст, который будет сопровождать фильм.

Наконец наступил последний этап работы. Все заголовки, рисунки, фотографии надо было перенести на плёнку. И вот тут работа приостановилась. Ребята не знали, как это делается. Пришлось им обратиться за советом и помощью к друзьям на фабрику «Диафильм».

Скоро диафильм о Спартаке будет готов. И ребята мечтают сделать ещё один фильм, теперь уже без всякой посторонней помощи. Это будет смешной, весёлый фильм.

Ребята занимаются своим любимым делом не только в своем «кинотеатре». Когда Надя Лоскуткова уезжала летом в подмосковную деревню Терехово, она взяла с собой фильмоскоп и диафильмы.

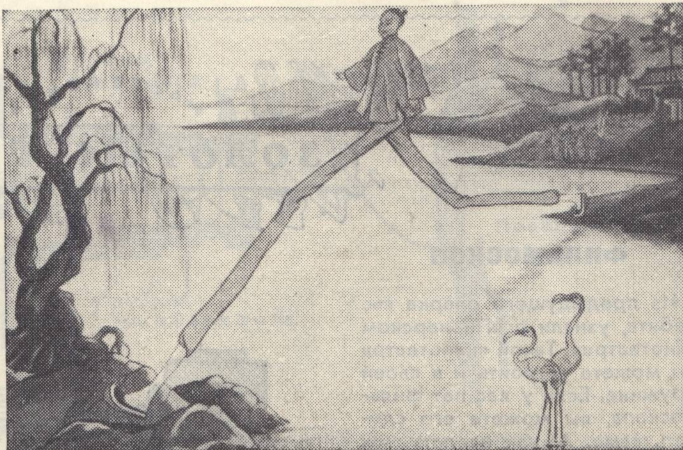
Из дома в дом кочевала эта «диапередвижка». Картины всем очень нравились, и в Терехово на сеансы диафильмов собирались ребята из соседних

Ключевская сопка. Кадр из географического диафильма «Дальний Восток».

На арене цирка для потехи господ идёт бой рабов-гладиаторов. Диафильм «Рим — республика».

Это один из пяти бесстрашных и дружных братьев — героев китайской народной сказки «Братья Лю».

деревень. А когда осенью Надя уезжала домой, она оставила в подарок деревенским ребятам свой фильмоскоп и ленты к нему.

Нелли Котяновская у себя дома организовала диатеатр «Октябрёнок». Большинство зрителей — малыши. После каждого сеанса Нелли даёт им задание: рассказать обо всём виденном маме, папе, бабушке или же нарисовать на эту тему картинку.

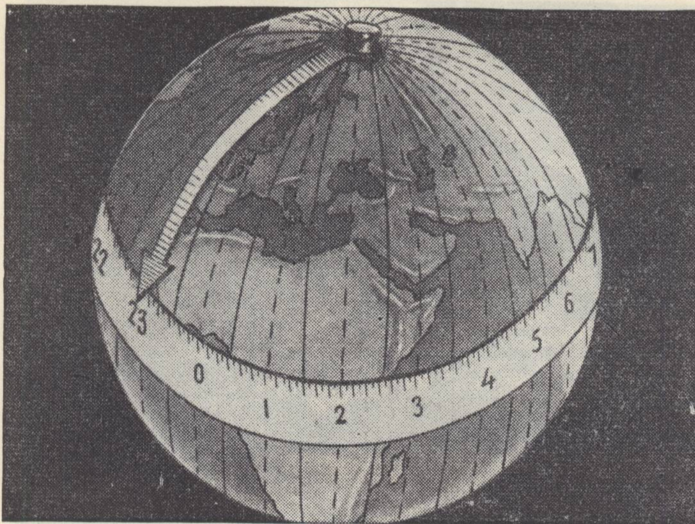
Зимой, когда парк закрыт, работа кинокружка не прекращается. «Пионерский кинотеатр» на зиму переезжает в 607-ю мужскую школу. Кружковцы с помощью учителей подбирают к урокам истории, географии, к пионерским сборам нужные по теме диафильмы и показывают их у себя в классе. Уроки становятся интереснее, нагляднее.

Сейчас в школе горячая пора: идёт подготовка к экзаменам. И тут диафильмы тоже очень помогают школьникам.

Группы ребят из разных классов то и дело прибегают в кинокружок и просят показать для их класса фильмы о тундре, о новых городах на Дальнем Востоке, о стройках на Волге, о животном мире Южной Африки, о культуре древней Греции, о происхождении человека...

Посмотрят ребята эти фильмы, и сразу им вспомнится и рассказ учителя и то, что когда-то прочитали они об этом в учебнике.

Вот каким интересным и полезным делом занимаются ребята!

В диафильме «Астрономия на службе народного хозяйства» рассказывается о том, как определяется точное время.

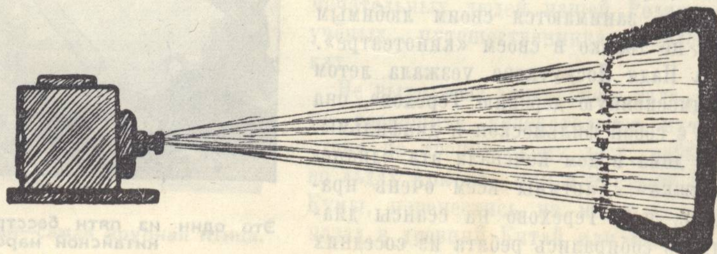

Былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

ФИЛЬМОСКОП

Из предыдущего очерка вы, ребята, узнали о «Пионерском кинотеатре». Такой «кинотеатр» вы можете устроить и в своей дружине. Если у вас нет фильмоскопа, вы можете его сделать сами. А как сделать, мы сейчас расскажем.

Для изготовления проекционного фонаря можно ис-

пользовать детский фильмоскоп для рассматривания диафильмов одним глазом, который стоит совсем недорого. У него есть объектив, приспособление для передвижения плёнки и удобный корпус.

Источником света может быть самодельный фонарь с электрической лампой. Как его прикрепить к фильмоскопу, показано на рисунках.

Для фонаря нужно сделать из фанеры ящик. Высота его — 20 см, ширина и длина — 16 см. Задняя стенка короче передней на 3 см и подвешена на полоске ткани, приклеенной к верху фонаря. На крышке фонаря нужно сделать отверстие 5×5 см для вентиляции и закрыть его сверху картонной полоской, согнутой в виде буквы «П».

Для установки электролампы купите потолочный патрон и зарядите его по всем правилам отрезком электрического шнура длиной в 1,5 или 2 метра. На другом конце шнура должна быть штепсельная вилка.

Вверните электролампу в патрон, проверьте, горит ли она. Если всё в порядке, выключите лампу и вставьте её в фонарь. Теперь на передней стенке фонаря отметьте уровень нити лампы и острым ножом прорежьте квадратное отверстие 3,5×3,5 см. Центр отверстия должен совпадать с высотой нити лампы.

Теперь можно прикрепить фильмоскоп к фонарю. Матовое стекло фильмоскопа лучше убрать: оно поглощает много света. С помощью шурупов или проволоки укрепите фильмоскоп на передней стенке фонаря. Следите за тем, чтобы центры отверстий фильмоскопа и фонаря совпадали. С внутренней стороны фонаря у отверстия приклейте тремя полосками бумаги очковую линзу +12 диоптрий (фокусное расстояние — 8,5 см). Эта линза будет собирать свет от лампы и направлять его на плёнку. Можно обойтись и без линзы, но тогда лампу надо сделать матовой. Потрите поверхность электрической лампы наждачной бумагой, двигая бумагу в разных направлениях, и стеклянная колба сделается матовой.

Нам осталось ещё немного удлинить оправу объектива, потому что оправа детского фильмоскопа недостаточно длинна. Это нетрудно сделать с помощью бумажных полосок и канцелярского клея.

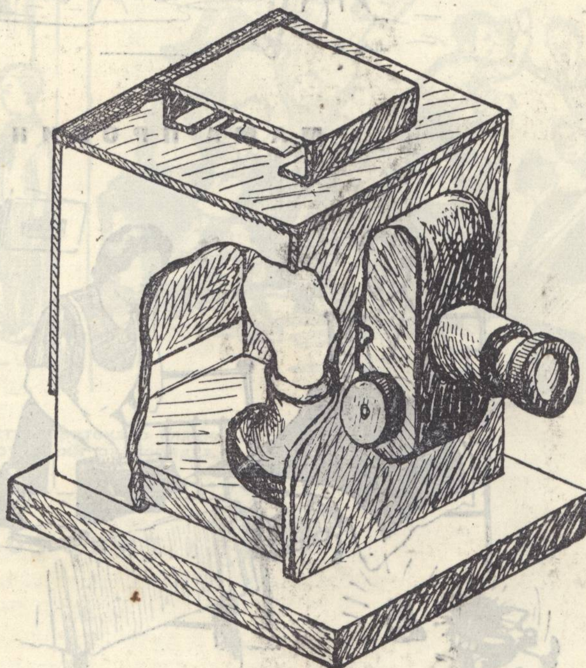
Вырежьте длинную полоску бумаги шириной в 5 см. Смажьте одну её сторону клеем и наверните плотно на тубус фильмоскопа, куда вставляется объектив. Тубус будет длиннее, но объектив в бумажной трубке теперь не удержится: он меньше по диаметру.

Наклейте на оправу объектива бумажную полоску шириной в 2 см.

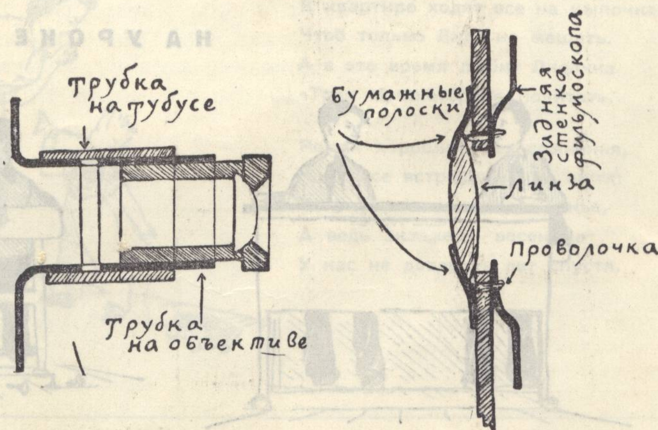
Подберите толщину кольца так, чтобы объектив с лёгким трением входил в бумажную трубку тубуса.

Фильмоскоп готов! Окрасьте его масляной краской и открывайте свой пионерский театр диафильмов.

Н. Митрофанов

Так прикрепляется фильмоскоп к фонарю.

Устройство объектива и добавочной линзы на передней стенке фонаря.

МАМА ПРОВИНИЛАСЬ...

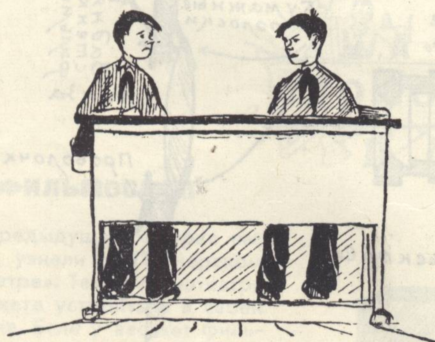

Мама, что всё это значит?
Не пройдёт спокойно дня!
Вот опять не те задачи
Ты решила за меня.

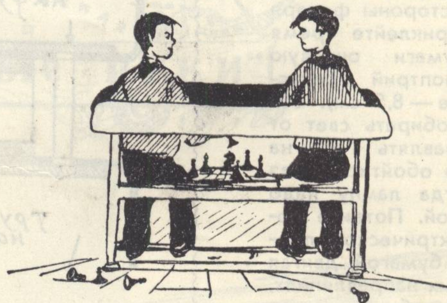
Кляксу мне на той неделе
Ты поставила в тетрадь.
Ведь нельзя же, в самом деле,
Так заданья выполнять!

Стоит только отвернуться —
Провинишься ты тотчас!..
Дай мне слово подтянуться,
Я прошу... в последний раз!

НА УРОКЕ

Зарисованы с натуры
Две прилежные фигуры,

Но, как видите, фигуры —
Очень хитрые натуры.

„ОБРАЗЦОВЫЕ" ДЕЖУРНЫЕ

Дежурство протекало гладко...
Без нарушений распорядка...

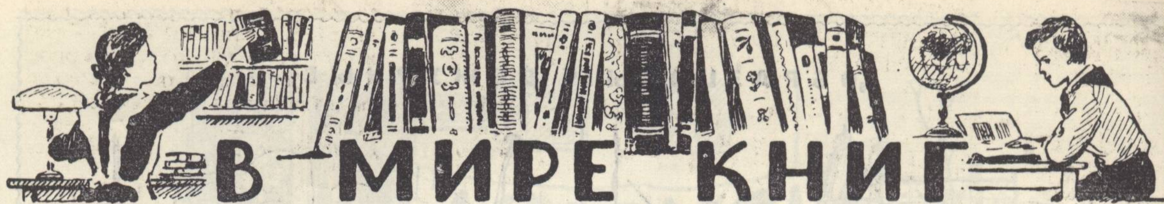
ЛИДА „ГОТОВИТ УРОКИ"

В квартире ходят все на цыпочках,
Чтоб только Лиде не мешать.
А в это время любит Лидочка
«Трёх мушкетёров» почитать.

Роман хороший, без сомненья,
Но класс встревожен не шутя:
Есть у романа продолженье,
А ведь экзамены весенние
У нас не двадцать лет спустя.

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали московские школьники Джангир Агаев, Вика Битюкова, Володя Недогонов, Володя Семёнов.

ЛЮБИМЫЙ ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

В. В. Бианки со своим внуком.

Многочисленные читатели, писатели, художники, друзья недавно поздравляли в Ленинграде Виталия Валентиновича Бианки с днём его шестидесятилетия и с тридцатилетием писательской работы.

Во многих миллионах экземпляров расходятся книги В. В. Бианки по бесчисленным детским библиотекам Советского Союза, раскупаются читателями в книжных магазинах, переводятся на языки дружественных нам народов. Кто не читал «Лесную газету», не задумывался над книгами и рассказами, в которых так занимательно раскрываются чудеса окружающего нас прекрасного царства природы, живого, разнообразного мира птиц и зверей?

Основное достоинство рассказов В. В. Бианки — их точная, почти научная, правдивость и занимательная сказочная выдумка, которая, не нарушая правды, заставляет задуматься над многими явлениями в природе, учит видеть и наблюдать.

По признанию самого писателя, вниманию к живой природе его учил ещё в детстве родной отец — учёный-зоолог, знаток жизни птиц. Отец оставил своему сыну большое, богатое наследство: он научил его любить живую природу, бережно относиться к её богатствам, хозяином которых должен быть разумный человек.

Это отцовское наследство стало основой писательского труда В. В. Бианки; к полученному наследству он прибавил остроту выдумки, внимание к слову. Личные наблюдения в природе, верность выбранному пути помогли В. В. Бианки стать любимым детским писателем.

В рассказах В. В. Бианки нет равнодушного, бесстрастного любования красотами природы. Он учит детей быть хозяевами природы, бестрепетно вникать в её тайны, разгадывать и раскрывать ещё не разгаданные загадки. Он учит любить окружающий нас живой мир, быть мужественными, смелыми путешественниками, охотниками, исследователями, верными друзьями природы.

Любовь к природе, общая охотничья страсть некогда сблизили нас, двух писателей, — городского и деревенского. В лесных, почти не тронутых охотничьих угодьях Новгородчины, на берегах тихой реки Увери и глухих Чуховских озёрок, не одно лето бродили мы с ружьями в руках, сиживали у потрескивавших охотничьих костров, вели задушевные разговоры. И в этих задушевных охотничьих разговорах В. В. Бианки оставался неизменным, верным другом любимой нами природы.

Совместные скитания по новгородским глухим лесам оставили много приятных воспоминаний. Не раз мы встречали и провожали в лесу солнце, отдыхали на берегу тихой реки. Нас связывали охотничьи вкусы, общий писательский путь...

Трудный путь этот у каждого большого писателя неотделим от его личного жизненного пути. Виталий Валентинович Бианки — хороший, верный товарищ. Слово и дело у него никогда не расходятся.

На писательском и жизненном пути пожелаем Виталию Валентиновичу, честному, умелому писателю, благополучия, здоровья, успехов!

И. Соколов-Микитов

Первая книга

Я знаю, есть ребята, которые, приходя в библиотеку, просят:

— Дайте мне книгу обязательно с приключениями!

А дашь им книгу без приключений, они возьмут неохотно, недоверчиво да ещё махнут рукой:

— Ну, это, наверно, неинтересная!

Мне хочется сказать таким читателям: вы неправы, ребята! Конечно, спору нет, интересно читать о том, как кто-то кого-то догоняет, кому-то грозит опасность, кто-то спасся от верной гибели. Но сколько на свете хороших книг, в которых ничего особенного и не происходит, а читаешь их с не меньшим интересом, чем приключенческие книги, а иной раз и с бо́льшим интересом! Ведь под пером талантливого писателя самое простое, незаметное событие становится интересным.

Возьмём, например, такой мелкий случай. Школьник давно не стригся, оброс. Ему обязательно надо постричься, иначе его в школу не пустят.

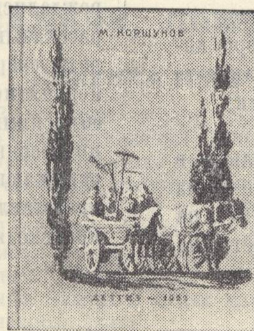
Кажется, тут и писать-то не о чем. Но вот писатель Михаил Коршунов написал рассказ «Коськина причёска». Рассказ начинается с того, что Костя, которому надо постричься, его старший брат, Вася, и соседский мальчик Никита опоздали в парикмахерскую. Как быть? Никита предложил:

— Давайте сами его пострижём!

Сказано — сделано. Дома устроили парикмахерскую: поставили зеркало, собрали все гребешки и ножницы. Вася усадил Костю на стул, повязал полотенцем, вооружился ножницами и взялся за работу. То спереди выхватит клок, то сзади...

Конечно, костина голова была обезображена, а пышный чуб превратился, как говорит писатель, в «кочерыжку».

Читаешь этот рассказ и смеёшься над незадачливым парикмахером. Но не только смеёшься! Прочитав рассказ, ты невольно подумаешь о том, что не следует браться за дело, которого не знаешь.

Рассказ «Коськина причёска» помещён в сборнике «Ясные криницы» молодого писателя М. Коршунова. В сборнике вы найдёте ещё немало интересных рассказов. Вот, например, рассказ «Чудище водяное», про Андрейку Пузика. Андрейке очень хотелось стать членом «артели рыболовов»... Но ребята его не принимали, он был слишком мал и числился «кандидатом». Однажды Андрейка обнаружил в речке огромную рыбину и решил её поймать. Рано утром он отправился на речку. Вот как об этом написано:

«Андрейка натянул свою кепочку и вышел из дому. Перевернул стул вверх ножками и, положив сверху завтрак, садок, банку с червями и удочки, приставил его к голове и, придерживая за спинку, отправился к Быстрянке.

В деревне было тихо: все спали. Только иногда в какой-нибудь конуре протяжно зевал пёс, а потом начинал чесаться, стукая лапой по стенке конуры.

Проходил Андрейка, пёс с недоумением высовывался из своей будки — кого это несёт в этакую рань? — и долго глядел вслед непонятному стулу, который передвигался на двух босых мальчишеских ногах».

Как не улыбнуться, читая о том, как стул шёл на мальчишеских ногах!

И, читая этот смешной рассказ, мы понимаем, что он написан не только ради смеха. В нём скрыта большая мысль: если будешь добиваться чего-нибудь настойчиво, упорно, не отступая, обязательно добьёшься, как добился Андрейка, которого ребята приняли в свою «артель».

С удовольствием прочтёте вы и другие рассказы из сборника «Ясные криницы»: и рассказ «Наша улица» — о том, как кирин папа по дороге в театр помог наладить вышедший из

строя экскаватор; и рассказ про смелого Серёжу — сына путевого обходчика; и смешной рассказ про собаку «Пёс Малыш»; и рассказ о поездке ребят в колхоз «Ясные криницы».

М. Коршунов пишет просто, ясно, весело. У него зоркий, внимательный глаз. Видно, что он любит своих героев и любит своих маленьких читателей, для которых пишет. Я убеждён, что и читатели его полюбят. Писатель он ещё молодой, сборник «Ясные криницы» — его первая книга. Можно надеяться, что он напишет ещё много интересных, хороших и весёлых книжек для ребят.

Я. Тайц

Рассказы о необычайных явлениях

У поэта Владимира Маяковского есть стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Поэт рассказывает, как однажды под вечер на даче в Пушкине к нему в гости пришло... солнце.

Понятно, Маяковский всё это придумал. Такого необычайного происшествия в Пушкине на самом деле не было. Просто поэту хотелось поговорить об очень серьёзных вещах под видом лёгкой шутки.

Но был другой случай.

25 мая 1934 года к одной из жительниц Метростроевской улицы Москвы пришла в гости... молния. Она влетела через открытую печку, полетала по комнате, оставляя за собой искрящийся след, и с треском разорвалась, не причинив никому вреда.

Правда, эта молния была не похожа на ту, какую вы привыкли видеть на небе во время грозы. Молния была круглая, величиной с большой орех. Но всё же это была самая настоящая молния. Такие молнии называются шаровыми.

Однажды шаровую молнию размером с апельсин наблюдали в Париже. Но там она некоторое время каталась по полу, скользя вокруг смертельно испуганного хозяина комнаты, а затем прорвала бумагу, которой было заклеено отверстие дымохода, ушла туда и разорвалась со страшным грохотом на крыше, разнеся трубу на мелкие кусочки...

В природе происходит много явлений, которые на первый взгляд кажутся необъяснимыми.

Вдруг на концах мачт плывущего по морю корабля ни с того, ни с сего вспыхивают какие-то яркие огоньки. Суеверные рыбаки говорили:

— Вот зажёг свои огни святой Эльм!

Но такие огоньки появляются не только в море. Они загораются иногда и на суше — на шпилях высоких зданий, на громоотводах, на крестах церквей и могут даже заблестеть на остром штыке часового.

Разве это не похоже на чудо?

Бывают и другие непонятные явления. Огни вспыхивают в тумане над болотами и тихо колышутся в воздухе, давая повод к появлению легенд о таинственных светящихся призраках, блуждающих в темноте.

А сколько на первый взгляд чудесного встречают в своих странствованиях путешественники!

В безводной пустыне перед ними вырастают призрачные города, белые стройные башни, тенистые сады, отражающиеся в зеркалах озёр. Но стоит каравану приблизиться, как видение исчезает.

На вершинах гор перед путниками появляются на фоне неба движущиеся фигуры великанов, окружённые светящимся ореолом.

Во льдах Арктики зимовщики с восхищением любуются северным сиянием — полыхающими в небе яркими лентами и гирляндами всех цветов, неизвестно почему возникающими и так же бесследно исчезающими.

А разве обычная радуга, этот великолепный многоцветный мост, перекинутый от горизонта к горизонту через весь небосклон, не кажется многим необъяснимым чудом? Разве не приводили ещё не так давно в ужас невежественных людей тройные солнца, светящиеся столбы или кресты, искрящиеся порой в небе в очень морозный день?

Обо всех этих необычайных атмосферных явлениях и о многих других увлекательно рассказано в книжке В. Мезенцева «Воздушные призраки», выпущенной Государственным издательством детской литературы.

Автор приводит сначала легенды, которые порождались в старину этими явлениями, а затем рассказывает о том, как объясняет загадки природы современная наука. И тогда таинственное и непонятное оказывается очень простым и вполне объяснимым, но не становится от этого менее интересным. Потому что чем больше узнаём мы окружающий нас мир, тем более удивительным представляется нам неисчерпаемое разнообразие происходящих в нём явлений.

А. Дорохов

В ЧАСЫ ДОСУГА

КАК НАПИСАТЬ

Не отрывая карандаш от бумаги и нигде не возвращаясь на проведённую линию,

ПИОНЕР

напишите название нашего журнала примерно так, как показано на рисунке.

Точная копия рисунка у вас, правда, не получится, потому что по условию вам нельзя пересекать одну линию другой. Однако при правильном решении задачи сделанная вами надпись издали будет выглядеть так, как на рисунке.

С. Бессонов

КАКИЕ ЭТО РЕКИ?

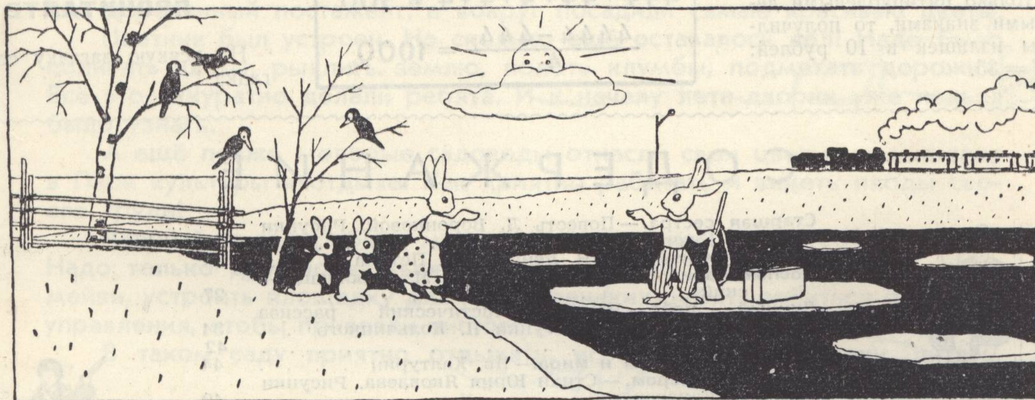
В названиях двух птиц можно прочитать название одной из самых важных судоходных рек и одного из крупнейших её притоков. Знаете ли вы эти реки и этих птиц?

Назовите четыре большие реки, которые образуются от слияния двух рек.

Достаточно прибавить одну букву к названию притока реки Иртыш, чтобы получить название притока реки Обь.

Есть ещё две реки, названия которых отличаются одной буквой. Одна из этих рек впадает в Татарский пролив, другая — в Каспийское море. Какие это реки?

ЗАПОМНИ И НАРИСУЙ

Глядя на эту картинку, вероятно, каждый из вас сумеет перерисовать её в точности.

А вы сделайте так. Приготовьте бумагу и карандаш. В течение одной минуты внимательно рассматривайте картинку. Постарайтесь запомнить её во всех подробностях.

После этого закройте журнал и, уже не заглядывая в него, попробуйте нарисовать картинку по памяти. Не спешите, тут вы можете не ограничивать себя временем. Когда кончите рисовать, сравните свою картинку и напечатанную в журнале.

Если по очертаниям какой-либо предмет будет скопирован не совсем точно, не считайте это ошибкой. Важно нарисовать те предметы, которые вы видели на картинке, верно передать их расположение и не пропустить ни одного.

Таким рисованием по памяти интересно заняться звеном. Сразу будет видно, кто из вас внимательней, у кого лучше зрительная память.

И. Чкаников

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЁННЫЕ В № 3

ЯКОРЬ

Пропустите петлю через отверстие в якоре, потом через отверстие «Б» и проденьте в неё пуговицу. Вытянув петлю обратно, снова пропустите её сквозь отверстие в якоре и сквозь отверстие «В», потом проденьте в неё вторую пуговицу.

Если теперь вытянуть петлю обратно, якорь освободится.

ПОКУПКА КНИГ

В условии задачи сказано, что десятирублёвых денежных знаков у мальчика не было. Десятью более мелкими денежными знаками (1, 3 и 5 рублей) 100 рублей заплатить невозможно. Очевидно, чтобы составилась сумма, уплаченная за книги, нужны и более крупные денежные знаки.

Предположим, что среди них есть один стоимостью в 50 рублей, а двадцатипятирублёвых нет. Тогда задача не решима: оставшуюся сумму (50 рублей) нельзя заплатить девятью денежными знаками достоинством в 1, 3 и 5 рублей.

Если бы у мальчика оказалось по одному денежному знаку стоимостью в 50 и в 25 рублей, то и в этом случае он не мог бы рассчитаться: недостающую сумму (25 рублей) невоз-

можно составить из восьми более мелких денежных знаков.

Путём таких рассуждений мы приходим к выводу, что у мальчика не было денежного знака стоимостью в 50 рублей.

При наличии одного или двух денежных знаков по 25 рублей тоже нельзя расплатиться за книги, так как не дополнишь сумму другими денежными знаками: $25 + 5 \times 9 = 70$; $25 \times 2 + 5 \times 8 = 90$.

Следовательно, необходимы 3 денежных знака по 25 рублей; они и составят одну из трёх групп, о которых говорится в условии задачи. Недостающую сумму (25 рублей) надо уплатить семью денежными знаками, которые по достоинству можно было бы разделить на две группы. Если бы, нарушая это условие, мальчик захотел обойтись только пятирублёвыми денежными знаками, то получился бы излишек в 10 рублей: $5 \times 7 = 35$.

Эта разница уменьшается каждый раз на 2 рубля при замене пятирублёвого денежного знака трёхрублёвым. Значит, такую замену надо сделать 5 раз.

Итак, мальчик уплатил за книги следующими денежными знаками: 3 по 25 рублей, 2 по 5 рублей и 5 по 3 рубля.

КАКИЕ ГОРОДА

Фастов, Ростов, Чистополь, Владивосток, Севастополь, Ростов-на-Дону.

ВОСЕМЬ ЧЕТВЕРОК

$$4 \times 4 \times \left(4 + 4 - \frac{4+4}{4}\right) + 4 = 100$$

$$444 + 44 + 4 + 4 + 4 = 500$$

$$\frac{4444 - 444}{4} = 1000$$

ГОЛОВОЛОМКА

9	4		
12	5		
6	11	9	14
9	10	8	3

СОСТАВЬТЕ СЛОВА

ТОРФ

ОСЕЛ

РЕПА

ФЛАГ

ПРОЧИТАЙТЕ

На всякую загадку есть отгадка.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
картина Ив. Бруни
«По последнему льду».

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор **А. Ефимова.** Рукописи не возвращаются.

А 00770. Подписано к печати 1/IV 1954 года. Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 260. Зак. 702.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЦВЕТЫ ВО ДВОРЕ

Выставка цветов в московском Центральном парке культуры и отдыха. Экскурсовод подводит посетителей к одному из стендов и говорит:

«Эти цветы выращены ребятами из дома № 13/4 по Гагаринскому переулку. Вырастили они их у себя во дворе».

Двор при доме № 13/4 — самый обычный, небольшой московский двор. Но ребята взялись за работу дружно. Мальчики постарше вскапывали землю, разделывали клумбы; младшие дети вбивали колышки, рассаживали цветы.

Работами руководили взрослые: пенсионеры Иван Тихонович Кочетков и Алексей Осипович Безруков. А мама одной из девочек, Тани Трининой, достала большой бюст Ленина. Его поставили на высокий деревянный постамент, а вокруг посадили самые красивые цветы.

Цветник был устроен. Но сколько ещё оставалось дел! Надо было поливать цветы, рыхлить землю, полоть клумбы, подметать дорожки. Всё это аккуратно делали ребята. И к началу лета дворик уже нельзя было узнать.

А ещё позже молодые садоводы отнесли свои цветы на выставку в Парк культуры и отдыха. Как приятно работать и видеть плоды своего труда!

Каждый из вас, ребята, может устроить такой сад у себя во дворе. Надо только дружно взяться за дело. Можно установить стол и скамейки, устроить площадку для игр маленьких ребят, добиться от домоуправления, чтобы привезли чистого песку.

В таком саду приятно отдыхать, играть, готовить уроки, читать.

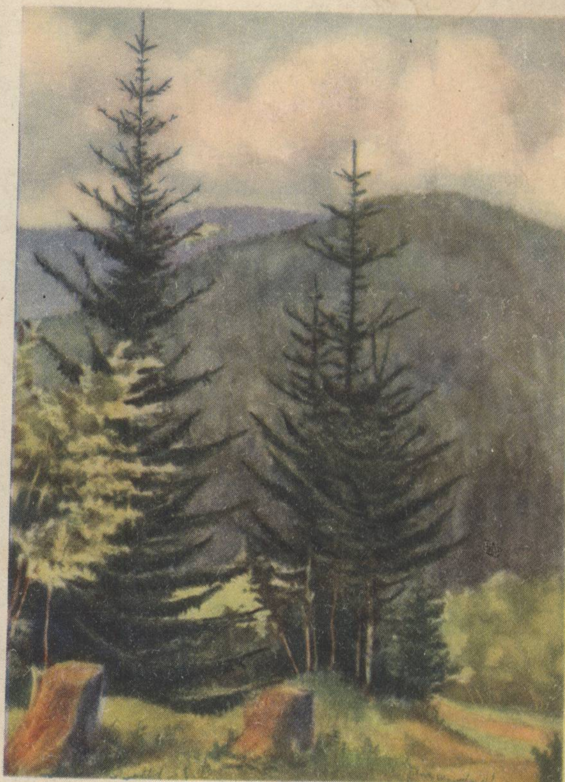
Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.

Цена 2 р. 50 к.

ЛЫЖНЫЙ ТРАМПЛИН. **Вячеслав Галанов,** Москва.

ПЕЙЗАЖ. **Фёдор Смеричко,** Ужгород.

СТРОЙКАМ. **Рина Каурова,** Петрозаводск.

ВОСЬМАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ.